

Г.Б. Мирзоев

МОЙ
ЗАВЕТ

Г.Б. МИРЗОЕВ

МОЙ ЗАВЕТ

Москва
2009

УДК 347.965
ББК 67.75ю14
М 63

М 63 Мирзоев Гасан Борисович. Мой завет / М.: «Информ-Право», 2009. — 176 с. с ил.

ISBN 5-978-5-86208-293-7

Роман «Мой завет» — органичное продолжение многоплановой художественно-публицистической книги автора «Презумпция справедливости».

В ней отражено переплетение личного и общественного, единение веры и гражданского долга. В живописных картинах рассказано о неповторимом аромате ушедшей эпохи, глубокой древности и трагических изломах современности, а автор предстает перед нами в образе мудреца, размышляющего о справедливости, вечном противоборстве добра и зла. Каждая страница его новой книги — его Завета, озарена немеркнущим светом любви к Богу и к людям.

Эта книга для автора — повествование, своего рода нравственный кодекс, свод высоких духовных правил, завещанных им своим детям и близким, друзьям и всем людям именно потому, что он сам никогда не оставался равнодушным к любым проблемам, стоящим перед человечеством.

Автор на опыте собственной жизни раскрывает смысл пребывания человеческой души в материальном теле, ее самосовершенствования на пути к Богу.

Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 5-978-5-86208-293-7

© Г.Б. Мирзоев, 2009 г.

© Оформление ООО «Информ-Право», 2009 г.

*Эту книгу я посвящаю светлой памяти
моих родителей, моей жене Зинаиде, моим
детям и внукам, а также всем последующим
продолжателям нашего древнего и славного рода.*

Вступление

Перевал

*Эз гофсохдемунумидану одомире
По разговору узнаётся человек*

*Воист туре одомире хунде, суфте хуштере хун
Хочешь людей изучить, сначала себя изучи*

Нет, не в преддверии юбилейной даты возникла идея написания этой книги. Не ради желания прослыть мудрецом и богозаступником. Не ради того, чтобы снискать себе, глубоко верующему человеку, высшего святого благоволения.

Шел я путем сложным, трудным, но прямым. Не сворачивал. Рос, любил своих родителей, братьев и сестер, учился, овладевал профессией, вел за собой людей, женился, воспитывал детей, обеспечивал семью, строил нужные людям здания защиты от несправедливости, стремился не кануть в небытие, не стать неведомой безгласной песчинкой в океане человеческих душ. И был, и есть со мною Всевышний. Была и остается со мною вера. Это вера моих предков, духовный опыт моего горского народа, исповедующего иудаизм.

Жизнь шла своим чередом. Я строил эту жизнь, и Всевышний помогал мне. А я всё это время осваивал Его премудрость, Его всеобъемлющую истину, делал свои выводы, претворял в жизнь Его правила и повеления. Что из этого получилось? Получился тот внутренний духовный стержень, на который нанизаны все мои достижения, все лучшие события моей жизни, всё моё духовное богатство. Хотелось бы мне поделиться этим духовным опытом? Хотелось бы мне, чтобы мои дети, мои внуки, правнуки повторили мой

путь, почерпнули из веры наших предков всё то, что поможет им правильно прожить свою жизнь? На этот вопрос ответ можно дать лишь один — для достижения этой цели и написана книга, лежащая перед вами.

Ведь не только хлебом единым жив человек. И прежде всего не хлебом, а духом. И вот я подумал: если мне мой духовный опыт помог стать тем, кто я есть, дал мне возможность и силу вести за собой не одну тысячу людей, давать им надежду и защищать их, то, может быть, опыт моей души, моя личная вера помогут еще кому-то самозабвенно служить Богу, семье, отечеству.

Когда-нибудь наступит это время, о котором Господь сказал: «И дарующий жизнь да оживит нас и удостоит в тот день, когда уже не будет надобности в том, чтобы друг друга поучать, ибо все тогда познают Меня, ибо наполнится Земля знанием Бога. Аминь». Да будет воля Твоя. Это время я даже вычислил. К сожалению, сейчас начался новый этап противостояния цивилизаций. Начался он чудовищным терактом в Манхэттене, когда самолеты-камикадзе врезались в здания Всемирного Торгового центра. Грядет и пик противостояния, его предсказал еще Нострадамус. А потом будет и то время, о котором говорилось выше, время, когда все будут понимать друг друга и Господа.

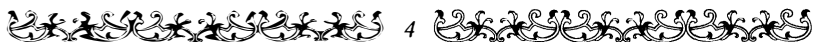
Наши потомки доживут до этих благословенных дней. Для многих из нас, живущих свято, эти времена уже наступают. И я хочу, чтобы любой, кто возьмет мою книгу, понял, что это не просто воспоминания или частное послание детям, а освященное Богом издание. Когда берешь Писание, понимаешь, что это священная книга. Пусть и эта книга согреет душу читающего.

Меня зовут Гасан Борисович Мирзоев. И я дошел до перевала. И этот перевал еще труднее, чем тот, помните, у Давида Самойлова:

*Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал.
Я любил, размышлял, воевал.
Кое-где побывал, кое-что повидал,
Иногда и счастливым бывал.*

*Гнев меня обошел, миновала стрела,
А от пули — два малых следа.
И беда отлетала, как капля с крыла.
Как вода, расступалась беда.*

*Взял один перевал, одолею второй,
Хоть тяжел мой заплечный мешок.*

*Что же там, за горой? Что же там — под горой?
От высот побелел мой висок.*

*Сорок лет. Где-то будет последний привал?
Где прервется моя колея?
Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал.
И не допита чаша сия.*

1960

До нынешнего перевала я шел на двадцать лет дольше тогдашнего сорокалетнего Давида Самойлова. Теперь мне шестьдесят.

Отсюда многое видно, потому что это одна из вершин.

А когда ты находишься на вершине горы — о, далекие, милые сердцу предгорья Кавказа! — тебе не только видней, что осталось позади, тебе видно не только то, что открылось впереди, еще ты в данный момент ближе к Небу. Ты можешь разговаривать с Ним, перепроверяя свое понимание жизни, мироздания и миропорядка, и у тебя есть шанс услышать ответы.

Каждое утро, просыпаясь, вот уже долгие годы я произношу утренние благословения и благодарность Творцу:

«Царь живой и вечносуший!

Благодарю Тебя за то, что по милости Своей Ты возвратил мне душу мою. Велика верность Твоя...»

Я встаю и смотрю в окно, радуюсь тому, что могу видеть этот мир: весенние ли кружева на березах, белые ли сугробы. Никто не заходит ко мне в комнату, все знают — время молитвы.

«Бог мой!

Душа, которую Ты даровал мне, чиста! Ты сотворил ее. Ты сформировал ее, Ты вдохнул ее в меня и Ты сохраняешь ее во мне, и Ты в будущем заберешь ее у меня, а затем вернешь ее мне в мире Вечном, в мире Грядущем. Всё время, пока душа в теле моем, благодарю я Тебя, Господь, Бог мой и Бог отцов моих. Владыка всех творений, Властелин всех душ, Благословен Ты, Господь, возвращающий души в тела умерших».

Часть первая

Я ПОСТРОИЛ МИР

Глава 1

Московский рейс

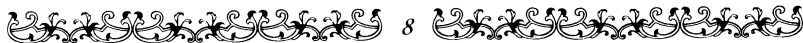
*Знайся только с достойными дружбы людьми,
С подлецами не знайся, себя не срами,
Если подлый лекарьство нальет тебе — вылей!
Если мудрый подаст тебе яду — прими!*

Омар Хайям

В феврале 1986 года я прилетел в Москву насовсем. Семья осталась в Баку, мама молчала и не хотела говорить о переезде, дети учились, а отца не стало двумя годами раньше. Но именно он мечтал о возвращении в Москву — в город его молодости, его научных изысканий, учебы и трудного пути признания. С 1953 по 1958 год он учился в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта, в 1963-м защитил здесь кандидатскую диссертацию.

Пропасть лежала между его молодостью и этим, 1986 годом. И не только временная пропасть, а настоящий исторический провал, ущелье, через которое не все смогли перемахнуть в наши дни. Уже четыре года как не было бессмертного Леонида Ильича. Период межвластия, период пышных похорон закончился. Казалось, что вместе с этими многочисленными смертями руководителей Советского государства умерло и само государство. То, которое мы любили и ненавидели. Теперь иногда приходится ностальгировать по нему, как будто оно еще есть где-то, и каждый может съездить туда на денек-другой, насладиться принадлежностью к великому эксперименту, к многоликому народу, мощь которого влилась в твои жилы. И в памяти то государство предстает солнечным и радостным. Может, это государство называется не «Советский Союз», а «Молодость», не знаю. Знаю только, будь оно где-то на карте, навсегда я туда переселиться не хотел бы.

Накануне моего приезда в Москву Горбачев выступил на проходившем в Москве XXVII съезде КПСС. В силу сложившейся традиции, раздражающей всех нормальных людей, раскритиковал предыдущего властителя. Пообещал каждой семье в 2000 году отдельную квартиру. Теперь можно с него спросить. Рубеж пройден.

Но тогда, в феврале 1986 года, все одинаково привычно радовались и выводу на космическую орбиту аппарата «Мир», и обещанию квартиры жителям коммуналок и бараков. Ни то, ни другое нельзя было проверить, это было из области, далекой от простого человека, затюканного ежедневными проблемами.

Через пару-тройку месяцев рванет Чернобыль, предсказанный, кстати, Нострадамусом, а через десять месяцев в Москву разрешат вернуться Сахарову. Перестройка прорвет бумажную завесь истории, и, заплатив кровью тысяч людей, их жизнями, страна будет вставать из гроба, как пушкинская мертвая царевна. Вывод войск из Афганистана, противостояние Горбачева и Ельцина, кровавые события в нескольких столицах союзных республик, в том числе в моем родном Баку. Карабах. Спитак. И — последняя смерть в СССР: смерть самой советской эпохи и союзного государства. Нет больше такой страны на карте, нигде нет, кроме нашей памяти. Не всё там было кошмаром, как пытаются показать многие псевдоисторики. Но ужас в том, что нет больше на карте мира и на нашей планете страны, которая была твоей родиной. Это трагедия нашего поколения, поколения, выросшего в почившей стране.

А в тот простудный февральский вечер 1986 года, когда я приземлился во Внуково, все наши судьбы и вот такой ход истории были только Богу известны.

Угрюмый ночной аэропорт встретил меня изморозью, ледяной кашцей, в которой я утопал по колено, пока добирался до стоянки такси. Проходил это мерзлое болото, словно обмельчавший Ледовитый океан. Тут еще полился снежный дождь — совсем повеселело. Если северянин воспринимает ад как пекло, то для бакинца вот такое февральское несварение природы за ад тоже вполне может сойти.

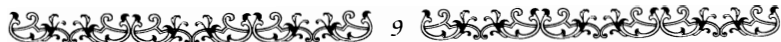
— Сколько до центра? — спросил я на всякий случай, хотя расценки знал по частым визитам в столицу, приходилось последнее время полетать. Но и цены менялись каждый день.

Даже мне, руководителю одной из крупных юридических консультаций в Баку, запрос показался совсем космическим. Ну что ж, деваться было некуда — за то, чтобы тебя вывезли из этого ада, я готов был отдать полцарства.

— Ну что, откуда к нам? — фамильярно спросил водитель. — Небось из Азербайджана?

— Угадали, — скучно ответил я.

— А я вижу: смуглый такой, хотя если тебя отбелить — вылитый мой сосед Петр Иванович. Даже курносый такой же.

— Так мы и есть соседи, — устало парировал я шерботому таксисту, — в одном Советском Союзе живем, забыли?

Водитель помолчал, и я уже испугался, что он обиделся.

... Я в Москве часто бываю. Друзей много, — я вспомнил ныне покойного Юрия Федоровича Полякова, он тогда работал лектором ЦК КПСС, Льва Семеновича Симкина (сейчас профессор, доктор юридических наук, преподаватель Академии адвокатуры), Михаила Крестинского, в те годы он был майором милиции, а также трех Александров: Сашу Малика, Сашу Верзанского и Сашу Иванова.

Жили тогда в Москве и родственники мамы — дядя Илюша Шамилёв с семьёй: женой Анной Григорьевной и детьми Володей и Мариной. Дядя Илюша приходился моей маме двоюродным братом, но с самого детства он был очень близок и дорог мне, я всегда с ним советовался, особенно в последние его годы. Он, ветеран Великой Отечественной войны, проработал в Москве более 50 лет, прожив 94, а до 2002 года он каждый год принимал участие в параде ветеранов на Красной площади. Несмотря на уговоры тёти Ани, как я называл его жену, я решил их не беспокоить своим приездом, так как Володя, их сын, женился, и у него к тому моменту уже было две дочери.

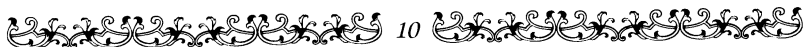
Игонин Володя и Толя Хорошев — закадычные мои приятели, однокурсники — годом позже тоже приехали в Москву, и это давало мне силы, даже если мы не перезванивались подолгу. Не мог я не вспомнить и Майю Леонидовну Свердлову, с которой я познакомился в 1984 году в редакции журнала «Социалистическая законность», куда я привёз свою очередную статью для публикации. Вообще, в те годы небольшой коллектив редакции «Соцзаконности» во главе с её главным редактором Николаем Николаевичем Кондрашковым, несмотря на то что являлся рупором грозного органа — Прокуратуры СССР, источал мирный, творческий дух и состоял из замечательных людей, с которыми я подружился на долгие годы. Это были люди, которые всегда придут на помощь. Их присутствие рядом всегда ощущалось...

— Ну да, — кивнул водила, — небось овощи-фрукты...

— Нет, я адвокат, увы.

— А чего ж увы? — удивился водитель и даже оглянулся.

— Да я думаю, что мог бы стать гениальным поставщиком хурмы и апельсина, а еще арбузов, винограда, киндзы, помидоров, о, вы еще не знаете азербайджанской кухни... — и я стал перечислять названия самых любимых кушаний, которые прекрасно готовила мама, и из чего они делаются.

Я почти довел водителя до голодного обморока, чувствуя, как он слглатывает слюну, как представляет себе щедрые дары кавказских склонов. Рыбу, черную икру ложками и нефть составами я не упомянул. Достаточно было, чтобы молчание длилось полчаса. Переваживал.

Куда и зачем я ехал по этой ночной трассе, вдоль косматых лесных пейзажей? Кто меня ждет? Кто мне обрадуется здесь? Зачем обменял свою трехкомнатную бакинскую квартиру? Мама причитала всю дорогу, провожая меня, словно провожала на войну. Война не война, а сражения предстояли, не побоюсь сказать, великие. Вот я, бакинский адвокат с 1977 года, с 1978 года заведующий крупнейшей в Баку юридической консультацией № 13, верой и правдой служивший своему народу до этого в роли и оперуполномоченного угрозыска, и старшины роты в Советской Армии, и даже исполняющего обязанности военного следователя военной прокуратуры Баладжарского гарнизона Закавказского военного округа, и юрисконсульта, и адвоката, и депутата вначале поселкового, а затем Шаумяновского районного Совета народных депутатов города Баку, председателя комиссии по социалистической законности, — приехал служить Советскому Союзу, в общем и целом.

Президиум Верховного Совета СССР пригласил меня как представителя малой горской народности для работы в Центральном аппарате Президиума Верховного Совета СССР. Письмо Тенгиза Николаевича Ментешашвили пришло в ЦК КП Азербайджана. Мне говорили о том, что, возможно, такое приглашение поступит, мне звонили, меня приглашали на беседу в ЦК компартии Азербайджана. Но все равно громом среди ясного бакинского неба было это письмо. Потому что в звуке «Москва» и для моего сердца многое сплелось и отозвалось. И вот я ехал в такси за баснословные деньги принимать должность заместителя начальника отдела законопроектов Президиума Верховного Совета СССР.

Начальника моего, Людмилу Алексеевну Стешенко, я не знал. Но в последний мой приезд в Москву, после того как мы были представлены друг другу, она начала мою кандидатуру так активно лоббировать, что вопрос решился очень скоро. Обаяние — страшная сила.

Квартира, которую я смог найти в Подмоскowie в обмен на нашу бакинскую жилплощадь, была не только не обустроена, но и не оформлена до конца. Мои еще жили в родовом гнезде, а хозяйва щёлковской «трёшки» паковали сумки и коробки, как улитки, медленно и чинно. Да и не в этом дело. Мне нужно было в ближайшие

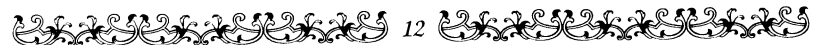
дни построить тут, в столице, фундамент моей дальнейшей судьбы. Тут не до езды на перекладных. В Москве, чтобы находиться в центре событий, и жить нужно в центре города. Ну по крайней мере так было в те далекие годы начала перестройки.

Я оформился в гостинице, номер оказался небольшим, уютным, с приглушенным светом, в тёмно-коричневых тонах. Под окнами, выходящими на улицу Горького, то и дело прошмыгивали легковушки, словно раскаленным маслом обдавая тротуары и фасады размякшей снеговой кашей, которую никто не убирал. Поставил чемодан в прихожей, снял пальто, пиджак, вошел в гостиную и поскорее прилёг, укрывшись пледом, хотелось согреться.

Неужто я всё сделал для своих, там, на своей родной земле? Неужто там ни у кого не осталось никаких проблем, и они в один голос сказали: «Иди, Гасан Борисович, теперь москвичам помоги, а мы теперь без тебя справимся»? Ну, вот приблизительно так и причитала мама в машине моего младшего брата Натана, Натика, который вез нас в бакинский аэропорт. Да нет же, конечно, мама. Те проблемы, с которыми идут к адвокатам, у людей никогда не закончатся. Хорошая профессия. Но если бы мне сказали, что не будет у людей проблем по нашей части, все будут жить мирно, нравственно, а я профессии лишусь при этом, я бы обеими руками проголосовал. Нет, невозможно такое.

Вот и вызвали меня в Москву. И я приехал. Но не только по вызову, но и по велению собственного сердца, под напором того природного чутья, которым меня наделил Господь Бог. Это была главная причина, по которой я принял вызов, согласился, решился. Каким-то внутренним чутьем я понимал, что в стране перемены не просто зреют, а накатывают, как снежный ком, как цунами, которое еще только формируется далеко в море. Скоро, очень скоро эта волна переломает весь советский уклад, все надоевшие до чертиков порядки, позволит осуществить и мою собственную личную революцию, претворить в жизнь мои собственные, может, еще не до конца сформированные идеи. Всё это носилось в воздухе. Так чувствуешь тонкие, едва уловимые запахи весны. По-новому начинает светить солнце, деревья меняют окраску стволов, лица людей меняются, кровь быстрее и волнительнее пульсирует во всей твоей кровеносной системе.

Со следующего же дня я занялся двумя глобальными, жизненно важными проблемами. Первая — трудоустройство. Вторая — обустройство жизни. Если говорить о том, что взамен просторной трехкомнатной квартиры в Баку мне предложили только эту обычную

пятиэтажку в подмосковном городке, то я снова начну качать головой и тосковать. Правда, квартира нашлась быстро. Машину мою, «Жигули» 11-й модели, перегнал мой друг, таксист Робик Самедов, ныне уже покойный. У этого замечательного человека выросли достойные дети! Акиф Самедов — лейтенант милиции, Яшар прошел Чечню, боевой капитан Российской армии.

Я по-настоящему дружил с их отцом и горжусь, что его дети решились взять с меня пример при выборе своих профессий. Робик был простым человеком, работягой. Познакомились мы при забавных обстоятельствах, всегда вспоминали об этом, рассказывали наперебой новым приятелям в компании, да и своим детям. В качестве оперуполномоченного я выехал в составе оперативной дежурной бригады на место преступления по вызову. Оказалось, убийство. Но проблем особых не предвиделось, потому что преступник не ушел с места преступления, сам позвонил и сдался. Сдаться-то он сдался, а вот патрульная машина уехала срочно на следующий вызов, что-то серьезное произошло в спящем городе. Мне нужно было оперативно доставить задержанного в отделение, а самому догонять свою команду. Остались мы на улице вдвоем. Руки у пьяного, но довольно крупного мужчины, который вдруг перестал плакать и стал приходить в себя, были в наручниках. Но тут возникла еще одна проблема. Из подъезда выбежала женщина и стала виснуть на шее задержанного, причитать на всю улицу, изредка помахивая в мою сторону кулачками. Хлопнула задняя дверца «скорой помощи», увозившей тело убитого. Я огляделся, соображая, как выйти на оживленную трассу. Вдруг я увидел, что из соседнего подъезда вышел жилец. Я проследил взглядом, куда он направляется, и тут понял, как мне повезло.

— Друг! Товарищ! Стой! Уголовный розыск! — я схватил под локоть своего подопечного и потащил его к машине.

Да-да. Это был тот самый Робик, который заезжал в тот вечер домой поужинать и снова отправлялся на своей «Волге» бороздить улицы Баку в поисках пассажиров.

Я подбежал к машине, которую уже успел открыть Робик, легонько оттеснил водителя от нее и представился.

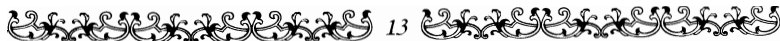
— Вот мое удостоверение. Не сердись, товарищ! Тут машина твоя нужна.

Я открыл заднюю дверцу, втиснул задержанного, а сам спросил Робика:

— Сам поведешь или здесь останешься?

Робик отреагировал так, что сразу расположил меня к себе:

— Поехали, о чем разговор! — только и сказал он и сел за руль.

С тех пор машина для меня — это, можно сказать, средство производства.

Но ездить в Москву по делам было невесело и на машине. Позже, сдав эту квартиру в Щелкове, я получил уже через Госарбитраж Москвы московское жильё. Вот тогда появилась возможность вызвать семью. Я совсем истосковался по детям, а они по мне. Их сказочный лепет в телефонной трубке доводил меня до слез. Но надо было крепиться и наутро опять идти решать программу, так сказать, максимум.

— Людмила, — говорил я жене в трубку, — я не могу заниматься обустройством жилья. Слава Богу, квартирный вопрос решился, но мне кажется, что очаг и гнездо — это всё-таки по части женщины. Давай-ка собирай чемоданы. Но обязательно переговори с мамой. Она должна дать свое предварительное согласие на то, что переедет к нам. Возьми с нее обещание. Я знаю, если она пообещает, то никогда не отступится от своих слов, такой у нее характер.

— А где она будет жить? — спрашивала жена с подтекстом.

— Слушай, — начинал кипятиться я, — где я скажу, там и будет жить. То есть где она захочет. А советская власть тут пока без жилья никого не оставляет. Решим все проблемы, только привези детей и возьми слово с мамы.

Конечно, я понимал, что уже тогда моя привязанность к супруге несколько ослабла, но в таких делах виноваты всегда оба, а точнее, никто не виноват — время виновато, потому что время меняет всех нас. И мы перестаем узнавать друг друга, перестаем быть такими, какими нас полюбили когда-то наши близкие. Мама переехала к нам только после моего возвращения из командировки в США.

Да и переезд моей семьи в Москву состоялся позже, я уже работал, и работал совсем не там, где меня ждали в эти бесцветные февральские дни. В тот же вечер, немного отогревшись, но ещё не успев спуститься в ресторан гостиницы «Минск», чтобы поужинать, я позвонил дежурному секретарю Людмилы Алексеевны Стешенко и доложил о своем приезде, оставив координаты и номер телефона. Будущая руководительница позвонила мне через несколько минут.

— Будем работать, Гасан Борисович. Приезжайте, кабинет посмотрите, решим ваши бытовые проблемы, давайте завтра с утра. А пока адаптируйтесь, акклиматизируйтесь. Всё-таки с юга приехали.

Кабинет был огромный: кругом полированная карельская береза, высокие окна, толстые стены. От всего здесь исходило чувство добротности и стабильности. Я проводил рукой по сукну на письменном столе, включал настольную лампу. Никаких пожеланий по изменению обстановки просто не могло и в голову прийти.

— Тогда милости просим — с понедельника на службу. Форма одежды деловая, начало работы в 9.00, — улыбнулась Стешенко и пожала мне на прощание руку. В этой живой сильной женщине чувствовалось какое-то сестринское дружеское отношение, наверное, она была из тех девочек, которые в детстве играют с мальчишками, а сверстниц сторонятся.

И вот наступил понедельник. Я поднялся на свой второй этаж в доме, отмеченном памятной доской, что в нем-то и была в свое время «Приемная Калинина», и долго шел коридорами, мне уже начинало казаться, что я заблудился, а красная, точнее, застеленная тканевым бесцветным полотнищем, дорожка всё никак не кончалась. Когда-то здесь, на углу Моховой и Воздвиженки, была гостиница «Петергоф». Потом большевики национализировали здание под так называемый 4-й Дом Советов. В нем располагались аппараты ЦК партии и ВЦИК, приемная Калинина, а в наши дни находятся приемные Совета Федерации и Государственной Думы.

В окно виднелась Библиотека им. Ленина, еще без памятника странно сидящему Федору Михайловичу Достоевскому. И вдруг я увидел пронзительный взгляд, направленный на меня. Огромный снежный человек с волнистой шевелюрой, сияющей своей белизной, да еще здесь, в коридорах Президиума Верховного Совета, мог привести в оторопь кого угодно! Но когда я столкнулся с ним взглядом... то сразу обрадовался, а потом уже стал вспоминать: что это за знакомец такой с шапкой седых развевающихся волос остановил меня своим взглядом и радостно мне улыбается? Так бывает, что человек сначала чувствует, что другой человек несет ему добро и абсолютно ему импонирует, а потом уже ты узнаешь этого человека ближе, убеждаешься, что твоя благосклонность находит ответное благожелание с его стороны.

«Кто? Кто это? — пронеслось в голове. — Какое знакомое лицо. Ну, конечно, бакинский знакомый, но когда, где?» — старался вспомнить я.

Медленно отходил я от своих глубоких мыслей о будущей работе и жизни в Москве, и медленно память «по моему заданию» нарисовала сцену нашего бакинского знакомства. Конечно, сразу и имя этого замечательного человека предстало перед мысленным взором. Это был Виктор Васильевич Найденов. «Познакомила нас, подружила» в один сказочный вечер столица моей юности — город Баку. А если быть до конца правдивым, это был не сказочный вечер, а весьма трагическое уголовное дело тех самых «цеховиков», раздутое в назидание всем, кто хотел перемен в экономике, партийной машиной, из последних сил стремившейся удержать плановый под-

ход, подконтрольность каждой былинки — системе. Так вот, из Москвы для осуществления надзора за ходом расследования по этому «значимому» делу был прислан заместитель прокурора Союза ССР. Для любого юриста эта должность — что-то из жизни обитателей горы Олимп. Обвиняемые Саша Бабаев, Изик Кулиев, Алекпер Миркишев, Вазген Сааков, другие лица не просто привлекались к уголовной ответственности, а шли «под вышку». Не буду сейчас подробно останавливаться на этом деле.

Я участвовал в качестве адвоката по назначению, хотя дело было громким, но, сами понимаете, вести дело подзащитного, к которому вполне могут применить исключительную меру наказания, смертную казнь, — никакой славы не захочешь! Но вышло так, что мое имя стало после этого дела узнаваемым, а вот подзащитный мой остался жив.

Неподалеку от гостиницы «Южная» и Приморского бульвара провел я 1978—1979 годы. Но ни моря, ни солнца не было там, где я трудился. Это были подземелья, пахнущие сырой штукатуркой, погибающими волглými архивами, холодные, с мертвым электрическим светом, гулким эхом и редко нарушаемой тишиной. Это были гектары недр нашей бакинской земли, в которой было устроено свое царство-государство — государство «Следственный изолятор Комитета государственной безопасности Азербайджана».

Мой подзащитный В.А. Сааков был таким обвиняемым, на показаниях которого строилось всё обвинение. Американской системой правосудия веяло тут в нашей ситуации, а я оказался не столь противостоящим следствию, сколь сотрудничающим со следствием вместе с подзащитным и в его интересах. Но палка-то всегда о двух концах, как мы знаем. По показаниям моего подзащитного — вы только задумайтесь — привлекались к уголовной ответственности помощник прокурора Азербайджана, сын бывшего Председателя Совета Министров республики Кулиева и еще 14 человек. Судебные заседания продолжались более полугода. В итоге три высшие меры наказания. Саакову после всего этого «сотрудничества» прокурор потребовал назначить в качестве наказания 15 лет лишения свободы. После моей защитительной речи суд определил ему 8 лет. Пять лет шло следствие, и Саакову оставалось отсидеть в местах не столь отдаленных менее трех лет. Главное, что всеми своими показаниями Вазген стремился уже не вредить казненным позже Саше Бабаеву и Изику Кулиеву, но он очень переживал. Он почернел от горя, когда приговор его бывшим приятелям был оглашен. Заявил еще до этого, что и те его показания, которые были в деле, у него были получены

с помощью пыток, но ничто не могло спасти жертв режима. Этого не понимал Вазген и всё казнил и казнил, даже жалел, что не ушел вместе с ними.

Странная у нас профессия. Похожа на профессию артиста. Входя в храм правосудия, мы должны абстрагироваться от той жизни, которая осталась там, за стенами. Ведь следователями, хоть и не главными, по этому делу были мои лучшие, повторю, самые лучшие друзья, что называется, «неразлейвода», верные мои соратники, однокашники: Владимир Игонин, Владимир Богомолов, Анатолий Хорошев. Главными следователями были Алексей Васильевич Чижук и Сергей Васильевич Гусев. Получается, разные были у нас с моими друзьями процессуальные позиции, можно сказать, прямо противоположные. С одной стороны, доверие, которое я испытывал и испытываю к этим людям, совершенно исключало недоговорки, плетение сетей, интриги. А с другой — как же трудно было сохранять тогда адвокатскую тайну, как трудно было не кипятиться в горячих спорах, чтобы поколебать позицию моих однокурсников. Но они выполняли свою работу, причем так ответственно и достойно, что я снимаю перед ними шляпу. Именно им выпало присутствовать во время казни других обвиняемых по этому делу, а это потом всю жизнь разъедает память. Прокуроры обязаны были наблюдать за ходом «приведения в исполнение...», чтобы гарантировать своим личным присутствием, что не случится замены приговоренного или ему не облегчат уход, не устроят побег.

Так вот, когда приехал высокий прокурор из Москвы, ребята сообщили мне пожелание самого главного следователя о том, что совместными усилиями надо продемонстрировать азербайджанское гостеприимство. Мы были бы не мы, если бы не вывели прокурора «на барашка», в уютное загородное местечко. Тем более что для защиты главного свидетеля обвинения я был приглашен не по своей воле, а был назначен. А каких мук стоило в то время адвокату выдержать «беседу» в ЦК КП Азербайджана?! Это еще меня «проработывал» один из самых уважаемых людей в ЦК Иван Васильевич Глушенко. Он деликатно посоветовал мне не противиться назначению.

— Вы ведь совсем недавно вступили в партию, — тихо говорил он. — Ваш подопечный — главный свидетель обвинения. Московские «важняки» — так по-вашему говорят — Чижук и Гусев, которые ведут дело, настаивают на вашей кандидатуре. А знаете, почему? Прокуратура хочет сильных противников. Ну, то есть нужно, чтобы процесс выглядел максимально объективным.

В том-то и дело — «выглядел».

Мне предоставили материалы уголовного дела, я как раз изучал тома, методично появляясь в подземельях следственного изолятора, когда при- ехал «шеф» из Москвы, следователи сами захотели представить меня высокому гостю.

Вот они и позвали меня, уверенные в том, что эти посиделки не нарушат профессиональной этики. Прокурор из Москвы интересен всем. Так мы познакомились с Виктором Васильевичем Найденовым.

Всем было очевидно, что расстрел, который грозил обвиняемым, будет показательным, но некоторые всё еще надеялись, что власть смягчится и заменит наказание, оставит им жизнь. Тем бoльшим шоком для нас было узнать, что обвиняемых казнили, не дожидаясь даты рассмотрения жалоб Верховным Судом СССР. Произвол.

— Адвокат Мирзоев, уважаемый, — сверкнул улыбкой Найденов, — что вы здесь делаете?

На его лице светились воспоминания бакинских встреч.

— Вот, Виктор Васильевич, — принимаю должность. Во-он мой будущий кабинет.

— Ой-ой, — усмехнулся Виктор Васильевич.

Чувствовалось, что его не могут шокировать никакие назначения. Однако я видел, что глаз у него загорелся, и загорелся именно на мой счет. Всё стало понятно, когда Виктор Васильевич отвел меня к окну и сказал заговорщически:

— А я-то ведь, Гасан Борисович, уважаемый, пошел на повышение! Теперь я Главный государственный арбитр Союза ССР. Во как!

Найденов сделал долгую паузу, наблюдая в окно за потоком машин, за нависающим над Гостиным двором мрачноватым Кремлем, и потом резко повернулся ко мне, словно вдруг почувствовал, пока смотрел на Кремль, что меня надо спасать, уводить с этой дороги, как будто он, Найденов, понимал про меня что-то такое, чего я и сам не чувствовал.

— А зачем вам это? Нет, ну зачем? Бумажки перебирать, абзацы в законопроектах местами переставлять раз в месяц? Вы же практик, я ведь видел вас в деле! У вас в руках работа кипит, к вам люди идут, как вот сюда к Калинину шли — толпами. Вы ведь и предприятиям оказывали юридическую помощь, знаете эту правовую область?

— Конечно, знаю. Но к чему вы, Виктор Васильевич, клоните? Мыслимое ли дело? Я тут уже утверждён...

— Ерунда! — чуть ли не вскричал Найденов и моментально перешел на шепот. — Одна шарашка. Государственные органы судебной и исполнительной власти — близнецы-братья. Я вот тоже вас официально приглашаю. Идите работать к нам, времена быстро меняются, как небесные пейзажи. Завтра арбитраж будет эпицентром новой хозяйственной жизни страны. Разве вы не понимаете, что до перемен рукой подать, кипит всё на улице?!

О, это была пламенная речь! Попробуй после такой речи не выйди из анабиоза, вызванного переменой места и образа жизни, престижным предложением работы в Верховном Совете СССР, вообще какой-то общей дистонией. Вот в этот миг я и проснулся. Взыграла во мне кровь! Да как же это я не удосужился раньше представить себе, вообразить, что за деятельность меня здесь ждет? Престиж, престижем, деньги, авторитет — дело хорошее, но ведь каждый день нужно будет приходить сюда и заниматься не свойственным мне делом до тех пор, пока я не потеряю способность чувствовать чужую боль, желание помочь людям.

— Я даю вам направление в хорошее место.

— Да как же я смогу, я же подведу... такая руководительница тут замечательная, она за меня радела...

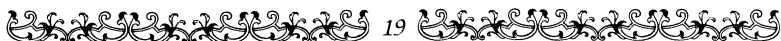
— Ну, считайте, что она для общего блага радела. А вас я завтра жду у себя в приемной.

На следующее утро без пяти девять я стоял перед дверьми кабинета Найденова. И я понимал, что мне не достанется царский трон и ничегонеделья. Я ведь четко расслышал слова Найденова: надо работать, вариться в самой гуще событий, впитывать в себя ветер перемен. И всё мгновенно закрутилось так, словно и было предназначено мне встретить Найденова, повернуть на другие рельсы: хорошенькая секретарша вынесла мне от Найденова записку, из которой следовало, что сам он ведет длительный разговор с кем-то из ЦК, а мне надлежит позвонить по значащемуся в записке номеру и подъехать в Арбитраж РСФСР.

С улицы 25-го Октября я поехал к музею Васнецова, где располагался Арбитраж России. Николай Иванович Сапожников, Главный государственный арбитр РСФСР, направил меня к Алле Константиновне Большой. Тогда я и познакомился с этой выдающейся женщиной, которая, испытующе глядя на меня исподлобья, чуточку усмехаясь чему-то своему, проговорила:

— А у меня мест нет.

Я покрылся потом. «О, где ты, Приемная Калинина, потерянная для меня навсегда?»

— Только одно есть место, — добавила Алла Константиновна, — одно. Я изыскала. Тут у нас одна женщина в декрет ушла... У нас, знаете ли, вообще все тут женщины. Ну, только четверо мужчин, а почти тридцать человек женского пола. Вас не смутит, если мы предложим вам проявить себя на временной работе по замещению этой сотрудницы?

— Да она, может, и не вернется, у нее брак счастливый... — продолжала моя будущая начальница, не выпуская из рук дымящуюся сигарету.

— У нас в Баку с равенством полов всё в порядке... — смутился я, — но хотелось бы уточнить, кем работала-то эта счастливица?

— Ну, голубчик, ваш попечитель не стал бы хлопотать за должность секретарши, я вас уверяю. Конечно, речь идет о должности государственного арбитра города Москвы. И если вы согласны влиться в наш полномочный коллектив, то считайте, что вы уже гос-арбитр... вот только пройдете все согласования...

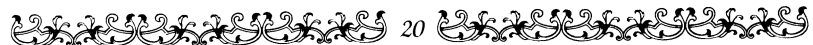
И она опять улыбнулась то ли сочувственно, то ли иронически. Она-то знала, что мне предстоит! Так как процедуру утверждения моей кандидатуры на высокую государственную должность в ЦК КПСС я уже прошел, я думал, что остальное — дело техники. Но оказалось, что и фантастики в бюрократическом механизме нашей советской государственной машинки было хоть отбавляй. Мою кандидатуру теперь должны были утвердить вначале в горкоме партии, а потом депутаты Московского городского Совета на своей сессии. Только потом я мог избавиться от приставки «и.о.».

Меня назначили исполняющим обязанности государственного арбитра города Москвы и нагроулили массой дел по надзорной инстанции. И только в мае следующего года я дождался сессии Моссовета. Трудовую книжку я наконец-то получил из Баку, перевели меня на должность исполняющего обязанности, но впереди было еще самое знаменательное и судьбоносное событие в моей жизни тех лет.

Жил я в то время уже не в гостинице, но еще и не в собственной квартире, ждал, пока утрясется все мои дела с оформлением жилья. С маминкой легкой руки нашел я себе родной угол.

— Сынок, если ты не послушаешь меня, я сама приеду в Москву и тебя за руку отведу к Марии Ермолаевне! — так моя золотая мама пыталась взять штурмом мое несознательное отношение к своему здоровью и месту обитания. — Ты погубишь свой желудок, ты в этих гостиницах как бездомный, как будто тебе некому помочь!

Мама умела настоять на своем. Она могла часами давать мне наставления, пока я не сдавался. В этот раз позвонила она и с ходу за-

теяла разговор о том, что в Москве есть прекрасные люди, у которых я мог бы поселиться.

— Ты знаешь тетю Машу? — распевно спросила меня мама. — Мою подругу, она с мужем живет в центре, в Москве. Сергеевы, помнишь, они приезжали к нам в Баку? Ну, старинная моя подруга и муж у нее Костя!

— Конечно, я помню Марию Ермолаевну, — я даже стукнул себя пальцами по лбу. — Как я мог ее не навестить, ах, я! Спасибо, что напомнила!

— Да ты не понимаешь, Гриша! Ты должен у нее погостить, — тут мама, видимо, решила предпринять отвлекающий маневр, зная, как я не люблю стеснять чужих людей, — просто им так одиноко! Я уже ей позвонила. Когда она узнала, что ты в Москве, она отругала меня! Мне даже было неловко, что я забыла попросить тебя к ней навеститься, передать приветы, обнять от моего имени. Нет, ты помнишь ее? Она тебя так любит! Она ждет тебя на этой неделе! И если ты не поедешь к ней, я, сынок, приеду и буду ходить за тобой на работу с кастрюлями и кормить тебя домашней пищей, чтобы у тебя были силы! Она — мой заместитель!

— Мама, мама! Успокойся. Тебя послушать, так в Москве нет еды совсем! Это в Баку масла сливочного не купишь, а у нас тут кругом и столовые, и магазины.

Ну, в магазины-то я почти не заходил тогда, если признаться честно. И не потому, что нас снабжали какими-то там заказами, а потому, что некогда было ни покупать, стоя в очередях, эти продукты, ни готовить. Я действительно обходился близлежащими столовыми и кулинарией, но в силу постоянного цейтнота мне даже в голову не приходило, что гостиница — это не самое уютное место для жизни.

Мама дала мне точный адрес, и я, накупив продуктов и подарков, отправился в гости. Я помнил эту героическую женщину. Она была немного старше моей мамы, поэтому, когда началась война, Мария Ермолаевна, как все девчонки ее возраста, пошла в военкомат и от дверей военкомата до Берлина прошла всю войну. Я помнил ее статной женщиной, с мягкими чертами лица, в ситцевом цветастом платье, на каблуках и с огромным бежевым чемоданом. Она приехала к нам как-то в Баку, очевидно, со всем своим гардеробом. Да, когда-то и наши матери были такими молодыми и энергичными.

Дверь открылась. На пороге передо мною стояла маленькая пожилая женщина лет семидесяти в блузке и строгой юбке, кутаясь в пуховый платок. Движения ее были легки, как бывают они легки у пухлых людей, ведь косточки их становятся невесомыми и хруп-

кими, а еды старикам тогда и не доставалось почти, не могли они первыми добраться к прилавку, на который выкидывалось с десятков кусков докторской или полдюжины синих цыплят.

Она ахнула, всплеснула руками и потянулась ко мне со слезами на глазах. Прильнула и долго стояла так на пороге, пока за спиной у нее не показался ее старенький муж Константин Павлович и не повел нас в комнату. Квартира была небольшой, в красном углу висела иконка, на горке и в лампадке теплились огоньки, на столе посередине комнаты стояли чашки и заварной чайник, зеленый с розовыми цветами, нарисованными уверенными мазками широкой кисточки. На чайнике красовалась немного засаленная, похожая на кустодиевскую, яркая ситцевая баба, сохраняющая тепло в сосуде. Комната была единственной, я сразу решил, что мне здесь жить невозможно, старикам и самим тесновато.

— Гришенька, — твердила Мария Ермолаевна, — какой ты стал...

Я готов повторять ее имя бесконечно. Эта женщина так любила меня, столько материнского тепла мне подарила, что мне до сих пор ее не хватает... Дело в том, что не отпустили меня старики. Уговорили, пригрозили своими наивными стариковскими угрозами. Мы устроили тогда прекрасный стол, выпили чаю. А потом Мария Ермолаевна сказала, что жить я буду в этой комнате, а у них на кухне столько места, что две тахты умещаются. Там они с мужем и спят. Конечно, они перебрались на кухню непосредственно перед моим приездом, я возмутился и стал укорять их: они, мол, ставят меня в неловкое положение. Но тут Мария Ермолаевна как-то сникла, опустила голову и стала говорить, словно самой себе:

— Я немного завидую твоей маме, Гришенька. Вот мы с мужем доживаем свой век, почти ни с кем не общаемся. Нам уже от жизни много не надо. Даже питаемся, как голубки, крохами какими-то. Хотелось бы только знать, что там, у вас, у наших детей происходит, куда вообще жизнь-то эта движется... Старики... ведь они только интересами своих детей живут, только один у них свет в окошке. Ты ведь знаешь, что у нас есть сын. Он теперь тоже очень достойным человеком стал, мы им гордимся даже. Он пошел по линии КГБ, — она тут перешла на шепот, — занят вот только чересчур. Мы его не видим почти.

— Да Марья Ермолаевна, как всегда, преувеличивает, — встрял Константин Павлович насупясь. — «Почти не видим» — это было бы еще куда ни шло! Мы его, мать, совсем не видим, вот оно как.

У меня зашемило сердце. Я вдруг вспомнил американского сослуживца Феликса, который годами не звонил матери, ее жалобный

голос в трубке, надежду в этом голосе, когда та просила позвать Феликса к телефону. И мне вдруг показалось, что, если я сейчас уеду, это будет равносильно тому, что я тогда отвечал этой бедной американке:

— Вашего сына нет на месте.

Я вставал рано утром. По обычаю читал молитву. На кухне тут же начинался шорох, звяканье чашек, ложек, шумела вода, которую Марья Ермолаевна торопливо наливала в чайник, чтобы вскипятить мне чай.

— Марья Ермолаевна! — строго выговаривал я ей. — Если вы опять станете гладить мои носки, я маме пожалуюсь! Ну почему вы меня так балуете?

— А кого мне еще баловать, Гасанчик? Мой Юра государственную безопасность охраняет, внуков нет пока, а ты — наш любимый ребенок. А детей надо баловать.

Эта простая русская женщина была мне всем здесь в Москве: домом, семьей, ангелом-хранителем. Однажды, спустя несколько лет, я познакомился с ее сыном. Да нет, специально его разыскал и предложил встретиться.

— Мы с вами почти родственники, — сказал я в трубку. — Мама моя сейчас живет в Москве, я хочу, чтобы мы все вместе посидели, посмотрели друг на друга, у нас, у бакинцев, есть такая особая любознательность: мы всегда хотим быть в курсе, как там поживают наши близкие, знакомые люди. Так и выясняется, кому нужно помочь, а за кого можно порадоваться. Ведь лишний повод для радости никогда не помешает, правда?

Он пришел в гости. Я привез в нашу квартиру и его родителей, созвал своих. Мы с Зиной встретили его тепло, но я специально старался показать, что главные люди на этом празднике — наши матери. Юра скользнул по щеке матери коротким поцелуем, пожал руку отцу и отошел к балкону. Мария Ермолаевна боялась поднять на него глаза, словно провинилась перед ним в чем-то. На самом деле, ей, наверное, казалось, что она может спугнуть сына лишним трепетным взглядом, и видение рассеется.

Казалось, он даже не понимал: что он здесь делает? Но через некоторое время я заметил, что Юрий пристально наблюдает за мной. Мне от этого взгляда стало не по себе.

И хотя меня уже столько раз в этой жизни проверяли всевозможные органы, от этого рентгеновского взгляда хотелось сразу выпрямить спину и пересказать свою автобиографию еще раз.

— Юрий Константинович, давайте выпьем за наших мам, — предложил я ему. — Вы ведь знаете, что для меня сделали ваша мама и Константин Павлович. Мы так сроднились за то время, пока я жил у вас дома, в вашей, можно сказать, квартире детства, что, может быть, могу даже представить и понять, как вы росли, как развивались. Так вот, у вас такие чудесные родители, я клянусь, никогда не перестану быть им благодарным, буду им помогать всем, чем могу.

Юра пожал плечом, но бокал осушил. Взгляд его несколько смягчился, он даже подсел на ручку кресла, в котором почти утонула Мария Ермолаевна.

Ее не стало совсем недавно. Она прожила долгую жизнь. А несколько раньше мы проводили Константина Павловича... Когда на могиле водружали памятник, был повод еще раз собраться. В старую квартиру Сергеевых, куда приехала и моя мама, пришлось взять и нашу маленькую дочку Полину.

— Ах ты моя девочка, — Мария Ермолаевна ласкала льнущую к ней малышку, — как я по тебе соскучилась!

Юра при этих словах матери как-то странно поглядел на меня и пошел курить на лестницу. Я вышел за ним.

— Я не ревную, ты не подумай, — сказал он, зажимая зубами сигарету, — просто... просто... я попробую объяснить... Вот чувство было такое, что не хватает тепла, человеческой доброты, которой уже вкусил когда-то, но забыл, когда и где. И вдруг вижу, где и кто источник этой доброты — собственная мать. За этими проклятыми служебными делами забыл, что главное, а что второстепенное.

С тех пор Юра стал постоянно бывать у матери, а потом попросил моего водителя, который отвозил Марии Ермолаевне продуктовый набор, передать мне, что он берет продовольственную проблему на себя. Я, конечно, не переставал ездить к ней, но мне стало спокойнее за эту женщину, которая в последние годы снова обрела родного сына и материнское счастье.

А в те годы, когда всё начиналось и по улицам Москвы пошло звучать новое обнадеживающее бунтарское имя — Ельцин, я словно сеял семена, которые должны были дать свои всходы в положенные сроки. Борис Николаевич стал в это самое время Первым секретарем Московского горкома партии. А именно горком представлял не утвержденные ранее кандидатуры госарбитров на сессию Моссовета.

И естественно, что без согласования в бюро горкома или личного дозволения Ельцина, минуя его кабинет, начиненный духом со-

протivления, на сессию прошмыгнуть было невозможно, в первую очередь, потому что речь идет о кандидатуре хоть и члена КПСС, но из парторганизации другой союзной республики.

Стояла весна. Дома и улицы уже подсохли, солнце пробовало силы, окна московских домов сверкали, намытые хлопотливыми хозяйками. Пахло хлебом, пахло сиренью, пахло праздником. Инструктор Московского горкома Фадеев, вызвавший меня на ликбез, втолковывал с каким-то пораженческим настроением, что если я попаду к Первому, то ему нельзя перечить, что нужно отвечать коротко и ясно, громко и т.д. — всё как на октябрьской линейке.

Я подумал тогда: ну ладно, вы меня считаете недоразвитым, не способным ответить на жизненные или профессиональные вопросы без вашей подсказки, но вы ведь и Первого секретаря своего не уважаете, считаете, что ему чуть ли не короткими фразами нужно докладывать, чтобы он понял, о чем речь. Тут зазвонил телефон, и инструктор горкома Фадеев машинально включил громкую связь.

— Ну, ты закончил? — спросил Фадеева мелодичный мужской голос. — Как там, не подставимся?

— Да нет, — забыв о моем присутствии ответил Фадеев. — Надеюсь, понравится.

— Откуда он? Судя по фамилии... — кто-то в телефоне явно почесал подбородок. — Слушай, а этот Мирзоев по-русски-то говорить умеет?

Фадеев спохватился, выключил громкую связь, но в трубку произнес, зачем-то прикрыв ее и свои губы рукой:

— А как, по-твоему, я с ним тут сижу и беседую? Переводчиков, что ли, созвал?

Чернышов вскоре сам зашел в кабинет инструктора и представился:

— Зав. отделом Чернышов. Через «О». Ну, прошу на суд... э... на бюро...

Несмотря на грубоватость, он показался мне симпатичным человеком, ироничным и умным. По дороге нас перехватил еще один чиновник, который отменил поход на бюро и предложил пройти только одну-единственную пыточную — заведующего отделом горкома. Но тот, увидев нашу процессию в дверях своего кабинета, вскочил, намочил мне руки своим потливым рукопожатием и, не слыша наших слов, повёл меня в приемную самого Первого секретаря. Мне было всё равно. Я просто понимал, что бюрократы тут совсем дикие, они шарахаются от любой ситуации, в которой нужно проявить себя и принять самостоятельное решение, а кроме того,

думал я, уж лучше с главным, с Ельциным побеседовать, чем с десятком-другим таких вот трясущихся бюрократов от компартии.

Я вошел в кабинет и увидел странную картину: словно Малевич нарисовал своими кубиками и ромбиками неадекватно крупную фигуру Первого секретаря с взъерошенными седыми прядями над необычайно длинным, но мелким столом. «Пространство, что ли, тут изогнуто», — успел подумать я.

Ельцин сразу насупился, засопел, видно было по его лицу, что он не видит во мне профессионала, как и водитель такси, везший меня в феврале из аэропорта.

— Как вас...

Чернышов доложил мою биографию. Признаться, это и мне было полезно послушать и припомнить: растерялся от злого вида Ельцина. Борис Николаевич не дал дослушать мне мою биографию. Под прямым углом поставив руку на стол, так что локоть уперся в бок, он перебил Чернышова и рявкнул:

— А если партия скажет, — и он стал стучать крестьянской своей ручишей по столу и наращивать громкость, — а если партия скажет, вы как поступите?!

Другой бы на моем месте плюнул и сбежал из этой совершенно гоголевской сцены с криками «да пошли вы все, что вам надо от меня, демоны...» Но я, достроив логические связи и смыслы заданного мне вопроса, через какое-то время ответил:

— Товарищ Первый секретарь, я поступлю по закону.

Краем глаза я увидел, как заведующий отделом зажмурился.

И тут раздался еще более истошный крик Ельцина (зачем он так кричал, я до сих пор не знаю):

— Идите!!! Работайте!!!

Хорошее ведь решение принял, правильное. А так кричал, как будто у него вся жизнь подверглась переоценке.

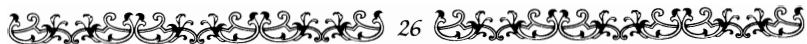
С облегчением Чернышов и остальные стали поворачиваться к двери. Но тут за спиной что-то зашевелилось, словно Голова из пушкинской поэмы «Руслан и Людмила» вдруг стала выбираться вместе со всем туловищем из-под земли, — это был Ельцин.

Он протягивал мне на быстром ходу свою огромную ладонь и говорил:

— Борис, тёзка, желаю тебе удачи.

Я не подал виду, что удивлен быстрой смене настроения.

— А я, Борис Николаевич, тоже желаю вам удачи, чтобы вы, наконец, нашу любимую Москву сделали самой великой столицей мира.

Через несколько дней сессия Моссовета единогласно утвердила мою кандидатуру и кандидатуры других моих коллег. А Борис Николаевич стал чаще выходить в народ, совершал набег на столичные магазины, клеймил позором зажавшихся чиновников и партийцев, пока не стал Председателем Верховного Совета РСФСР.

А в это время мы с моими новыми друзьями и соратниками Ельцина собирались вечерами и мечтали о том, чтобы у России был Президент — с богатой седой шевелюрой, крестьянскими руками и несгибаемым характером. Не мог не влюблять в себя этот человек. Володя Комчатов, Женя Суханов, а может, Лёва Шемаев, кто-то из близкого окружения, нашли три разноцветных полотнища и попросили сшить первый российский флаг, с которым Ельцин забрался однажды на грузовик и стал громогласно, свирепо разносить в пух и прах старые порядки. Вот в какой круговорот я попал, оказавшись и в команде Ельцина, и в его предвыборном штабе.

В 1993 году я сидел в номере «Президент-отеля», этаж был выделен под моих помощников-юристов. Это были Сережа Юрьев, Ольга Юдина, Игорь Хон. Они входили в группу юридического сопровождения предвыборной ельцинской кампании. Помню, как после победы на выборах Ельцин собрал нас — Ярова, Чубайса, Филатова, Бауэра, Шабдурасулова, Шошина, Маслова, Ивлева...

— Какую должность хочешь? — спрашивал каждого из нас Президент.

— О, это вам готовый министр юстиции, — мягко показал на меня Филатов.

— Но, несмотря на то что он адвокат, он может быть и толковым прокурором, — на подъеме выпалил Чубайс.

— Ну? — подгонял меня Ельцин и подмигивал, словно подначивал. — Все остальные-то уже определились.

— Борис Николаевич, — ответил я спокойно, — ни судьей, ни прокурором я не пойду... Я — адвокат и останусь на своем месте в своей родной коллегии адвокатов «Московский юридический центр».

А тогда, в 1987 году, началась моя работа в Государственном арбитраже города Москвы. Теперь можно было встречать семью: квартира в Щёлкове была отремонтирована, на пятом этаже, в зеленом районе, где жили простые люди, я ждал их — жену, сына и дочь. Как сейчас помню: Сиреневая улица, дом 2а.

Я был госарбитром Москвы, за архиважными делами, которые мы рассматривали, следили и в ЦК КПСС, и в КГБ СССР. Бывали и звонки с разными просьбами. Звучали эти просьбы красиво: по-

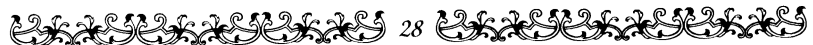
мочь хорошему человеку, а по сути меня толкали на то, на что я никогда пойти не мог — сердце не позволяло, совесть запрещала. И надавить на меня поэтому было нельзя, анонимки не помогали. Некоторые крупные чиновники, которых я отстоял, отстоял их бизнес, и по сей день плодотворно трудятся на ниве капиталистического производства. Я, признаюсь честно, люблю людей, которые помнят добро. Потому что сам такой. Мне не нужно какой-то материальной благодарности, но хорошее отношение к тому, кто тебе когда-то помог, — это, можно сказать, мой жизненный принцип.

Очень хотелось бы, чтобы адвокатский коллектив, приходящий по первому зову на помощь людям, мог и сам рассчитывать на тех, от кого зависит решение организационных и хозяйственных вопросов. От этого выиграет всё наше общество.

Что толкает человека изменить свою жизнь? Что в нас сидит такое, что не дает нам успокаиваться на достигнутом? Трудно себе представить, что было бы со мной, если бы не было во мне этого вечного двигателя, заставляющего придумывать себе новую головную боль. Не было бы этой боли — не было бы и радости побед!

Был я соискателем института Прокуратуры СССР. Руководителем моим был профессор Косоплечев, но он, по обоюдному согласию всех заинтересованных лиц, передал меня Валерию Михайловичу Савицкому, ставшему моим наставником и другом на долгие годы. Через год после моего переезда в Москву я изменил тему диссертации. А в Баку я почти два года добивался согласия Президиума республиканской коллегии на мое поступление соискателем в Институт философии и права Азербайджанской ССР, где я сдал кандидатский минимум только в 1986 году, в год переезда в Москву.

Теперь предметом моей страсти стал нарождающийся институт малого и среднего предпринимательства. Если учесть, что при советской власти вообще никакого предпринимательства не было, а если и было, то в основном с предпринимателями нам, адвокатам, приходилось сталкиваться живьем только в тюремных кабинетах для свиданий с подзащитными, а ведь многих и расстреливали. Так что за тему эту я схватился двумя руками, на мне был груз ответственности перед всеми этими прошедшими перед моими глазами людьми, которые, конечно, по советским меркам, нарушали закон, но закон-то был незаконен по канонам международного права и вообще прав человека. Да еще и нарождающийся класс предпринимателей требовал такого объема работы, в том числе научной, что мои руководители в аспирантуре только руки на груди складывали: конечно-конечно. Это была благодатная почва. Она впитывала всё,

что в нее сеяли, — и ростки нового права появлялись на наших глазах. Мы радовались каждому новому закону, который был призван регулировать те правоотношения, которые уже сложились в народном хозяйстве, в гражданском обществе. Предпринимательству нужны были новые законы, методологическая база, международный опыт, своя налоговая система, свои гражданско-правовые установления.

Вместе с моими коллегами, государственными арбитрами города Москвы Аллой Аркадьевной Видякиной, Галиной Владимировной Комаровой, Ольгой Анатольевной Высокинской и Ольгой Михайловной Поповой, мы решили получить еще и высшее экономическое образование, чтобы глубже разбираться в хозяйственных вопросах. И вот, почти три года, с 1987 по 1989, мы «грызли гранит экономической науки» в московском Институте управления имени Серго Орджоникидзе. После трудного напряженного дня чаще всего на моих стареньких «Жигулях» мы по вечерам ездили из здания госарбитража на улице Чкалова, 48-а (сейчас Земляной Вал) на другой конец Москвы — на Рязанский проспект.

Я-то, конечно, старался подходить к проблеме со своей, адвокатской стороны. Мне, отягощенному нелегким опытом бакинских судилищ над «цеховиками», которые, по сути, были «не криминальнее» любого кооперативщика времен перестройки, не терпелось применить свой опыт по защите предпринимателей и предпринимательских структур от произвола государства. Но законодательной базы пришлось ждать около пяти лет. Забегая вперед, могу сказать, что изменить и выбрать именно эту тему диссертации мне помогли те руководители первых предпринимательских структур, кооперативов, товариществ, банков, приходившие ко мне как к государственному арбитру, которым я был назначен по приезду в Москву.

После таких приемов, на которых мне в короткое время и практически в частном порядке (так как в качестве государственного арбитра я не имел права давать юридические консультации желающим) приходилось рассказывать каждому записавшемуся на прием, как ему решать свои проблемы (как будто только я знал ответы), я вдруг осознал, что предприниматели крайне нуждаются в специальной юридической структуре нового типа по организации оказания правовой помощи нарождающему предпринимательству. Шутка ли — ведь им и предпринимателями-то разрешили стать только в год моего приезда в Москву.

А поскольку государство взяло курс на перестройку, самоокупаемость и хозрасчет, да еще и Горбачев всё время требовал ускорения

и перехода на хозрасчёт и самофинансирование, то ничего удивительного не было в том, что руководители с государственным мышлением, видением поддержали эту мою идею.

Казалось бы, чего не хватало мне, недавнему бакинскому адвокату, приехавшему в Москву не только не покорять ее, а, наоборот, учиться уму-разуму и за несколько лет получившему признание и уважение коллег, настоящих звезд от адвокатуры? Это дорогого стоило: получить приглашение Президиума Верховного Совета СССР, быть избранным в государственные арбитры города Москвы, завоевать уважение таких китов российской юриспруденции, как Владимир Николаевич Кудрявцев, Валерий Михайлович Савицкий, Александр Дмитриевич Бойков, Олег Витальевич Байков, Олег Емельянович Кутафин, Владимир Евгеньевич Гулиев, Марат Викторович Баглай, Вениамин Федорович Яковлев, Юрий Исаакович Стецовский, Борис Михайлович Лазарев, Тарас Миронович Кейзеров, Иван Семенович Яценко, Александр Алиевич Арифудинов, Владимир Николаевич Исаичев, Анисим Иванович Экимов, Владимир Александрович Туманов, Тимофей Николаевич Радько, Валентин Семенович Чернявский и, конечно, незабвенные Владимир Петрович Казимирчук и его замечательная супруга Полина Абрамовна Лупинская. Какие люди встретились мне на пути, я благодарен им за науку, за товарищескую помощь! В Баку — это Равиль Чуканов, Адль Гаджиев, Фуад Тальшинский, прокурор Гасан Касумов, судьи Татьяна Забрамная, Шахин Кадыров, и одноклассники мои — Назим Гулиев и Володя Багдасарян, которые, так же как и Адль Гаджиев, сейчас работают в коллегии адвокатов «Московский юридический центр», которую я возглавляю с 1989 года. Я трудился.

Я должен был устать! Но...

Тем весенним сухим вечером я ехал в троллейбусе по Садовому кольцу к своему дому. Я смотрел на лица девушек и женщин — почему-то на работу и с работы подавляющее количество именно женщин ездило со мной в транспорте.

А мне казалось, что троллейбус как-то быстрее пробивается по своей полосе в час пик, когда Садовое всё запружено легковушками, и я пренебрегал услугами собственного персонального транспортного средства, сидел рядом с домом на «Б» и ехал по кольцу на службу. У них, у москвичек, были совсем разные, но очень симпатичные лица, в этом сумраке они все казались феями. У московских сумерек потрясающее свойство. Какая бы погода ни была, ка-

кого бы оттенка ни были облака или ясный жгучий закат, любое освещение, если оно было даровано московскими небесами, заставляло хорошеть всё вокруг: лица прохожих или попутчиков, фасады домов, сам воздух мерцал каким-то растворенным в нем волшебством. И незаметно сам для себя я стал думать о том, что моя работа в госарбитраже должна трансформироваться во что-то иное, и я не должен покидать своё любимое занятие, не должен изменять своему призванию — защищать. Защищать конкретных людей, каждого из которых можно лучше узнать, запомнить, положить руку на плечо и сказать:

— Не волнуйтесь, я сделаю всё возможное, чтобы вам помочь.

Да, я, несомненно, обрел неопенимый опыт работы в государственном арбитраже. Я познакомился и подружился с новыми людьми, талантливыми руководителями — Аллой Константиновной Большой, Николаем Петровичем Логуновым, Валентиной Григорьевной Курбанковой, Галиной Ивановной Рытиной и другими.

Были и те, с кем не очень сложились отношения. Кому-то пришлось не по нраву моя непримиримость и принципиальность.

Но тосковало мое сердце по живой адвокатской практике, по коллегам, каждый из которых — это просто кладезь мудрости, с любого можно роман писать. Но адвокатура была уже несколько в стороне от меня, и с этого расстояния я видел: не всё там благополучно.

В те годы вступить в члены коллегии было практически невозможно. Человеку, который страстно желал работать адвокатом, нужна была или мощная протекция, или очень сволочной характер, чтобы преодолеть те заградительные ежи, которые были выставлены партийно-бюрократическим аппаратом и руководителями единственной в столице коллегии адвокатов.

Помню, как только был создан Госюрцентр Мосгорисполкома, я обратился к председателю Московской городской коллегии адвокатов с просьбой принять наш коллектив в коллегию в качестве юридической консультации. Председатель коллегии, не буду сейчас называть его имени, так как несколько лет назад мы проводили его в последний путь, отказал мне, не озвучив конкретных мотивов отказа. А ведь тогда нас было уже около трехсот человек, и все мои коллеги были специалистами высочайшего класса. У нас была неплохая материальная база, свои помещения для работы. Такое количество опытных юристов, которые знали проблемы хозяйствующих субъектов изнутри, знали, как решать эти проблемы, могли бы уже тогда составить мощный костяк нарождающейся новой адвокатуры, помогающей предпринятиям и организациям на пути их становления

в новых условиях. Эти люди пришли в Госюрцентр, уволившись со своих предприятий, став здесь советниками, экспертами и консультантами. Всегда с благодарностью буду помнить имена своих первых соратников: Дмитрия Степановича Тарабанова, Аллы Аркадьевны Видякиной, Елизаветы Андреевны Брагиной, Бориса Григорьевича Соловьева, Любви Леонидовны Тереховой, Татьяны Яковлевны Свит, Андрея Игоревича Шехтера, Эльдара Агаевича Гасан-заде, Юрия Анатольевича Платонова, Леонида Федоровича Кедеява, Петра Степановича Фещука, Александра Семёновича Анисимова, Нины Алексеевны Поляковой, Александра Николаевича Берница, Александра Яковлевича Стулия, Людмилы Вячеславовны Ильиной, а также фронтовиков: Лазаря Ефимовича Велкомирского, Эммануила Марковича Шефтера. Особое уважение и восхищение характером и стилем организаторской работы вызывал Михаил Павлович Вышинский, который пришёл в МЮЦ в 1992 г. и проработал до 2005 г.; бухгалтеров Ирину Юрьевну Можаровскую, Ирину Григорьевну Синельник, и ныне работающих со мной, Галину Федоровну Кузнецову и моих помощников Григория Анатольевича Ломохова, Александра Владимировича Синёва, Юлию Ковердяеву и Юрия Рейзера; талантливых журналистов, ставших не только близкими по духу старшими товарищами, но и друзьями: Ромена Ароновича Звягельского, главного редактора учреждённого Гильдией российских адвокатов журнала «Российский адвокат», Владимира Петровича Селёдкина — главного редактора органа Гильдии российских адвокатов — журнала «Адвокатские вести» и «Ученых трудов Российской академии адвокатуры», ушедшего недавно из жизни Геннадия Сергеевича Птицына — главного редактора журнала «Вестник Гильдии российских адвокатов» и многих других.

Московских адвокатов можно было понять. Они боялись не столько конкуренции со стороны новых, свежих сил молодой постперестроечной демократии, сколько разрушения определенных традиций узкокорпоративного сообщества, что начнут размываться веками складывавшиеся традиции и устои российской адвокатуры. Но я понимал, что есть традиции, которые нужно сохранять, а есть догмы и закостенелости, которые нужно счищать с дерева адвокатуры, как вредоносные древесные грибы. В конце концов, думал я, можно оставить старинные коллегии с их собственными тараканами и попробовать организовать новую коллегию.

Приехав домой, я стал судорожно лезть по нормативным источникам, справочникам и сборникам новейшего российского законодательства только с одной целью: найти этот запрет. Запрета не было. Я мысленно окинул взором тех людей, на которых я мог бы

опереться в своей, на первый взгляд, бредовой идее. И я понял еще одну вещь. На пространстве огромной России с ее беспомощным в плане правовой защиты населением столько потенциала для создания новой армии адвокатуры, что вопрос-то с её созданием давно уже назрел, и медлить с этим вопросом больше было нельзя. Может быть, нашлись бы еще люди, которые попробовали бы создать свою, новую адвокатуру. Может быть, и создал бы кто-то свою коллегию, вместо того чтобы тыркаться в старый, закрытый, как мажонская ложа, адвокатский орден. Но я-то уже впитал в себя ту адвокатуру, которой шло второе столетие, и я мог организовать такую коллегию, в которой новое сочеталось бы с традицией в лучших ее проявлениях.

Опыт депутатской работы я приобрел задолго до того, как был избран в Государственную Думу Федерального Собрания РФ третьего созыва.

Еще в середине восьмидесятых я уже представлял своих избирателей и в поселковом, и в районном Советах народных депутатов в городе Баку. В 1989 году меня выдвинули кандидатом в депутаты Московского Совета. Уже тогда я прошел и школу представительной демократии, и школу злословия. Иногда люди ломаются, если их благие начинания не находят поддержки. Всё зависит от характера.

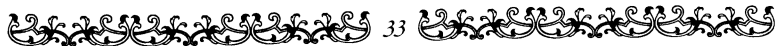
Кто-то опустит руки, увидев на подъезде собственного дома листовку, гласящую, что он самый что ни на есть злодей и обманщик, а потом обнаружит, что такие листовки расклеены по всему микрорайону. Кто-то посмеется. Человеческую природу не изменить: интриги существовали всегда и не скоро сойдут на нет.

Я предпочитаю не обращать внимания на клевету.

Однажды в какой-то неофициальной обстановке, когда я уже возглавлял Московский Государственный Центр правовой помощи предприятиям по предупреждению правонарушений Исполкома Моссовета, я разговорился с двумя своими коллегами, которые сидели за столом напротив меня, но оказалось, что они не случайно подсели поближе ко мне. Одна из них, высокая, статная, активная женщина, так со смехом и призналась:

— А знаете, Гасан Борисович, ведь это мы бумажки про вас везде клеили на вашем избирательном участке, чтобы народ не ходил за вас голосовать, — она деланно расхохоталась.

Я уже знал это и специально ответил:

— Да-а, с кем не бывает... Мне бы только найти тех людей, которые в Центризбирком на меня анонимки писали, в глаза им посмотреть.

Знал я, что эти две кумушки как раз и были этими анонимщицами.

— Ой, совсем мы вас тогда не знали... — заигрывающе продолжала одна из дам.

Я, видимо, побледнел, потому что вторая опустила глаза и стала кусать губы. Я, конечно, видел всю бабью хитрость ее компаньонки: она решила, хихикая, снять грех с души, потому что ведь тайное всегда становится явным, а этого они боялись больше всего.

— Да, понаписали вы там всякой ереси. Разве не ясно вам было, что делаете заказное дело, что так честные люди не поступают. А моим противникам, видимо, в глаза мне нечего было сказать, их метод — нож в спину, вот так вот — в подворотне, в подъезде, где вы свои листовки клеили...

Яркая блондинка преклонных уже лет всё еще не сдавалась:

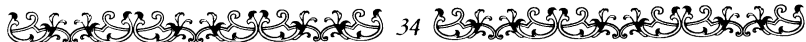
— Да нам что велели, то мы и делали, Гасан Борисович, — и снова захихикала.

Тогда, в той избирательной московской кампании, я, конечно, тоже не с пустыми руками шел в Моссовет.

Как и положено, я стал подготавливать и формулировать свою депутатскую программу, платформу, и вдруг неожиданно сам для себя вышел на новые идеи организации правовой помощи предприятиям, увидел болеевые точки развития и ведения бизнеса в нашей стране, стал разбираться, что я лично могу сделать. Но одновременно я решил, что мои идеи можно реализовать и без «похода в народные депутаты», а путем организации соответствующего Центра.

Алла Константиновна Большова, Главный государственный арбитр города Москвы, повела меня вскоре в Управление юстиции к начальнику управления Александру Фёдоровичу Агафонову. Наши справки, подготовленные с учетом моих новаторских идей, были рассмотрены на коллегии Министерства юстиции СССР, потом — известное дело — на комиссии Политбюро ЦК КПСС. Комиссия Политбюро по правовой реформе рекомендовала Горкому партии «внедрить и претворить в жизнь», в результате чего в 1989 году и был создан Государственный юридический центр Мосгорисполкома правовой помощи предприятиям по предупреждению правонарушений. Название придумал не я.

А совершенно новый в Советском Союзе тип юридической организации, новый тип оказания правовой помощи — его придумал я и горжусь этим.

Наш Центр бюрократы тех лет много раз слегка переименовывали — чем-то ведь нужно было им заниматься, а меня по решению Мосгорисполкома перевели с должности Государственного арбитра города Москвы на должность директора Центра, который уже в пору его государственного статуса стал называться «Мосюрцентром», с добавлением ведомственной принадлежности — Моссовета.

Наш Центр был государственной структурой и, наверное, можно признаться, любимым детищем партийно-бюрократической машины тех лет, потому что он мог иллюстрировать декларируемый Горбачевым курс на построение правового государства. Нас, как любимое дитя, баловали: наделили статусом «республиканского ведомства», выделили здание, автомашину «Волгу» из гаража Управления делами Мосгорисполкома, утвердили бюджет — всё было в нашем распоряжении. Но вначале, когда мы еще были никому не известной государственной структурой, я почти год налаживал работу, обивал пороги Госкомтруда, утрясая кадровые вопросы, выколотил 80 штатных единиц аппарата управления Центром, согласовывал кандидатуры для утверждения членами коллегии в составе 11 человек, писал письма, бумаги и анкеты. Центр имел всесоюзное значение. Про нас стали писать в газетах и журналах. Статья об опыте работы нашего Госюрцентра в журнале «Хозяйство и право» за 1990 год стала практически учебным пособием для того, чтобы в 43-х регионах были образованы такие же центры регионального масштаба. Курск, Курган, Смоленск, Нижний Новгород, Воронеж, Челябинск...

В 1990 году в мой кабинет вошел молодой министр юстиции Николай Васильевич Федоров. Он осмотрелся, покачал головой:

— Да, богато живете, Гасан Борисович!

— Не жалуемся, Николай Васильевич!

— Ну, а клиенты на что жалуются, на советскую власть небось?

— Это адвокатская тайна, — улыбнулся я, но, поймав себя на том, что фраза эта слетела с моих губ машинально, по старой адвокатской привычке, я быстро добавил: — И потом, у нас не клиенты, а доверители.

— Вот-вот, — Федоров сел и сцепил пальцы перед собой, — посмотрели мы в министерстве, подумали. С одной стороны, хотелось бы систему правовых организаций создать, чтобы единство какое-то было. Если юридическую помощь оказываете, тогда вы — адвокатура, коллегия адвокатов, если бандитов в тюрьму сажаете — тогда прокуратура...

— Нет, у нас в тюрьму, слава Богу, не Госюрцентр, позвольте вас поправить, а суд сажает. Да, мы близки в своей работе к принципам адвокатской деятельности...

Я чувствовал, к чему клонит министр юстиции, и разговор наш был витиеватым, пока он прямо не предложил, а я прямо не ответил:

— Так не сбить ли вас с пути истинного? Не хотите в коллегия адвокатов преобразоваться?

— Хочу, очень даже хочу, дорогой Николай Васильевич. Но пока не могу. У нас государственная материальная база, мы еще свой базис, тот самый, экономический базис, не создали, не наработали. С чем мы уйдем? А ведь если мы преобразуемся в коллегия адвокатов, то мы, знаете, как Колобок из детской сказки, от любого государственного или ведомственного подчинения уйдем, или, как церковь, от государства отделимся...

— Хватили! — засмеялся министр. — Впрочем, я вас прекрасно понимаю.

Что-то мне тогда помешало участвовать в очередной затее, спущенной сверху.

Через несколько месяцев была создана коллегия адвокатов «Клишин и партнеры», а затем в Санкт-Петербурге были созданы еще две коллегии адвокатов нового типа. Одна под названием «Международная» во главе с Артемием Николаевичем Котельниковым, а другая — под названием «Санкт-Петербургская объединенная коллегия адвокатов “Санкт-Петербург”» во главе с Юрием Алексеевичем Ильиным, оба они в дальнейшем стали моими друзьями, соратниками и вице-президентами Гильдии российских адвокатов.

А мы двигались вперед своим путем. Госюрцентр Мосгорисполкома, Государственный юридический центр Моссовета, Московский юридический центр Моссовета, Московский юридический центр Правительства Москвы — это всё наши ипостаси.

В 1991 году меня и моих коллег, которые поддерживали Ельцина, вызвал будущий вице-президент России Руцкой. Нас посылали в США.

Я был назначен заместителем Генерального директора Российского торгового и культурного центра в Нью-Йорке, естественно, по юридическим вопросам. В декабре нам было предписано быть на месте. Для начала для меня и моих коллег была арендована шестикомнатная квартира, офис наш находился во Всемирном Торговом центре. Нет сейчас ни того этажа, ни того здания — 11 сентября

2001 года стерло с лица земли башни-близнецы Торгового центра, унеся тысячи ни в чем не повинных жизней.

Между Второй и Третьей авеню на Манхэттене располагалось наше жилье. Я любил смотреть с балкона вниз, на поток машин, на благополучных людей, сознание которых очищено от вечных поисков еды, от ругани в очередях, от талонов на продукты, от понимания того, что страна, как старый изношенный механизм, приходит в негодность. Чинить — легче выбросить. У этих людей на лицах написано самодовольство, так казалось мне. Почему-то мне чудилось, что если они переживают какую-нибудь трагедию, то они переживают ее недостаточно глубоко; если же радуются, то показушно; что они только и заняты тем, чтобы при каждом удобном случае продемонстрировать свою респектабельность.

Я вспоминал пустые полки грязных, провонявших продуктовых магазинов, небруннанные мостовые в двух шагах от Садового кольца, алкоголизм, гуляющий по стране, несмотря на запреты и сухие законы. И мне больше всего хотелось, чтобы на эти манхэттенские улицы перенеслись сейчас все наши граждане: наелись досыта, научились этой уверенности в завтрашнем дне. Но я хорошо усвоил библейскую мудрость. Библейский пророк Моисей сорок лет водил народ по пустыне, чтобы выветрился из них рабский дух. Словом, двойные чувства испытывал я вдаль от родины, наверное, это и была самая настоящая ностальгия.

Нью-Йорк радовал меня только до тех пор, пока я не поднимал глаза наверх, где невозможно было увидеть того неба, к которому я привык в Москве, не говоря уже о Баку, в котором неба был целый океан. А в Манхэттене, ища вверху небо, ты снова натыкался взглядом на стену, и невозможно было эти стены преодолеть.

Так же было и с людьми. В нашем офисе работал один американец. Он представлял компанию, в чьей собственности находилось здание, был родственником одного из владельцев. Звали его Феликс. Мы всегда подшучивали над ним:

— Феликс, вот ты всегда опаздываешь, а тебе все время очень красивая женщина звонит, когда тебя нет...

— Откуда же ты знаешь, что она красивая? — на ломаном русском в ответ спрашивал уроженец Нью-Йорка, наш абориген, откинувшись на спинку кресла. — Она сама так себя позиционирует?

— Да, пожалуй... Она, во-первых, очень нежно произносит твое имя, а во-вторых, у нее голос красивый, и еще она говорит, что она твоя мама! Ай, Феликс, Феликс!

Никто из нас и подумать не мог, что это не какая-нибудь подружка нашего Феликса ему названивает, а самая настоящая мать,

которая как-то призналась мне в очередной телефонной беседе, что вот уже два года не может «застать» Феликса на работе. Помню, я больше всего удивился, поняв, что сам Феликс ей никогда не перезванивал!

— Мама, — через несколько минут я уже звонил в Москву, — мама, у тебя всё хорошо? Как твои дела?

— Гриша, ты что меня пугаешь? Ты ведь вчера звонил! Что могло случиться? Почему у тебя такой взволнованный голос?

— А вам там денег хватает? Лекарства тебе я купил утром, отправил уже с нашей дипломатической почтой. На днях получишь.

Я впервые имел возможность вжиться в другую атмосферу, в совершенно чуждый мегаполис, поработать на пользу своей страны. Ибо миссия наша была секретной. Неспроста чернокожие секьюрити Центра подолгу всматривались в наши фотографии на пропусках, сравнивая их с оригиналом, как будто каждого из нас подозревали в разведывательной деятельности на своей территории. Но вся секретность нашей деятельности была направлена не во вред США, а на благо России.

— Коммерческие банки с российским участием, которые я вам назвал, — напутствовал нас чин Госбезопасности СССР, — вывезли миллионы долларов за пределы страны. Ваша задача найти всех участников этих операций, легальным образом оспорить сделки и взыскать с них вывезенные средства, как собственные средства страны. Заодно будете предотвращать по нашей информации сделки, которые только планируются.

Нью-Йорк — город обаятельный. Масштаб, конечно, даже по сравнению с Москвой, пугающий. Сутолока, пробки, другая культура жизни. Через некоторое время благодаря очень высокому жалованью я смог снять большую двухэтажную квартиру и вызвать к себе всю семью. Людмила как-то сразу вошла в ритм американской жизни, а я так и не смог.

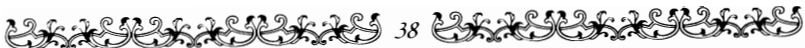
— Люда, — позвал я ее, совсем отчаявшись за мать, оставленную мною в Баку, — спустись, пожалуйста, на кухню.

Дети уже уехали в школу. Жена спустилась и с лестницы, даже не спрашивая, зачем я ее звал, стала рассказывать, что видела накануне нашего сына Борю в обществе полненькой негрityяночки.

— Ей на вид лет семнадцать, представляешь? Рано ему еще с девушками улыбаться по спортивным площадкам, ведь двенадцать только-только стукнуло.

— Послушай, Людмила. Я решил маму сюда забрать. Ты же знаешь, что там в Баку творится.

— А что там творится? — с напором переспросила супруга.

— Быстро же ты забыла, что у тебя в стране происходит.

— Да, — твердо сказала Людмила, вытирая вымытые руки, — я, к счастью, обладаю такой способностью: быстро забывать плохое. И не хочу вспоминать, будь уверен. А старого человека подвергать такому стрессу я бы не стала.

— Ну, ты же выдержала, и вот теперь радуешься жизни. А потом, я просто очень соскучился по матери. Она с детьми поможет.

Жена еще больше напряглась и словно закрылась от меня невидимым щитом. Я интуитивно ощутил это.

— Тогда, Люда, мы прервем командировку и вернемся домой раньше.

Она покосилась на меня, потом как-то перестроила мою мысль и сказала:

— Ну да, ну да, когда-нибудь и уедем, может быть, если деваться некуда будет, а пока работай, сколько позволят. За это время мы что-нибудь придумаем, научимся, как тут остаться.

Вот тебе и на! Мне и в голову не приходило, что возникнут такие трудности: психика близкого человека иногда подбрасывает нам сюрпризы. Так и моя первая супруга приняла материальное благополучие за райскую жизнь.

А райская жизнь, скажу я вам, это совсем другое — это когда в душе мир и благодать.

Жизнь, между тем, была очень насыщенная. Помимо основных задач, решения которых от нас ждали на высшем государственном уровне в России, я самостоятельно определил себе образовательную программу, в рамках которой перенимал опыт работы американских адвокатских контор, участвовал на встречах в посольстве, в ООН, посещал суды, изучал материалы. Но зато задачи, поставленные передо мной и моими коллегами, мы выполнили и вернули стране огромные суммы государственных средств, в том числе суммы, вложенные в ремонт пяти этажей Всемирного Торгового центра, которые за немалые деньги были переданы по договору аренды российской стороне.

Как-то Феликс познакомил меня на приеме со своим боссом, человеком, сделавшим свои миллионы вполне честным путем, наравно, по-нашему, с простого прораба.

— Мне трудно, конечно, представить, что человек своим трудом может заработать миллионы, в другой системе вырос, да и ценностная шкала в нас заложена другая, — сказал я ему откровенно.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, мистер Мирзоев. Но если в Советском Союзе были очень жестокие, но устойчивые идеалы, то

теперь, когда всё рухнуло, вот увидите, система ценностей вообще надолго исчезнет из вашего обихода. Вы вспомните мои слова.

Нет, не понял меня миллионер. Я не имел в виду государственную идеологию, когда говорил, что этические ориентиры не позволили бы мне аккумулировать сверхприбыли в одном кармане. Просто я не мог себе представить, зачем такое богатство нужно одному человеку, с собой на тот свет не возьмешь, а детям тоже многовато. Я имел в виду благотворительность. Миллионер перебил мои мысли, осторожно взял под локоток и, отведя в сторону от пестрой, сверкающей бриллиантами публики, жующей свои лакомства, сказал:

— Знаете, мистер Мирзоев, — русские вообще кажутся мне людьми неумными.

— Я в некотором роде...

Он не дал мне договорить.

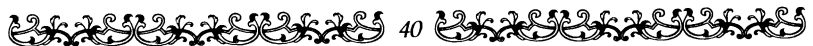
— Они обладают несметными природными богатствами, военной мощью, территорией... О! Я был недавно в России! Как можно быть такими бедными при таких богатствах?! От глупости, не иначе. Вы, с вашей восточной проницательностью, поймете меня.

— Я вырос в России, выпитал в себя все ее соки, русские люди давали мне только свою доброту и мудрость, — медленно заговорил я, по ходу понимая, что не стоит тратить нервы на этого сытого господина. — Вся бедность России не от глупости, а от трагедий, которые достались ей в XX веке. Моя жена русская и дети — наполовину. Я не считаю их глупыми.

— Шампанского, мистер Мирзоев?

Всю ночь не спал. Вот каково типичное отношение капиталистов к нашей стране. Именно типичное. Но что он говорил про распад страны, что он там пророчил? Выходило так, что я был несведущ в том, что происходило на родине. ГКЧП, бледный Горбачев, краснощекий Борис Николаевич на танке, затем Беловежские соглашения и распад СССР... Но что произошло по сути, глубинно, я не знал.

Мы рады были принять любого земляка, как-то сплотились всей командой, живя практически на острове, в некоторой изоляции от всего окружавшего нас тогда мира. Когда приехал руководитель администрации первого президента России Юрий Петров, мы искренне радовались, жаждали услышать об исторических переменах в стране, которые проходили без нас. Высокий подтянутый человек, он казался несколько рассеянным. Попросив слова, он поднял свой бокал.

— То, что вы сделали для России, — сказал Юрий Владимирович, — заслуживает государственной награды. Ребята, вот был бы еще СССР, каждый из вас был бы представлен к званию Героя Советского Союза, и бюст бы на родине поставили! Но события такие, что нет теперь СССР, да и малая родина у кого-то навсегда осталась за границами России.

Вот тогда-то я и понял, что нужно возвращаться в Москву. Тогда же и сказал об этом Петрову.

16 октября 1993 года я вернулся в Москву. В начале 1994 года я получил звание «Заслуженного юриста Российской Федерации». В ноябре 1993 года постановлением Правительства Москвы по представлению Министерства юстиции РФ «Мосюрцентр» Правительства Москвы был преобразован в Коллегию адвокатов «Московский юридический центр», а я был избран председателем президиума коллегии.

Глава 2

Как создавались «Мосюрцентр» и Гильдия российских адвокатов

*Э коми арбе варафтиге — гье э у рах мирай
На какую арбу сядешь — той дорогой и поедешь*

Впервые после возвращения из командировки в Америку я входил в здание «Мосюрцентра» в Малом Полуярославском переулке. Сотрудники приветствовали меня улыбками, пока я поднимался в свой кабинет. Мельком взглянув на дверь, я остолбенел. На табличке значилась чужая фамилия. Правда, самая распространенная в России.

«Ну и дела», — подумал я и толкнул дверь.

Мой первый заместитель встал из-за стола и, тоже улыбочивый, пошел мне навстречу.

— Ай, Гасан Борисович! Какими судьбами?

— Да я вообще-то тут работаю — начальником, директором, помните?

Андрей Иванович быстро посерьезнел и развернулся ко мне спиной. Пошел и сел за стол. Я начинал понимать, что сейчас с ходу откроется передо мной этот человек, откроется не с лучшей стороны. Человек обладает чутьем.

У кого-то оно притуплено, у кого-то очень развито. Но, так или иначе, мы всегда чувствуем, как к нам относится партнер, врет он или нет, что у него в мыслях. Я еще по письмам, всегда бессодержательным и слашавым, по телефонным докладам, коротким, спешащим, понял — что-то не так.

И вот мой ближайший, по сути дела, друг, соратник первых лет совместной работы снимал передо мной маску добродетели, а из-под нее вылезала физиономия рвача. Андрей Иванович, едва ли не кривляясь, проговорил:

— Я в том смысле спрашиваю, Гасан Борисович, что многое изменилось здесь, у нас, в России.

Он сделал ударение на всех трех словах. Я подумал, что человек, видимо, из ложных патриотических чувств, ревнует меня к Америке, может быть, даже решил, что я родину променял на сытый Новый Свет. Но как же я был далек от истинных причин его холодности.

— Мы же вам писали, — сказал он, — чтобы вы не торопились сюда возвращаться. А вы зачем-то не послушались. В стране перемены, в «Мосюрцентре» соответственно тоже. В перемены эти вы не вписываетесь. Не сможете вы подхватить, так сказать, лошадей за узду на всем ходу. О! Стихи! Ну, не мешай нам, Гасан Борисович! Только работа стала налаживаться.

— Мы на «ты» не переходили, — тихо сказал я, потом подошел к краю стола, положил на него свою ладонь. — Вообще-то я вам оставляю организацию в отличном, отлаженном состоянии, чего же вы тут говорите о том, что работа стала налаживаться, пока меня не было?

Андрей Иванович вдруг схватил какие-то бумаги со стола и заторопился к двери.

— У вас всё ко мне, Гасан Борисович? Извините, мне в Минюст нужно адрес отвезти...

— Можете не торопиться, Андрей Иванович, — резко сказал я ему. — А когда вернетесь, зайдите ко мне, сюда, в мой кабинет.

— Гасан Борисович, это мой кабинет, а вам мы что-нибудь с хозяйственниками давайте подберем...

— Нет, не давайте, — перебил его я. — Вещи ваши, Андрей Иванович, будут ждать вас в приемной. А хозяйственникам отныне распоряжения буду давать я. Меня государство в длительную командировку с особым заданием направляло, командировка закончилась. Сегодня выйдет приказ о том, что я вновь приступаю к исполнению своих обязанностей.

Мы стояли в дверях, Андрея Ивановича трясло, а мое сердце обжигало раздражение и обида. Не думал я, что не так-то просто будет свалить этого пустившего тут корни самозванца, даже табличку на двери не меняли — обратно, чтобы на двери моего кабинета было мое имя, — пока я не уволил всех, кто саботировал мои распоряжения.

Как я выбираю кадры? А мне их Бог посылает! Вот входит человек, людей и в дверях видно, хороший или злодей. Научился я с давних пор видеть насквозь. Но беда в том, что люди меняются. Это зависит от многих факторов, а от тебя уже не зависит, каким стал человек, которому ты когда-то доверил важную часть нашего общего

дела. Человек склонен к зависти, человек может опуститься или даже поглупеть. Отсюда и предательства, и месть.

Когда мой заместитель вернулся из министерства, он ко мне не зашел, хотя мне доложили о его возвращении. На следующее утро я решил продолжить разговор и вызвал его на ковер.

— Андрей Иванович, — начал я, — я что-то не могу представить себе, а точнее, уже и не верю, что мы дальше сможем работать под одной крышей...

— Это точно, Гасан Борисович. Вы там, в США, говорят, хорошую зарплату имели, так и сидели бы там, вам же намекали. Сами от своей судьбы убежали и другим не даете заработать...

— Наворовать, — поправил я. — Вы хотите сказать, что вы еще не все здесь растащили. Запомните: я создал этот Центр. Кровью и потом со своими товарищами поднимал это здание из руин. И не намерен отдавать свое дело в руки проходимцам. Вы хотите стать председателем? Возьмите и создайте свое дело! И вообще, станьте хотя бы юристом... По образованию...

Вдруг я увидел наглую улыбку, понял: заместитель пошел в атаку.

— А зачем же так усложнять? — ухмыльнулся он. — У меня уже есть свое дело. Это вы бросили коллегия на произвол судьбы...

— Во-первых, я выполнял задание государственной важности, во-вторых, не буду я перед вами оправдываться, а в-третьих... другой бы вышвырнул вас, пинками погнал бы за ворота, а я вам докажу, кому люди доверяют, за кем они пойдут. Вот будет коллегия, собрание — выставляйте свою кандидатуру. Посмотрим, что люди скажут.

— Да какая коллегия, Гасан Борисович! Вам тут удобно сидеть, в моем кресле? — надменно процедил Андрей Иванович. — А вы не побрезгуйте, подойдите к окошку...

Он жестом пригласил меня посмотреть в окно, сам подошел, кому-то дал знак. Я почти подбежал к окну, хотелось побыстрее прервать этот страшный сон.

Под окном стояли две машины с черными тонированными стеклами. При моем появлении двери, как по команде, открылись, и на асфальт высыпали люди, кто в камуфляжной форме, кто в черных масках, у всех в руках были автоматы, направленные дулами вверх.

— Вот видишь, Гасан, — мои люди уже проголосовали, выбрали меня. Отпускаю тебя домой. Завтра приходи за расчетом.

— Хорошо, — слукавил я, — только мне нужно сейчас свои документы, грамоты и анкеты здесь, в комнате отдыха, собрать, они мне пригодятся, через час уйду.

Прямо кино, да и только. Дикий Запад! Вестерн с погонями, злыми шерифами и убийствами! Я заперся в комнате отдыха и стал рыться в памяти: кому сигналить SOS?

Почему этот телефон и это имя всплыли в моей памяти, я не знаю. Только могу проанализировать свое состояние и вывести: за какие-то сутки я понял, что в стране наступил период самого дикого капитализма, первого, самого кровавого сколачивания капиталов, когда все идут по головам всех, а заторы расчищаются автоматом Калашникова. Я вспомнил слова американского миллиардера про отсутствие общепризнанных человеческих ценностей. Поэтому машинальной реакцией было — защищаться таким же способом.

— Позовите Виталика-зверя, — сказал я в трубку.

Виталик-зверь, авторитет, которого я защищал несколько раз в суде, которому в жизни было одинаково комфортно и дома, и на норах, и в пятизвездочном европейском отеле, взял трубку, щыкнул на кого-то и сказал свое «алло».

Через час в дверь моего убежища постучали.

— Это от Зверя, тьфу, от Виталия, — просипели из-за двери извиняющимся голосом. — Можно вас, Гасан Борисович? Вам тут сказать хотят кое-что.

Я открыл и вышел в кабинет. Передо мной стояли люди в камуфляже, которых я видел под окном своего кабинета. «Попал», — пронеслось в голове. Но тут вперед выступил самый плотный и высокий (у них что, по физической силе вожаков выбирают?) и положил ладонь на сердце, ну, во всяком случае у нормальных людей сердце именно там находится.

— Вы нас простите. Мы только что узнали вашу фамилию. Про адвоката по фамилии Мирзоев уже пять лет как наши поговаривают. Вас все наши люди уважают, потому что всегда за базар отве... э-ээ, потому что вы человек слова, и со стукачами там и всякими... эээ... подлецами никогда не связываетесь. А Виталик — вообще наш друг! Он звонит, говорит, что с одним вы все-таки связались. И мы, выходит, тоже, да. Так мы ж вааще ничего не знали, не при делах... Нам этот петух тут наобещал кучу халявы: землю под строительство, бесплатно половину хаты вот этой. Мы уходим, и... типа того... не сердчайте...

Так я вышиб клин клином. А заодно и предателя погнал куда подалее, чтобы заняться, наконец, своим делом. Правда, перед этим

он попытался в порыве раскаяния собственноручно снять табличку со своей фамилией с двери моего кабинета. Я не стал ему мешать. Теперь можно было создавать новую структуру новой страны.

Впрочем, сначала, как я уже писал выше, я хотел пойти по другому пути, предложив председателю одной из московских коллегий принять достойных юристов в установленном порядке в коллегию. Причем я мог бы оставить за нашей — предполагаемой — консультацией и здание, и другие материальные ресурсы. Но меня не услышали, вежливо пообещав подумать.

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Преобразовав на основании постановления Правительства Москвы от 2 ноября 1993 года № 980 хозрасчетное муниципальное предприятие правительства Москвы «Московский правовой центр» в коллегия адвокатов «Московский юридический центр», я преобразовал и коллектив. Те юристы, которые прошли экзамены и были приняты в коллегия, остались со мной, стали сами на себя работать в смысле зарплаты, часть перешла в административный аппарат коллегии, остальные нашли своё призвание вдали от меня, и слава Богу.

Привезенное мною из Америки слово «департамент» пришлось как нельзя кстати: мы создали в рамках коллегии департамент организации правовой защиты предпринимательской деятельности, департамент оказания правовой помощи гражданам и другие. Договор о личном адвокате был применен нами впервые по аналогии с такой же формой обслуживания на Западе. И во многом мы были первооткрывателями. Вслед за нами движение по преобразованию таких юридических центров, как наш, в коллегии адвокатов нового типа стало массовым.

Шел февраль 1994 года. Я пригласил руководителей новых коллегий в гости. Здание, в котором развернул свою работу «Мосюрцентр», потихоньку принимало приличный вид. Мы устраивали субботники, нанимали строителей, усиливали хозяйственный отдел. И вот: мусор, оставшийся от школьного прошлого, был вывезен, кабинеты отреставрированы, адвокаты обживали их, к нам пошел народ.

Я имею в виду, что коллегия адвокатов «Мосюрцентр» после моего длительного отсутствия и трудного возвращения, наконец-то, заработала всюю. Наладилась работа консультаций, входящих в коллегия, установился определенный регламент различных официальных мероприятий, без которых невозможна жизнь организации.

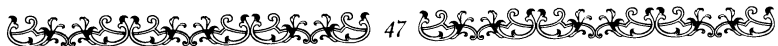
Председатели коллегий, входившие в здание, явно не ожидали такого масштаба. Я собрал их в своем большом кабинете и открыл заседание.

— Дорогие мои коллеги! Я не скрывал от вас, зачем я пригласил вас сюда, инициировал эту встречу. Все мы с вами одной природы, наши коллеги, по сути, братья, рожденные в одной семье. Мы принадлежим к одному — новому, современному — поколению российской адвокатуры. Но мы с вами до тех пор будем развеяны по свету, разобщены, пока не создадим свой «профессиональный совет», а именно структуру, которая бы организовывала общие мероприятия в наших коллегиях, обеспечивала единую стратегию работы, развития и вообще подходов к вопросам защиты граждан. Поэтому я предложил вам заранее подумать о том, что нам надо объединиться, создать профессиональную организацию адвокатов, в которую бы входили наши коллегии, да и просто адвокаты, которые захотят быть под нашим крылом.

Я спросил этих прогрессивных опытных людей, в трудностях создавших свои коллегии по всей России, а это были: Артемий Николаевич Котельников, Юрий Алексеевич Ильин — в Санкт-Петербурге, Николай Николаевич Ткачев в Воронеже, Юрий Васильевич Ермаков в Ростове, Михаил Федорович Совкунов в Челябинске, Владимир Алексеевич Козлов в Нижнем Новгороде и другие, — видят ли они, что назрела такая необходимость, или нет.

И никто не возразил мне. Все присутствующие единогласно высказались в поддержку идеи объединения. Многие это уже, наверное, позабыли, что Гильдия была создана, а точнее, было провозглашено ее создание еще в феврале 1994 года. Но мы отчетливо понимали, что мы в стране не единственные адвокаты, а что наряду с нами в каждом субъекте России существовало по одной старой коллегии, которые были в курсе наших дел, не торопясь приветствовать нас, как своих пусть не единоутробных, но всё-таки собратьев и коллег. Конечно, с появлением такого количества новых адвокатских коллегий, встал вопрос о конкуренции. Одно дело, когда на весь город одна коллегия, другое дело — полное отсутствие запретов на создание такого количества новых коллегий, сколько нужно этому городу, чтобы гарантировать всем его жителям и предприятиям правовую поддержку. Но мне было трудно представить, что вопросы материальной выгоды затмевают для некоторых проблемы нехватки адвокатов на местах.

Коллегии, которые существовали на протяжении всей советской власти, не могли не видеть нарождающуюся новую адвокатуру, по-

этому назрела необходимость провести общероссийский адвокатский съезд.

24 сентября 1994 года в Москве открылся Первый съезд адвокатов России.

Кабинет председателя Московской городской коллегии адвокатов Алексея Алексеевича Рогаткина был заполнен до предела. Туда мы пришли перед съездом, пока ожидали открытия. Все, конечно, были возбуждены, радостно подшучивали друг над другом, говорили, что до кулачных боев дело не дойдет, но индивидуальные спарринги возможны...

— «Зубровочки», Гасан Борисович, — предложил хозяин кабинета.

Рядом с ним сидел Николай Наумович Клен, как всегда элегантный, интеллигентный, с изысканной манерой обращаться. «Кленами», говорили адвокаты, можно измерять порядочность. Он всегда меня поддерживал.

— Не поддавайтесь, Гасан Борисович, — сказал он.

Присутствующий здесь же Алексей Павлович Галоганов, председатель Московской областной коллегии адвокатов, сказал:

— Давайте уже начинать работать, наконец-то удалось собраться.

— Ну, в коллегиях нового типа, я смотрю, не уважают старых традиций, — продолжали шутить наши оппоненты.

Нужно сказать, что вопрос об объединении всех адвокатов России шел всегда, и фактически с 1907 года ни разу попытки объединения не увенчались успехом. В последний год существования Советского Союза был создан Союз адвокатов СССР во главе с Георгием Алексеевичем Воскресенским, но СССР распался, и Союз адвокатов СССР преобразовали в Международный Союз (Содружество) адвокатов, Г.А. Воскресенский остается его неизменным руководителем. Ассоциация адвокатов России, которую и ныне возглавляет Алексей Никифорович Малаев, была создана в 1991 году. К этому времени уже был зарегистрирован еще один Союз адвокатов России, возглавляемый А.П. Галогановым. Александр Викторович Клигман позиционировал себя оппонентом новой, как он считал, «лишней, параллельной» адвокатуры. А.В. Клигман предлагал в кулуарах объединить все союзы.

Я также считал необходимым создать не одну общественную организацию, как предлагали мои коллеги, а единый профессиональный орган самоуправления адвокатуры, причем я предлагал назвать этот союз Федеральной Палатой, или Высшим Федеральным Советом адвокатуры РФ. Еще за 8 лет до принятия Закона об адвокатской деятельности, в котором именно такое название федерального

адвокатского органа и зафиксировано. А главное, я понимал, что это объединение должно было проходить по профессиональному принципу. Что это означает? Что Палата должна была регулировать именно внутрикорпоративную деятельность всей адвокатуры, с правом издания соответствующих рекомендаций. Но вся проблема всегда сводилась к тому, что ни разу не удавалось объединить хотя бы большинство адвокатов, работающих в нашей стране. Ведь адвокаты — самые свободолюбивые люди. А любое объединение под эгидой некой руководящей верхушки означает передачу части своих полномочий этой структуре. Вот и получалось, что множились якобы общероссийские общественные организации, а толку было мало. Сказывалось, конечно, и отсутствие единого для всех Закона об адвокатуре.

Уважая «старые традиции», мы попробовали «зубровки» и принялись обсуждать те глобальные проблемы, которые нам предстояло решить на съезде. И как-то легче пошло обсуждение. Мы увидели, что нас никто не собирается игнорировать, с нами готовы работать в одной команде, принять наших представителей в руководящие органы той структуры, которую мы создадим на съезде. И главное, что это будет объединение адвокатов именно по профессиональному принципу и для решения профессиональных, а не общественно-политических задач.

Как видите, желание объединиться было у всех. Но каждый председатель Президиума коллегии адвокатов, который имел амбиции общественного деятеля или попросту эталона эрудиции и ораторского искусства, хотел сам быть «мэтром-объединителем». Ради дела я готов был уступить и призвать других своих коллег-председателей вступить в федеральный союз адвокатов, если бы эта организация не дублировала уже созданные такие же общественные организации, которые не помогали адвокатам жить, работать, зарабатывать деньги, защищать своих членов. Не всё, конечно, было совсем бесполезным. Просто мозаика адвокатских коллегий не давала большой отдачи. Об этом и должна была идти речь на съезде. Мы думали, что перед съездом смогли найти общий язык. Но на съезде все повернулось вспять: Клигман, Калитвин, Смирнов, Рогачев, которые час назад казались нам единомышленниками, резко изменили свои позиции, забыли все договоренности.

С самого начала мы поняли, что нас собираются сделать бессловесными участниками, да и позвали для численности как раз тех руководителей общественных структур и адвокатских коллегий, о которых говорилось выше. Моим соратникам не давали слова, не включали ни в один важный орган съезда, а с трибуны полилась

ересь и бессмыслица о так называемом «неудавшемся» эксперименте Министерства юстиции РФ по созданию параллельных коллегий адвокатов. Сначала мои товарищи, сидевшие рядом, только пожимали плечами и переглядывались, потом стали перешептываться. Кто-то не выдержал, попытался крикнуть с места «позор!».

— Гасан Борисович, — послышалось мне сзади.

Я оглянулся. Ко мне протягивал руку наш, можно сказать, аксакал Артемий Николаевич Котельников.

— Гасан Борисович, — Котельников тут поморщился. — Пора заканчивать эту комедию. Я в шуты не нанимался! Давай уведём народ со съезда.

Я немного заволновался. Мы так готовились... Но, быстро проанализировав, понял, что, если сейчас этого не сделать, нас действительно не научатся уважать, оставят на задворках и забудут. Огляделся — и увидел, что все наши делегаты смотрят на меня, ждут только команды. Вот это чувство единения! Во рту сохнет от волнения, когда я вспоминаю, на каком подъеме делалось всё тогда! С каким азартом жилось!

Я взмыл с кресла.

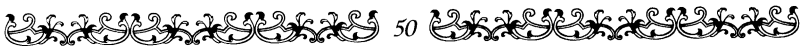
— Товарищи делегаты! Минуточку внимания! Ввиду того, что на съезде не выполняются договоренности, согласованные предварительно, наша делегация приняла решение покинуть съезд. Прошу исключить нас из списков участников, мы отказываемся обсуждать вопросы в такой обстановке!

Сорок три делегата — председатели коллегий адвокатов, которые представляли несколько тысяч адвокатов, объединенных в новых коллегиях, и другие наши соратники встали как один и вышли из зала.

Мы быстро и почти молча дошли из конференц-зала Министерства юстиции РФ на Воронцовом поле, где проходил съезд, до нашего здания, где и ныне располагается коллегия адвокатов «Московский юридический центр». Путь занял всего несколько минут. Мы поднялись на 4-й этаж в наш конференц-зал.

— Чайку организуйте, потом обед внизу, — давал я распоряжения на ходу, — проходите, уважаемые коллеги, у нас мало времени и много вопросов.

Через час с небольшим была рождена Гильдия российских адвокатов в ее нынешнем виде — организация, которая впервые всерьез и надолго начала процесс реального корпоративного объединения адвокатов и повышения их престижа и авторитета в новом российском обществе. Это было профессиональное объединение адвокатов. Вскоре мы зарегистрировали Гильдию в двух ипостасях: как

Всероссийскую межрегиональную коллегию адвокатов, в которой членами были адвокаты — физические лица, так и корпоративное объединение коллегий адвокатов — юридических лиц, входящих на добровольной основе в Гильдию.

Сорок три коллегии подписали Учредительный договор! Гильдия — старинное русское слово, введённое в обиход Петром Великим, приобрело новый смысл. Имена и города, которые мы представляли, — гарантировали тот авторитет, который заслужила Гильдия с самого начала. Начиная от президента, заканчивая председателями судов, нашими коллегами из других адвокатских образований, — едва ли не все поздравили нас с ее созданием! Мы вдруг почувствовали, что мир закрутился вокруг нас.

Я иногда даже заснуть не мог от переизбытка эмоций и ощущения масштаба нашего детища. Сколько хорошего мы сделали, без лишнего слов и без помощи со стороны!

Но, вероятно, росту нашего авторитета помогло и участие в предвыборной избирательной кампании 1993-го года, когда мы едва не прошли в Госдуму. Тогда Алексей Никифорович Малаев, президент Ассоциации адвокатов России, председатель Саратовской областной коллегии адвокатов, и мы, с участием нашего коллеги, депутата Совета Федерации РФ Анатолия Михайловича Федосеева, создали впервые в истории новой России избирательное объединение адвокатов и юристов «Ассоциация адвокатов России», которую мы втроем и возглавили. В 1997 году была зарегистрирована Общероссийская общественная политическая организация «Юристы за права и достойную жизнь человека», но парламент был распущен. А с 2000 года в истории развития российской адвокатуры началась новая веха, связанная с открытием по инициативе ГРА и при поддержке Федерального Союза адвокатов Первого Всероссийского Конгресса адвокатов, который дал импульс ускорению работы над проектом и принятию Закона об адвокатуре.

Глава 3

Как принимался Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

*Э пахир гирдее дуль шори нидараф
В заржавешую душу радость не войдёт*

В конце восьмидесятых, когда я снял свою кандидатуру с выборов в Москве, потому что понял, что идти во власть без необходимости нельзя, я приобрел бесценный опыт участия в избирательной кампании. Но обманывать себя невозможно, это плохо заканчивается. Невозможно желать счастья всему человечеству скопом, нужно делать счастливыми конкретных людей и помогать делом тому, кто к тебе пришел, а не абстрактному «избирателю». Цель появилась тогда, когда мощь Гильдии российских адвокатов выросла, а законодательной базы для адвокатской деятельности не было даже на горизонте.

Так что в 1999 году, когда началась новая избирательная кампания, у меня была вовсе не абстрактная, а конкретная цель. Тогда я и вошел в Союз правых сил и был избран от этой партии в Государственную Думу ФС РФ. Эта цель, о которой я здесь говорю, — принятие Закона «Об адвокатской деятельности». Я не Дон Кихот. Адвокат не имеет права быть Дон Кихотом, размахивать перед мельницей своим копьём впустую. Хотя некоторые недобросовестные люди именно так и имитируют свой профессионализм и бурную деятельность. Моим главным делом вот уже многие десятилетия была и остается адвокатура. Адвокат — он везде, где бы ни был, остается адвокатом.

Как-то приехал ко мне из Америки друг детства Саша Юсупов. Шли мы по улице. Вдруг он остановился и стал искать глазами переход на другую сторону улицы.

— Что случилось? — спросил я его.

— Там, кажется, человеку плохо, — ответил он.

Меня это поразило! Я внимательно пригляделся: на другой стороне вдоль длинной витрины универсама шел, прихрамывая, человек.

— По всему видно, он подвернул ногу, ничего не случилось, — сказал я, удерживая товарища от героизма.

Тот еще немного понаблюдал за пешеходом.

— Да, ты, кажется, прав, — вздохнул он с облегчением. — У нас ведь знаешь, даже если ты и не на работе, а вот случись с кем-нибудь беда, мы обязаны оказать первую медицинскую помощь. И тут автоматически сработало.

Я подумал тогда, что мы, адвокаты, такие же. Абсолютно общечеловеческая и общепланетарная профессия. Вот приезжаю я в Приднестровье, в Азербайджан или в другие, казалось бы, уже отделенные от России страны, в которых своё законодательство, и частенько ловлю себя на том, что как только услышу, что у человека проблема — обидели, выселили, неправильно лечили, неправильно осудили, — начинаю сам задавать вопросы, давать советы, беру (для себя, в своей памяти) на контроль. Такие вот адвокаты — профессия в крови. Но сами между собой порой разобраться не можем.

Ведь за первое десятилетие мы достигли высокой отлаженности в работе Гильдии российских адвокатов, ее аппарата, учредивших ее коллегий, создали впервые в России адвокатские СМИ: первый в России журнал всего адвокатского сообщества «Российский адвокат», «Адвокатские вести», Вестник ГРА, журнал «Современное право», журнал «Ученые труды Российской Академии адвокатуры», придумали, создали и зарегистрировали в Герольдии при Президенте РФ официальные награды: Золотую и Серебряную медали им. Ф.Н. Плевако, тем самым увековечив память этого выдающегося российского адвоката. В 1997 году начала функционировать Российская Академия адвокатуры. В настоящее время в Академии адвокатуры созданы Высшие курсы повышения квалификации адвокатов, учрежденные совместно Федеральной Палатой адвокатов и РАА, ведет прием аспирантура и Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций, возглавляемый мною. А вот на уровне профессиональной своей деятельности каждый адвокат чувствовал нехватку конкретики, нехватку регламентирующих норм, а также странное отношение государства, которое через Министерство юстиции, судебные и правоохранительные органы могло менять порядок нашей работы каждый месяц.

Нужно было доказать и государству, и обществу, что мы выполняем государственно важную функцию — функцию оказания правовой помощи гражданам, гарантированную Конституцией России,

и, наконец, реально участвуем в реализации другой не менее важной государственной функции — осуществлении правосудия.

Все мы тогда подошли к черте, за которой жить без своего закона адвокатура больше не могла ни в процессуальном плане, ни в области взаимоотношений с государством, ни в плане собственного организационно-правового статуса, ни по внутриорганизационным вопросам, вопросам внутренней структуры. Никак не могли мы принять собственные нормы поведения, коллегии почему-то разделились на два лагеря, на так называемые «новые» и «старые», или «традиционные» и «параллельные»; адвокаты становились все бесправнее, не говоря уже о странностях налогообложения и статуса в судебном процессе. Скажем, адвокат долгое время не мог представлять юридическое лицо в гражданском арбитражном процессе по ордеру консультации. Неясно было, существует ли общий порядок приема в адвокатуру, какие обязанности есть у адвоката, у государства, у доверителя.

Я по своему характеру гуманист, но не разрушитель.

Крайняя степень демократии, на мой взгляд, граничит как раз с разрушением, но мне кажется, что полная конфронтация с оппонентами никогда до добра не доведет. Поэтому, может быть, мои жизненные приоритеты и мой характер привели меня в команду либеральных реформаторов, в партию не реакционного, а демократического крыла — «Союз правых сил». Движения «Голос России», «Демократическая Россия» стали прародителями Союза правых сил. Лидеры СПС почему-то с большим энтузиазмом ухватились за общественную организацию юристов, с распростертыми объятиями включили нас в свои списки. Я думаю, что прийти со своим сектором юристов-депутатов не приходило в голову еще ни одной партийной организации. А по сути — писать законы должны юристы, потому что только они обучены этой методологии, структуре закона и на практике изучили, как закон работает, что необходимо поменять в отдельных отраслях права.

В начале 2001 года политические события, значимые для адвокатуры, происходили одно за другим. Но главным было то, что проекты Закона об адвокатуре, представленные авторами на рассмотрение Государственной Думы, казались большинству моих коллег один провокационнее другого. Ломалась структура адвокатуры, создавалась легкая жизнь для иностранных юридических компаний, сам статус коллегии адвокатов был приравнен то ли к частной предпринимательской лавочке, то ли к кооперативу...

Состоявшийся в Москве очередной Съезд адвокатов России, на котором я присутствовал, перерос в чрезвычайное собрание возму-

щенных адвокатов. Я уже понимал, что нужно опять огонь брать на себя — нужно самому идти в Думу. Ничем не хочу обидеть представителей других профессий, но доярки, певцы, сталелитейщики, рестораторы не смогли бы написать этого закона. Ситуация была сложная. Традиционные коллегии адвокатов считали, что адвокатура должна продолжать работать в форме коллегий, но коллегии должны быть в каждом регионе только в единственном числе. То есть практически имелось в виду, что наши, новые, коллегии должны были быть стерты с лица земли, потому что нашим адвокатам, естественно, чинились бы препятствия при приеме в эту «единственное» в регионе «министерство адвокатуры». Другие силы лоббировали в администрации президента и предлагали куратору нашего закона Дмитрию Козаку такой проект, в котором адвокатура размельчалась на бюро и кабинеты, как кофе в кофемолке. Мы пришли в ужас от вредоносности этих проектов. Под адвокатуру заложили бомбы замедленного действия и запустили часовой механизм.

«Окончательных» вариантов было много, как ни смешно это звучит. Но нам в то время было не до смеха. Каждый день происходило что-то несусветное. Шло жестокое силовое перетягивание одеяла на себя со стороны каждого участника диалога. Постоянные совещания и петиции, постоянные новые предложения и доказывание своей правоты. Вариант, к которому мы пришли на определенном этапе, предусматривал создание Палат, в которые будут входить все адвокаты, и не будет ни старых, ни новых коллегий. Созвали совещание. Валерий Васильевич Гребенников собрал все заинтересованные стороны в кабинете Козака. Пригласили и Е.В. Семеняко, представлявшего тогда питерскую адвокатуру. Я как заместитель Председателя комитета Госдумы по государственному строительству привел с собой своих соратников: Владимира Сергеевича Игонина, на котором лежала большая часть черновой законотворческой работы по созданию нашего варианта законопроекта, Юрия Артемьевича Костанова, Николая Наумовича Клена.

Когда мы сидели лицом к лицу с «традиционалистами», озвучивая свои позиции, мне всё стало ясно. Адвокаты Андрей Михайлович Макаров, Генри Маркович Резник и Николай Алексеевич Гагарин настаивали на абсолютно чуждой нам структуре адвокатуры. И хотя автором Закона впоследствии стал Президент России, а поправки давала наша специальная комиссия Госдумы, Г.М. Резник, А.М. Макаров и Н.А. Гагарин не скрывают своего авторства и часто называют себя истинными создателями законопроекта, внесенного Президентом РФ. Но в их-то проекте и были лишь адвокатские

бюро и кабинеты, каждый численностью в несколько человек. Коллегии адвокатов в числе адвокатских образований не упоминались.

Словом, работа шла трудно и почти не сдвигалась с мертвой точки.

Однажды на комитете Госдумы, обсуждавшем ход принятия проекта закона, я взял слово и сказал:

— Господа, нельзя не признавать очевидного. В Госдуму подано четыре законопроекта. Силы почти равные. Сложилась ситуация, в которой продают свой проект те силы, которые ближе к власти. Но этим будет нанесен непоправимый вред адвокатуре. Принимать закон в том виде, какой тут состряпан, сейчас нельзя. Мы не можем его дать на подпись Президенту в таком виде. Нет юридической чистоты в этом проекте.

В.В. Гребенников, круглолицый, улыбчивый человек, прошедший многие крупные посты на государственной службе, юрист, закивал. Сергей Васильевич Запольский, член рабочей группы Д. Козака, адвокат и ученый-юрист, в прошлом — депутат Государственной Думы, сидевший в нашем небольшом зале, искоса поглядел на своего, в общем-то, сподвижника и тяжело вздохнул.

— Правильно! — вдруг с места громко высказался Сергей Алексеевич Попов, депутат от партии «Яблоко», в котором я находил поддержку нашей позиции. — Наконец-то кто-то сказал что-то толковое. И если дальше так пойдет, мы так и не примем закон в этом созыве Госдумы, а в следующую наши избиратели нас не пустят и правильно сделают, если уж мы в комитете договориться не можем.

— А между тем, — добавил Игонин, — истина всегда только одна. Нужно только найти в себе силы признать, что это так. И действовать в соответствии со своей совестью и в интересах людей, адвокатов в первую очередь.

Голосованием при поддержке депутатов из других фракций мы тогда сняли с обсуждения первый вариант законопроекта об адвокатуре, внесенный Президентом РФ. Комитет занялся разработкой и принятием других профильных законопроектов, входящих в пакет законопроектов «О судебной реформе». Как ни странно, эти законы оказались неудачными, не только по своей структуре, непроработанности, путаности, но и по общему антидемократическому духу. Не знаю, вина ли здесь куратора «судебной реформы» Дмитрия Козака, или всей администрации Президента РФ, или депутатов Госдумы, но вся судебная система после принятия Госдумой так называемого пакета «О судебной реформе» была «выстроена» лицом к высшим чиновникам, органам власти, и сами понимаете, чем она обошлась и для правосудия, и для общества в целом.

Срок полномочий судей ограничили, их заставили бояться недовольства власти, облегчили наложение дисциплинарных взысканий, ослабили судейский иммунитет, а вот двери перед простым человеком в приемную судьи закрылись, появились официальные поводы для затягивания судебных решений и др. Законодатель не предусмотрел общественного контроля за деятельностью судей и судов. Нужно было провозглашенные принципы новой демократической России сначала апробировать в правоприменительной практике, а потом придавать им силу долженствований.

С Законом об адвокатуре вышла другая ситуация. Положение об адвокатуре 80-х годов настолько устарело, что многие даже забыли о его существовании. Поэтому я был сторонником того, чтобы начать с общих крупных моментов и не влезать этими новыми нормами в деятельность адвокатуры, которая основывалась на опыте русской, советской и российской адвокатуры. Этот опыт нужно было просто изучить и закрепить в законе. Поэтому и шли споры по структуре адвокатского сообщества — это была самая крупная и первоочередная задача по объединению всех ячеек адвокатуры. Но мы, естественно, сопротивлялись, когда речь заходила об участии государства в формировании органов самоуправления адвокатуры и приеме в члены адвокатского сообщества. Мы не могли позволить тем, кто совсем не думал о пользе всей российской адвокатуры, раздробить ее в угоду чьим-то личным интересам.

В феврале 2002 года вся юридическая общественность отмечала 10-летие арбитражных судов Российской Федерации. В Колонном зале Дома союзов негде было яблоку упасть. За эти годы я изучил там все замысловатые ходы и выходы, потому что ежегодно был ответственным за организацию церемонии награждения лучших адвокатов страны Золотой медалью им. Ф.Н. Плевако, которая все годы, начиная с 1996-го, проводилась именно здесь. Весь юридический бомонд был снова в сборе. Чествовали арбитражный суд, к которому я имел когда-то непосредственное отношение и почти каждого из коллег знал лично. Белые колонны взмывали вверх, гул людских голосов затмевал звучащую из репродукторов музыку. Потом, словно открыли шлюзы, весь людской поток хлынул в зал через открытые высоченные двери. Я нашел глазами первых лиц всех правоохранительных и судебных органов страны. Это была своеобразная игра, пока все находились в ожидании появления Президента России Владимира Владимировича Путина. Патриарх и Генеральный прокурор сидели в президиуме, когда на сцену вышел Путин и быстро, размахивая рукой, прошел на свое место. Почему-то мне всег-

да казалось, что Путин застенчив. То ли взгляд его казался смущенным, то ли вообще ему была присуща скромность...

Если признаться честно, то пока читались доклады и приветствия, я снова ушел мыслями к законопроекту, обдумывал, какие предпринять шаги, чтобы настоять на нашем варианте, а потом стал решать — а сами мы свой вариант до конца доработали или нет, готовы ли за него ручаться? Так, в задумчивости, я и вышел на перерыв из первых дверей зала и оказался рядом с другими, ведущими в комнату президиума Колонного зала, где обычно собирались самые важные персоны. Нас, двух представителей Государственной Думы, в комнату президиума пригласил лично сам хозяин праздника Вениамин Федорович Яковлев.

Вдруг чья-то рука коснулась меня, и я увидел светлейшего Патриарха Алексия в его нарядном светло-пурпурном одеянии, который по-отечески шептал мне:

— Не уходите, Гасан Борисович, пойдёмте с нами, — он увидел еще и заместителя Председателя Госдумы РФ Геннадия Юрьевича Семьгина, медленно продвигавшегося в толпе к выходу из зала, — и вы, господин Семьгин, присоединяйтесь.

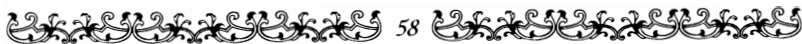
«Откуда Патриарх знал меня лично?» — спросите вы меня.

В силу разных причин у нас давно сложились добрые отношения, особенно в связи с функционированием Фонда Примирения и Согласия, который помогала ему учреждать моя давняя доверительница Гульназ Ивановна Сотникова.

Я обрадовался такому вниманию и уважению. Если кто-то еще не заметил из тех глав, что уже прочел, то я вам скажу сам: это я обнаружил недавно — почти все основные, поворотные события в моей жизни почему-то случаются в декабре или феврале. Так было и на этот раз. Это случилось 22 февраля 2002 года.

Дальше все было как во сне. Вот что предстало моему взору. По всему коридорчику, ведущему в комнату приемов, стоят огромные, в черных костюмах, молодцы с маленькими наушничками в ушах, эдакие кремлевские Джеймсы Бонды. Я еще подумал: а что они после отъезда президента здесь делают? У них что, такие правила: еще какое-то время за обстановкой наблюдать? А потом понял: маскируют отъезд Путина. Пусть, дескать, все думают, что президент еще не уехал...

В оальной гостиной довольно просторно, накрыто несколько небольших столиков с напитками и фруктами. Розовые тона мрамора и розовый свет льется из плафонов. Когда Патриарх ввел нас в зал, все обернулись, зашевелились.

— А-а! Гасан Борисович! — раздалось справа, и я увидел Вениамина Федоровича Яковлева, который раскрывал нам свои объятия. — Спасибо, что пришли, спасибо...

Удивительно добрый человек Вениамин Федорович. Но исконная русская интеллигентность сочеталась в нем всегда с волей и жесткостью в нужные моменты работы.

Мы решительно направились к его столику, официант поднес нам наполненные бокалы.

— Как у вас дела, Гасан Борисович? — поинтересовался юбиляр. — Приняли вы свой закон, в конце концов?

— Нет, Вениамин Федорович, но трудимся. Вся голова забита этим делом.

— А помните, что я вам сказал тогда на Съезде адвокатов? — вдруг спросил он.

Я помнил эти слова. И до сих пор помню. Яковлев сказал:

— Если вы, господа адвокаты, не решите свои проблемы сами, то за вас возьмется власть!

Так мог сформулировать только очень мудрый и опытный человек.

— Ну, что? За Арбитражный суд мы уже пили, так что давайте теперь за ваш закон! Чтобы поскорее вы дали адвокатам успокоиться, разобраться и нормально работать, войти, так сказать, в наше общее дело — помогать людям, организациям жить, работать, защищать себя и свое имущество. Все у вас, Гасан Борисович, получится.

Только я пригубил вина, как одним разом открылись все двери в комнату президиума, которая официально называется Овальным залом, при этом оборвались все разговоры и повисла тишина. Вот так с бокалом в руке меня и моих соседей и застал Президент России. Вошел он стремительно и поздоровался со всеми сразу. Потом увидел Патриарха и подошел к нему, вежливо, с искренним уважением заговорил, и чувствовалось, что они близко знают друг друга и говорят почти по-свойски.

Вдруг Путин резко оглянулся, так же резко повернулся к Марату Викторовичу Баглаю, бывшему в то время председателем Конституционного Суда РФ, и сказал:

— А вот человек, которого все мы должны слушаться. Он и по возрасту старше всех, и слово его — конечное во всех инстанциях.

«Оригинальная мысль», — подумал я тогда, казалось, что Путин хочет сказать, что он не все в государстве решает и не за все отвечает, раз есть кроме него еще и Конституционный Суд. Мне это было особенно приятно, так как, во-первых, мы с Маратом Викторови-

чем бакинцы и, во-вторых, во все времена были в самых дружественных отношениях.

Я относился к Марату Викторовичу как к отцу, советовался, приходил за поддержкой.

Проскользнув холодным взглядом по лицу Вячеслава Михайловича Лебедева, председателя Верховного Суда России, Путин увидел, что к нему направляется от входа маленький лысый человек. Это был помощник президента, и Путин моментально двинулся к нему навстречу. Они на секунду склонили головы друг к другу, Путин кивнул и, как-то резко повернувшись к нам, уже стоявшим перед ним полукругом, быстро спросил меня:

— А чем это недовольны адвокаты?

В комнату президиума в это время вошел Генеральный прокурор России Владимир Устинов. Они под шумок наших сдержанных бесед тоже о чем-то перекинулись парой слов.

Сразу вспыхнула в памяти сцена, когда мы «пикировались» с Дмитрием Николаевичем Козаком. Неужели Путину доложили о моем выступлении на комитете Госдумы, когда в присутствии Д.Н. Козака я во всеуслышание сказал:

— Что мы хотим — вернуть для адвокатов контроль и надзор со стороны государства или вообще 37-й год?!

Правду сказать, мы хлестко спорили с Козаком. Первой мыслью, которая пришла мне в голову, было почему-то пожаловаться на Дмитрия Николаевича. Ей-богу. Но хорошо, что я удержался. Дмитрий Козак, безусловно, фигура пассионарная, мощная. Просто для того, чтобы разбираться в таких вопросах, как правовая система страны, нужно владеть материалом изнутри, или как минимум вникать в проблему самому, а не через своих помощников, наскоком и подавлением чужой инициативы тут пользу стране не принесешь. Нет, слава Богу, я не открыл рот в первую же секунду.

Я тоже внимательно и по-доброму посмотрел на этого человека, несущего на плечах всю страну, и ответил:

— Владимир Владимирович, четыре законопроекта представлены на рассмотрение Государственной Думы в так называемом пакете законов «О судебной реформе», один из них проект Закона об адвокатуре, — тут я, видимо, стал угрюмым, потому что Путин стал внимателен и даже прищурился. — Трех других законопроектов я касаться сейчас не буду, хотя проект изменений в УПК РФ меня серьезно беспокоит, но за него отвечает другой депутат, а что касается Закона об адвокатуре, у меня есть целый ряд поправок, и я считаю, что он пока недостойн представления на подпись вам, Президенту России, который сам является юристом и сразу определит,

что закон сырой. Наш комитет подготовил ряд поправок, которые необходимо обсудить, прежде всего с моими коллегами по адвокатскому цеху.

— А что там сырого? — быстро перебил меня Путин.

— А вот, например, вы сейчас сами все поймете, Владимир Владимирович, некоторые «специалисты» предлагают лишить адвокатуру коллегияльности. Вообще коллегии ликвидировать. Разве можно разрушать то, что работает десятилетиями, когда взамен еще ничего нового не придумали?

— Я вас понял...

При этих словах как по мановению волшебной палочки из-за спины Путина вдруг возник тот же невысокий лысый помощник, у которого, видимо, была автоматическая память, так как он даже не моргал, а усваивал очередное указание непосредственного начальника — президента страны.

— Направьте наших юристов, пусть поработают вместе, — сказал торопливо Путин, — пусть они там вместе поработают, выработают свои предложения, надо услышать и голос адвокатов.

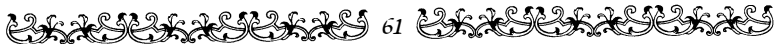
Я дрожал от нетерпения, когда моя служебная машина несла меня на всех парусах по городу, к Центральному дому адвоката, где, я знал, меня уже ждут мои товарищи, мои соратники, так хотелось их обрадовать и обнадежить.

В Гильдии российских адвокатов по старой доброй традиции накануне 23-го февраля чествовали ветеранов армии, ветеранов Великой Отечественной войны. К моему возвращению торжественная часть плавно переросла в банкет, я, не снимая пальто, почти ворвался в столовую на первом этаже. Александр Николаевич Берниц, Герой Советского Союза Борис Васильевич Кравцов, Иванов Анатолий Дмитриевич, Ромен Аронович Звягельский, Владимир Петрович Селёдкин, Леонид Федорович Кедяев, Натан Борисович Мирзоев, Вячеслав Калиникович Цымбал и недавно ушедшие Геннадий Сергеевич Птицын и Петр Степанович Фещук, — в этом зале собрались мои коллеги и соратники, люди, которыми мы не только гордимся, но которых чтим за их мужество и отвагу. Кому, как не им, рассказать в первую очередь о встрече с президентом?

— Володя, — позвал я своего первого вице-президента Игонина, — друзья, идите скорее сюда поближе! Хочу вам доложить, дорогие мои...

Когда я поднялся, наконец, в свой кабинет, чтобы повесить пальто и спросить секретаря о звонках, зазвонил правительственный телефон:

— Гасан Борисович?

Я ответил, что именно так оно и есть.

— Говорят из приемной Владимира Владимировича. К вам в Гильдию выехала группа помощников президента по правовым вопросам.

Выходило, что день этот потерял свои границы. Такого президента не захочешь — зауважашь! Я вызвал свою команду: В.С. Игонина, Т.Я. Свит, А.Н. Берница, В.Я. Залманова и других коллег. В кабинет, где мы уже ждали их, вошли семеро представителей Кремля. Работа закипела с самого начала. Были рассмотрены все — одна за другой — мои поправки в законопроект об адвокатской деятельности и адвокатуре. И не только наши — и чужие поправки были рассмотрены. Шел если не торг, то взвешивание норм и допустимость их принятия с точки зрения соблюдения пожеланий всех участвующих в таком «законотворчестве» сторон. Так что всё по-честному.

31 мая 2002 года Федеральный закон РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» был подписан Президентом России сразу после его рассмотрения в Совете Федерации. До этого Советом Государственной Думы 3-го созыва мне было поручено доложить проект Закона в третьем, последнем чтении. И хотя меня и моих коллег многое не устраивало в нем, Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» был принят.

Глава 4

Ошибки товарищей, или лучшее — враг хорошего

*Эри хар дерму нисти
Для дурака и лекарства нет*

Адвокатура, как ручей, всё время меняет своё русло. Был золотой период времени, когда после перестройки в нашей стране адвокатура почти сплотилась, сконцентрировавшись вокруг инициатив Гильдии российских адвокатов, и стала бурно развиваться, как настоящий демократический институт российского общества. Но долгожданный Закон об адвокатуре, которого ждали с нетерпением, как ждут конституцию давно созревшие для демократии тоталитарные государства, к сожалению, обманул ожидания почти шестидесяти тысяч адвокатов. То есть он не сам по себе обманул ожидания, обманными оказались маневры тех людей, которые взяли процесс законотворчества в этой области в свои руки. Русло этой набравшей силы полноводной реки перекочевало в другие организационные структуры, и река стала мельчать. Растаскивание института адвокатуры происходит и в настоящее время. Это будет продолжаться до тех пор, пока не произойдет решительного события, о котором я давно думаю. Здесь уже не помогут силовые, законотворческие методы. Как мы видели, стоит прийти в парламент людям, преследующим собственные узкие интересы или — что еще хуже — просто не сознающим, к чему может привести та или иная поправка к нашему закону, — и поправки доведут адвокатуру до краха.

Если бы меня спросили, что надо делать сейчас, немедленно, я бы призвал коллег к созыву очередного Всероссийского Конгресса адвокатов, с полномочиями Учредительного съезда, и молился бы Господу Богу, чтобы адвокаты, наконец, задумались: стоит ли заранее сбиваться в стайки, заранее подготавливать, а потом продавливать определенные решения? Лучше каждому посидеть дома и поду-

мать: какая форма внутрикорпоративного управления подходит адвокатскому сообществу; как построить работу адвокатов, чтобы их слышали административный аппарат адвокатских палат, государство и общество; насколько было бы удобнее нашим гражданам пользоваться нашей помощью, нашими знаниями и профессионализмом, как не растерять их доверие?

Сегодня у адвокатуры и государства нет общего языка, не налажен диалог. Нет четкой структуры органов самоуправления внутри адвокатуры, а некоторые даже не бедные люди на пушечный выстрел не подходят к нашим коллегам, потому что у них предвзятое мнение о наших ставках, о нашей квалификации, о том, что адвокат может добиться справедливости.

А что мы хотим, если в российской адвокатуре пока нет подлинного духовного единства? Авторы Кодекса адвокатской этики перепутали понятия «профессиональная этика» и «дисциплинарные нарушения», то есть по сути Кодекс этики превратился в дисциплинарный кодекс. Мы не можем найти общего языка. Есть угнетатели, есть угнетенные.

Дореволюционная и даже советская адвокатура всем своим корпусом сама избирала себе непосредственных руководителей. В этом демократическом процессе принимал участие каждый адвокат лично. Сейчас мы видим, что у нас внедрена система выборщиков, когда рядовые адвокаты уже никого не выбирают, не соблюдается принцип состязательности, а делегаты, которые будут выбирать руководителей всей адвокатуры, это сами президенты палат, которые и будут также «выбирать» федеральный Совет всей адвокатуры. Таким образом, последние выдвигаются президентом Федеральной Палаты адвокатов на ее Совете.

В некоторых адвокатских палатах даже сложилась ситуация, при которой члены Советов палат боятся высказать свое мнение, попросту говоря, покритиковать руководство региональной палаты адвокатов или федеральной. Их за критику могут лишиться адвокатского статуса, что вынуждает некоторых вообще уходить из адвокатуры. Удивительная ситуация: если раньше нас в основном волновали проблемы взаимоотношений с правоохранительными органами, с государственными структурами, вмешивающимися в деятельность адвокатуры, то сегодня мы все чаще сталкиваемся с фактами, когда адвокат вынужден искать спасения от своего же руководства в Советах адвокатских палат. Конечно, скажут мне, эти методы работали всегда, во все времена, наверное, даже во времена Нерона. Но именно сейчас особенно возросло количество таких

примеров, потому что внутри некоторых палат такая атмосфера, а это в свою очередь происходит из-за политики отдельных членов Совета федеральной адвокатской палаты. Почему? Потому что закон, который мы с такими боями пробивали в Государственной Думе и приняли, был позже, после моего ухода из Госдумы, искорверкан с помощью поправок, потому что эти несколько «серых кардиналов» от адвокатуры влияют, в общем-то, на мирного человека Евгения Васильевича Семеняко — первого президента ФПА, президента Санкт-Петербургской палаты и президента одноименной коллегии адвокатов. Именно Е.В. Семеняко одним из первых руководителей «старой» адвокатуры вступил в 1996 году в Гильдию российских адвокатов. В ГРА Евгений Васильевич был избран первым вице-президентом, участвовал во многих наших начинаниях, и именно поэтому делегаты от Гильдии российских адвокатов на первом Всероссийском съезде в январе 2003 года избрали его руководителем Федеральной Палаты адвокатов. Дальше случилось то, что часто уже случалось в моей жизни, когда на глазах власть изменила соратника. Евгений Васильевич, после первой же ротации на основе внесенных поправок в закон о так называемой вертикали власти, предложил вывести из состава Совета Федеральной Палаты всех четырех вице-президентов ГРА, а мою кандидатуру даже не предложил для обсуждения. Вот так в угоду «серым кардиналам» Евгений Васильевич ударил по своим, чтоб чужие боялись.

Реальная демократия в адвокатуре приказала долго жить. У некоторых опускаются руки. У меня — нет. Я готов бороться дальше. Это же не мне надо, а людям. И, как мы понимаем, не только адвокатам, но и нашим доверителям, то есть всему обществу.

Узурпация власти, упивание властью, уход от корпоративного единства — основа всего сейчас в так называемом адвокатском самоуправлении. Этим самоуправлением на самом деле рядовые адвокаты не обладают. Происходит управление одной группой чиновников от адвокатуры другой молчаливой массой адвокатов, голосов которых не слышно. Палата обладает финансовыми и административными ресурсами. И важно даже не то, у кого в руках сосредоточены эти ресурсы, а то, есть ли механизм смены чиновников, который гарантирует соблюдение интересов самих адвокатов. Этот механизм на данный момент отсутствует, внутреннее самоуправление адвокатуры полностью сведено на «нет».

Я уже не говорю о том наступлении на адвокатуру государства с попыткой установить полный надзор и контроль над такими вопро-

сами, как прием в адвокатуру, поведение и квалификация адвокатов, вопросы оплаты труда и т.д.

А Кодекс этики адвокатов по сути превратился в дисциплинарный. В ущерб адвокатуре государство создает непонятную чиновничью адвокатуру в виде государственных адвокатских бюро. Ну, первый же вопрос возникает: как должен вести дело чиновник государственного бюро, если гражданин судится с государством? Или адвокат будет защищать гражданина, а зарплату получать от противоположной стороны? Абсурд!

Я не покривлю душой, когда скажу, что все вокруг, с кем я дружу, работаю, сотрудничаю, видели: я не хотел больше ходить во власть. Я принял самое активное, какое только мог, участие в создании Федерального закона «Об адвокатуре», сделал всё, что от меня требовалось, и больше того, чтобы преодолеть догматический огосударствленный проект, представленный лоббистами от определенных кругов адвокатуры, и разработать проект, устраивающий адвокатское сообщество. Но после принятия в 2002 году Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», концепция которого была предложена Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным, нам, как и всему адвокатскому сообществу, предстояло пройти путь организационных преобразований, установленных новым законом об адвокатуре. Но на этом пути возникали непредвиденные препятствия. В сентябре 2006 года Президенту России В.В. Путину члены Гильдии российских адвокатов направили письмо, в котором обращалось внимание президента на постоянные попытки размыть концепцию Закона через разного рода подзаконные акты и эксперименты. Было сообщено и о попытке Правительства РФ поправить Федеральный закон об адвокатуре постановлением № 82 от 16.02.2005, которое, в нарушение требований о соблюдении адвокатской тайны, обязывает адвокатов информировать Федеральную службу по финансовому мониторингу РФ о сделках своих доверителей.

В письме было высказано отношение к принятому в первом чтении Госдумой РФ законопроекту «О внесении изменений в закон об адвокатуре». Согласно готовящимся поправкам, любой гражданин получит право обращаться в Росрегистрацию и в суд для обжалования решений адвокатского сообщества, в том числе решений о прекращении статуса адвоката. Кроме того, указанные поправки содержат запрет адвокату заниматься вообще какой-либо оплачиваемой деятельностью, кроме адвокатской. Тем самым вышеуказан-

ные негативные тенденции призваны лишить адвокатуру независимости и самоуправления, что является недопустимым в рамках демократического общества.

И главный подарок тех депутатов, которые косою прошли по всем нашим достижениям в Госдуме, — это то, что вот этих, избранных странным способом руководителей, потом и не сместишь. Сегодня председатели адвокатских палат сами себя избирают, сами себя продвигают. Я считаю и всегда считал, что чем меньший объем внутрикорпоративных отношений регулируется законами, тем лучше. Эти отношения в идеале должны регулироваться нормами Устава на основе исторических традиций российской адвокатуры. Но после моего ухода из Госдумы, как я уже говорил, закон был концептуально изменен даже вопреки президентской концепции. Возник практически новый закон с его железным несменяемым руководством, государственным надзором за всем и вся. Мыслимо ли? Президент Федеральной Палаты адвокатов огромной страны избирается тридцатью избирателями, которых выдвинули в этот орган выборщики — не сами адвокаты, а председатели региональных адвокатских палат. По решению Совета палаты сменяема 1/3 часть палаты, а это не что иное, как оружие против неугодных, против критиков руководства. В каком месте при этом учитывается мнение самой адвокатуры — непонятно. Выше я отметил, что три первых вице-президента Гильдии российских адвокатов и сочувствовавшие им, в том числе один из самых уважаемых адвокатов Николай Наумович Клен, были выведены из состава Совета Федеральной Палатой адвокатов.

От президента палаты зависят и судьбы членов палаты, ведь по его рекомендации одна треть состава палаты заменяется, и, чтобы не попасть под ротацию, некоторые начинают заискивать и исполнять решения вопреки своей воле. Угодничество процветает. Попробуй покритикуй президента Региональной палаты — завтра будешь в списках неугодных. Даже, по-моему, президента страны легче отправить в отставку, чем президентов адвокатских палат. Правда, был пример смещения президента палаты в Екатеринбурге. Совет единогласно переизбрал президента палаты, заменив его на другого. Но ведь главное не то, что возможны исключения, порядочных людей, конечно, у нас в адвокатуре большинство. Важно, что создана система, при которой еще сильнее диктата государства чувствуется диктат новоявленных чиновников от адвокатуры. Причем я сейчас не говорю о конкретных людях, которые

проявили бы себя как неважные руководители, а имею в виду то, что машина эта построена на честном слове, и когда-нибудь у нее или откажут тормоза, или она просто забуксует в самый неподходящий момент.

Сегодня адвокатское сообщество совершенно бесправно перед властью, перед чиновником. Всем бюджетникам повышают оклады, учитывая и инфляцию, и повышают МРОТ, адвокаты, участвующие в уголовном процессе по назначению, — получают оплату почему-то по старым ставкам МРОТ. Да и то только на бумаге. Зачастую оплата не производится годами. Общественным организациям оплачивают труд представителей в суде, а адвокатам — нет.

В столкновениях адвоката с государством органы адвокатского самоуправления не могут его защитить. Юристы, профессионалы своего дела, стоят ночами в очереди, чтобы сдать документы для поступления в адвокатуру! Это разве нормально, что чиновники от власти принимают участие при приеме в адвокатуру? Чиновник, которому адвокат негоден, пишет в адвокатскую Палату, и та, вместо того чтобы защищать своего коллегу, исключает его из Палаты. Сегодня российские адвокаты в зоне риска: их даже убивают.

Недавно в мой кабинет стали приходиться члены различных коллегий адвокатов, ученые-правоведы, и все с одной и той же идеей.

— Ну, послушайте, Гасан Борисович, — усердно выговаривая слова, втолковывал мне председатель одной из лучших в Воронеже коллегий, — ведь есть же тут все необходимые основания для обращения в Конституционный Суд! Давайте оспорим положения Закона «Об адвокатской деятельности».

Я качал головой.

— Дорогой вы мой! Понимаете, я, конечно, давно уже ничего не боюсь, но это разрушит адвокатуру окончательно. Представляете, если решение вынесут в нашу пользу? Разве это будет решение всего адвокатского сообщества? И снова придется ломать старую структуру в то время, когда новой не придумали! Нам нужно действовать по-другому.

Не знаю, прав ли я был, отговорив моих товарищей от преждевременной, как я полагал, атаки на собственный закон, да и на Федеральную Палату. Подумать только! Если мне кто-нибудь сказал бы, что я буду воевать против собственного закона, который мне пришлось докладывать на заседании Государственной Думы в последнем, третьем чтении! И дело здесь не в том, что худой мир лучше доброй ссоры, а в том, что без тактики и стратегии, нахрапом ад-

вокатуру не перестроить. Нас хорошо учили в наших советских школах, университетах и академиях. Левиафан сожрет себя сам.

А потом мы соберем Всероссийский Конгресс адвокатов и поставим перед властью вопрос о том, чтобы вернуть адвокатуру принципы выборности и независимости от власти. У российской адвокатуры должно быть то будущее, к которому вели традиции адвокатуры, складывавшиеся веками.

Глава 5

Будущее адвокатуры

*Гьерчу бисто — эз Худо гордо
Что бы ни было — пусть от Бога будет*

В предисловии к своей книге «Презумпция справедливости» я писал: «Время покажет, может быть, действительно стоит написать книгу о том, как стремителен мир, как враги становятся друзьями, как приближается космос, а друзья, увы, предают и уходят».

Фундамент независимости нашего профессионального сообщества — это прежде всего внутрикорпоративная организация адвокатуры. Если она не обеспечивает независимость, то ничего хорошего нам ожидать не приходится. Но я всё-таки верю, что перемены в адвокатуре еще грянут и мы наладим нашу работу, найдем общий язык, решим существующие проблемы повышения эффективности защиты прав россиян и самих адвокатов.

Я не амбициозен, я доказываю это своими поступками последние пять лет. Мне не надо становиться президентом Федеральной или местной адвокатской Палаты, у меня и так есть и клиенты, и имя, и уважение коллег. Большинство адвокатов России считают своим родным домом нашу Гильдию и наш Центральный Дом адвоката, который мы создали. Но я, в некотором роде, тот таможенник, который произносит в фильме «Белое солнце пустыни» свое знаменитое «За державу обидно». Вот мне обидно за наш профильный закон, за нашу адвокатскую державу. Хочется верить, что структура адвокатского мира заработает, как отлаженный часовой механизм.

Государство в своем стремлении декларировать, будто бы оно предпринимает все усилия, чтобы создать активное гражданское общество, а также надежную правовую систему, иногда проводит эксперименты, которые только вредят. Если понимать, что адвокатура не может быть контролируема в правоприменительной области, то никому не придет в голову создавать государственную адвокатуру. То есть адвокатуру, которую бы кормило государство. Кто дает деньги, тот и устанавливает правила. А сейчас это происходит —

создание юридических, по сути адвокатских структур по инициативе государства, с государственным участием и по правилам чиновников от юриспруденции. Я думаю, что эта псевдоадвокатура — мертворожденный плод людей, которые «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Главное — сохранять лучшие традиции российской адвокатуры, как дореволюционной, так и постсоветской. Это высокая духовность, нравственность, служение справедливости, безотказность, стойкость адвоката!

Закон, инициированный Президентом России, должен отстояться, набрать правоприменительный багаж, не нужно нам его «умудрять», «утяжелить». Нужно зарабатывать свои предложения, договариваться внутри адвокатуры, а потом уже вносить обдуманные, согласованные поправки, один раз и навсегда. Не все веянья времени идут во благо обществу. Помните, раньше во всех судебных участках устраивали отчеты судей перед общественностью, перед народом? Разве это была такая уж плохая традиция? Сегодня судьи решили, что они должны быть недосягаемы для народа, исключают какой бы то ни было контакт, увидеть их можно только в зале суда. Иски суды принимают только через канцелярию, подсказать гражданину, куда ему идти со своей проблемой или как дальше жаловаться на решение суда — некому. Не все могут себе позволить обратиться к адвокату. Только мировые судьи дают разъяснения при приеме заявлений, вообще общаются с людьми. Разве это нормально?

С другой стороны, адвокатура должна следовать духу времени. Мы начинаем, наконец, осознавать, что можно настоять на том, чтобы исполнялся закон. Мы видим, что власть сама схватилась за голову: сколько коррупционеров в милиции, сколько судей нечисты на руку, взять хотя бы Владимирскую область, где в 2007 году были отправлены в отставку 20 судей сразу. Закон начинает побеждать. Реальнее стало добиться результата, это напрямую касается адвоката. Нужен только профессионализм и талант, особый адвокатский талант. А что касается будущего адвокатских структур, то здесь два вопроса: что станет с адвокатскими палатами и что станет с общественными организациями адвокатуры? Думаю, что трансформироваться будет властная адвокатская система, административная структура, то есть именно палаты, так как они пока еще непрочно стоят на ногах, их деятельность не отлажена, много недовольства в среде адвокатов именно организацией работы. А вот общественные объединения адвокатов и коллегий адвокатов давно твердо стоят на ногах, за ними реальные дела, люди и опыт.

Думаю, что Гильдия российских адвокатов никуда не денется и когда-нибудь в очередной раз станет фундаментом единства для более высокого витка развития адвокатуры. Посмотрите, мы сделали всё, что могли, многое отдали во имя единой российской адвокатуры, ведь всё, что сейчас наработано годами самоотверженного труда и служит всей адвокатуре, дала Гильдия российских адвокатов: и Российскую Академию адвокатуры с ее курсами повышения квалификации, и все адвокатские награды, и даже журнал «Российский адвокат», мы даже предлагали вновь построенное здание рядом с ЦДА для размещения аппарата Федеральной Палаты.

Кстати, я еще мечтаю о том, чтобы Госдума, в которую я сегодня не пошел по идеологическим и стратегическим соображениям, наконец, стала ближе к простому человеку, стала, что ли, совестливее. Социально ориентированная Дума — это то, что нужно России сегодня, когда и запасы есть, и дела в государстве идут неплохо. Реально принимать решения без оглядки на власть — это задача Госдумы. Конечно, трудно себе представить, как это сделать, если в парламенте большинство занимает «партия власти», которую я сознательно и искренне поддерживаю. Мне кажется, что каждому депутату нужно идти в Думу, как послушник поступает в монастырь служить Богу, отрекаясь от мирских дел, — отрекаясь от чиновничьих или коммерческих интересов, только для служения народу — вот для чего нужно идти в Госдуму.

Я мечтаю о том времени, когда не адвокат будет снижать стоимость своей работы по оказанию правовой помощи гражданину, чтобы тот мог ею воспользоваться, а наоборот, когда каждый человек в нашей стране будет жить достойно, обеспеченно настолько, чтобы, не задумываясь, пользоваться юридической помощью адвоката по любому вопросу, чтобы у людей была такая возможность, чтобы каждый россиянин имел своего адвоката как гаранта спокойствия и соблюдения его гражданских прав.

Часть вторая

МОЙ ДУХОВНЫЙ ПУТЬ

Глава 1

Фамилия

*Бирэ-рахтеё коргъоре одоми фурмиш биё несоху
Минувшие эпохи человек не должен предавать забвению*

В переводе с английского это слово означает «семья». Вот и я часто задумываюсь о том, как глубоко в прошлое уходит мое имя, моя фамилия. Что я знаю о моих предках, носивших ее несколько веков назад? Какую фамилию? Мирзоев? Не было такой фамилии у моих предков — вот как. От этого немножко горько на душе. Потому что все люди хотят носить фамилию своих отцов.

И дело здесь не в какой-нибудь спеси, упрямстве или честолюбии. Фамилия и кровь — одно и то же. Мы прорастаем в своих детях, остаемся в их телах, даем им свои характеры, черты лица, повадки. Но это внутренние проявления. Все эти черты, которые мы оставляем на земле в своих потомках, можно обозначить одним символом — символом твоей собственной фамилии. И вот уже третье поколение Мирзоевых растет с твоими бровями, черными волосами, большими, внимательно глядящими на свет глазами. Но это если изучать ту сторону, в которой потомки. А вот предков с фамилией Мирзоев у меня не было. Я первый Мирзоев в нашем роду. Можно сказать, «нулевой» километр — от меня наши Мирзоевы берут отсчет. Да и именем таким — Гасан — меня никто не называл: ни отец, ни мать, никакие другие родственники. И это было бы всё немного печально (ведь печалится же сирота, не знающий своего роду-племени), если бы чужие имя и фамилия мне были кем-то названы. Нет, я взял их себе сам.

«Странное, должно быть, чувство испытывает человек, который посередине жизни меняет свое имя», — скажете вы мне, узнав, что от рождения меня звали Григорием, а фамилия моя по отцу Евдаев, а по матери Алхазов. Дальше — больше, фамилий до революции на Кавказе не имел никто. Ёвдо — это имя, имя моего прадеда. Он пережил революцию, революция раздавала всем фамилии, фамилии присваивали по имени: был Ёвдо, стал Евдаев. Мой дед Натан, сын Ёвдо, а Ёвдо Бен Эфраим, или Ефрем, если по-русски. Поэтому после революции два сына моего прадеда взяли две разные фами-

лии — один Натан, другой Мухоиль (Михаил) стали: один Евдаев, другой Ифраимов. Вот теперь можно назвать одну ветвь генеалогического древа нашего рода для моих потомков:

1825 — 1875 — Ефрем Бен Мухоиль — прапрадед.

1960 — 1910 — Ёвдо Бен Ефрем (Эфроим или Ифроим) — прадед.

1895 — 1948 — Натан Бен Ёвдо — это мой дедушка.

1925 — 1984 — Борис Бен Натан (Борис Натанович) — это мой папа.

1947 — Григорий (Гасан) Борисович — это уже я.

1977 — Борис Гасанович Мирзоев — это мой сын.

2002 — Григорий Борисович — это уже мой внук.

До революции жили мои деды и прадеды в Бакинской губернии, куда пришли в XVI веке из Северного Ирана, а затем жили в селениях Афураджа, городах Куба и Худаг, а с 1895 года осели в столице Бакинского ханства, где родились и мой отец, и я!

Так что для начала разрешите представиться — Григорий Борисович Евдаев, так меня звали до июля 1969 года.

Было это еще в конце девятнадцатого века, когда в случае неотмщения родственниками за убийство в течение трёх дней семьи убитого и убийцы считались связанными узами кровного родства. Жили на Кавказе две семьи, два старинных рода. Но однажды молодой человек из одного рода убил юношу из другого рода. Суть не в том, кто был виноват, да и не дошла до нас эта конкретика. Так обычно и бывает, так и заведено у людей: забыли, из-за какой соринки завязалась война, а перебили всех. «Кровная месть» — так называется эта война на Кавказе. Мстили представители двух родов вражескому клану до тех пор, пока кому-то из них, очевидно, самому гениальному, не пришла в голову мысль, что пора с этой пустой резней заканчивать, тем более что следующие поколения убивали-то друг друга вообще не из ненависти, а потому что так велела традиция. Может, и не пришла бы никому идея примирения, если бы два рода не поняли, что некому продолжать их древа, что по одной веточке на этих некогда мощных стволах осталось.

И вот тогда собрали совет, встретились старейшины родов, и был от нашего рода старейшиной мой дед. Традиции есть дурные, а есть и святые. Одной из глубочайших по своему смыслу традиций является такая...

Дед мой сидел на ковре перед своим собеседником и молчал. В дальнем крыле дома плакал ребенок. Этот двор, дом, да еще целый квартал вокруг некогда принадлежали ему, деду. Собеседник навострил ухо, потом повернулся на плач.

— С прибавлением тебя, Натан.

— Внук родился, — сдержанно ответил дед.

— Джигит. Как назвали?

— Назвали Григорием, по-новому, хорошее имя, звучное, — тут дед провел по лицу ладонями и внимательно посмотрел на собеседника, — сам решит, он сам решит.

— Что решит, дорогой? — удивился противник.

— Решит наш давний спор, Мирза, войну нашу остановит. Вот ты говоришь, внук у меня родился, у тебя вон тоже один сын остался. У меня два сына осталось, родни совсем мало, война с фашистами отобрала наших детей, а до этого сами мы, семьи наши поработали над тем, чтобы обеднели наши семьи. Разве было такое, чтобы в наших татских семьях детский смех был в диковинку, чтобы тишина стояла, как после боя, чтобы не было уверенности в том, что род будет жить в веках?! Вот ты говоришь, внук... Забыл ты, что ли? Когда кровная вражда прекращается, меняются враги самым дорогим — своими именами. Но мой сын поторопился, и теперь менять ребенку имя несподручно. Поэтому я и сказал: он вырастет и сам решит. А мы с тобой, Мирза, с этого момента будем ждать, а своим семьям объявим, что все вопросы сняты.

— Какие вопросы, уважаемый Натан?

— Вопросы жизни и смерти: не должны мы от этого часа решать вопросы жизни и смерти чужого рода. Иди себе с миром.

Наверное, так и договорились наши деды в первые дни моего рождения, только узнал я об этом уже в юности. Это я младенцем плакал тогда в доме и мешал беседе. И я самостоятельно принял решение взять фамилию — Мирзоев, чтобы окончательно утвердить мировую. Ведь в чем смысл такого обмена? От меня, Евдаева, пойдут Мирзоевы, и наоборот, от Мирзоевых пойдут Евдаевы — тогда невозможно будет отделить друзей от врагов, не с кем будет враждовать.

Мой дед предсказал час своей кончины — когда восстановится престол Давидов и государство Израиль возродится, и всё случилось так, как он предсказал: он ушел из жизни на второй день провозглашения создания государства Израиль — в 1948 году.

А я на третьем курсе университета поменял фамилию с благословения отца, матери и тогда еще живой бабушки — Нэнэ.

Разрешите еще раз представиться — Гасан Борисович Мирзоев.

Глава 2

Отец

*Деде-бебейту эз ту шор гордо
Да возрадуются тобой родители твои*

В армию меня сослали в наказание: там, мол, не таких строптивых обламывают. Я ехал в общем вагоне в свой гарнизон в срочном порядке, как будто меня осудили и сослали в Сибирь, декабристский бунтарский дух кипел во мне, я готов был бороться и там, если надо, и бодаться, если надо, и оспаривать Устав, если надо, и защищать слабого. Да и давать себя в обиду — не входило в мои планы. Но ехал я не в Сибирь, а в Калининскую область, которая теперь Тверская, да и ссылка оказалась не ссылкой и не каторгой, а самым лучшим периодом в моей жизни.

Природа предстала передо мной из моего детства, только зимняя, словно целиком из иллюстраций к есенинским стихотворениям, сыроватый пейзаж окружал гарнизон, возле ворот которого нас, новобранцев, выбросил военный грузовичок. Нашу тихую компанию провели через КПП и остановили, приказав ждать.

— Ты чего насуспенный такой? — через несколько минут к нам вышел капитан и обратился сразу ко мне, похлопал меня по плечу, отошел на шаг, осмотрел. — Хорош! Только худой, как страус. Ничего, откормим. За мной следуйте, ребята.

Он так весело верещал по дороге к корпусу, что я даже заслушался. Меня поставили на довольствие и определили в курсанты роты связи. Я с удивлением узнал, что в армии не только пустой маршировкой занимаются, но и пользу приносят, трудятся, реальные дела вершат, то есть не только способствуют обороне страны, которую никто не завоевывает вот прямо в данный момент, я понял, что не только на будущее или «на всякий случай» эта армия нужна, а нужна она как мощный сплав мужчин, способных горы свернуть.

1971—1973 годы. Мигаловский авиагарнизон. Очень скоро я стал помощником, а потом заместителем командира взвода, старшиной

роты, командовал несколькими сотнями парней, курсантов, которые учились обеспечивать полеты военных самолетов—бомбардировщиков стратегического назначения. Краснознаменное Брестское авиационное соединение! Слова-то какие звонкие, гордость берет.

Почему сейчас создают из армии образ врага? Я до сих пор не могу поверить в то, что в армии всё прогнило. Армия для меня была счастливым временем становления.

— Мирзоев, пляши!

В казарму внесли стопку «солдатской почты полевой», сверху лежал конверт, адресованный мне. Из двери залетел в помещение вихрь вездесущей метели: декабрь 1971 года выдался свирепым.

— Пляши давай, так просто не отделаешься!

Я заулыбался, ощущая, что щеки сейчас достанут до ушей. Аж внутри всё защемило, заиграло — письмо из дома. И в кино видел подобные эпизоды, и друзья рассказывали, а ощутил такое впервые: все готов был отдать, чтобы письмо поскорей оказалось в моих руках. И защемило, затрепетало сердце. Никак не думал, что и впрямь заставят сплясать, но пришлось пройти круг иронической кадрили.

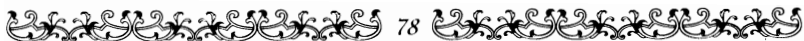
Почерк отца! Успел ко дню рождения прислать весточку, самый лучший подарок. Все мы разбрелись по своим углам, сопя, стали вскрывать свою добычу, уткнулись в письма. Повисла сладкая тишина. Только иногда пошмыгивание раздавалось из полумрака. Это было первое, самое первое письмо из дома.

Я снова вспомнил, как родители, и брат с сестрой, и самые близкие мне друзья провожали меня в армию. Мама всё время закрывала рот пухленькой ручкой, едва сдерживая рыдания, сестра тоже ходила как в воду опущенная, а младший брат Натан, носивший имя деда, смотрел исподлобья, вздыхал. Отец удивлялся им:

— Чего вы все в трауре-то? Радоваться надо, когда человеку выпадает шанс служить! Мы сейчас пойдем тебя провожать, Гриша, там уж будет не до высоких материй, — обратился он ко мне перед выездом в военкомат, — я сейчас тебе скажу. Я уверен, что ты будешь отличным воином. Послужи там и за меня, и за того парня...

Я отлично понял, что имел в виду мой отец.

В 1941 году сбежал мой батя, которому тогда было 15 лет, на фронт. Хотел бить фашистов, защищать родную страну, потому что так был воспитан своим отцом, потому что таким было его поколение. Они даже радовались, представляете!? Да, они радовались тому, что им выпал шанс доказать свою горячую любовь к Родине,

что, само собой, фашиста-то разобьют они за месяц самое большее, а свою доблесть, свою силу они покажут этому «немцу», ишь чего думал фриц!

Отец приписал себе пару лет в военкомате, там — глаза на добровольцев не успевали поднимать — знай себе всех оформляли.

— В железнодорожные войска, — вот и весь сказ.

И покатился мой отец в деревянном вагоне в сторону боев, подвигов, героических смертей. Что тут было с бабушкой Нэнэ, которая спать не ложилась, сидела на стуле посреди комнаты и причитала! Причитала, пока не увидела в дверях своего старшего сына. Сначала она сквозь слезы, застывшие ее глаза, приняла исхудавшего, небритого Юрия за своего младшего Борю. Бросилась к нему, а потом опять зашла, стала бить себя в грудь, не сразу поверив, что старший сын вернулся, что он живой, хоть и тяжело раненный, едва уняли ее тогда.

— Мама, — успокаивал ее старший сын, — найдем мы его, клянись. Ты же не знаешь, кем меня назначили. Я теперь тут буду, рядом с тобой буду. Списали меня, — добавлял он, зло шурясь, — но, похоже, вовремя. Я теперь заместитель военкома всего Баку — вот стою перед тобой. Командуй, прикажи, что хочешь, все выполню.

А в это время катился мой отец в товарняке, переделанном под нужды фронта, лежа на тоненькой подстилке из соломы, глядел в темное небо. Крыши не было у вагона, и перед взором его открывалось космическое кино — звезды неслись над головой и луна светила, слепила глаза.

И вдруг в кадре появилась крупная светящаяся точка, немного гудящая сквозь грохот состава. Самолет медленно плыл в квадрате, открытом взгляду молодого человека, и вдруг в картинке появилось еще одно действующее лицо — преследователь. Юноша приподнялся на локте, стараясь угадать, какой самолет советский, а какой вражеский. Все замерло в его груди, другие солдаты тоже неподвижно застыли в своих позах, всматриваясь в небо.

— Наш, наш гонит! — вдруг вскрикнул кто-то в другом углу вагона.

И тут же все закричали:

— Давай бей его! Садись на хвост! Таран нужен! — наперебой высказывались советчики.

Наконец, первый самолет вспыхнул, на миг сверкнул освещенной свастикой и боком стал уходить из кадра весь в огне. Громыкнуло уже позже, когда небо над ними погасло, и люди начали приходить в себя от этой захватывающей и в чем-то даже красивой сцены, разыгравшейся в квадрате неба прямо над их головами...

Снарядил Юрий Натанович группу поиска сроком на три дня по установленному заранее маршруту, сняли моего юного отца с поезда, не успел он и царапины получить, правда, потом уже, в родном доме, ему досталось.

Но распределение в железнодорожные войска сыграло свою роль, и он был зачислен на первый курс Бакинского желдортехникума. Так и пошел он по линии строительства и ремонта железных дорог, став инженером-путейцем.

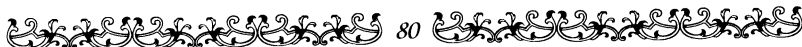
Почерк отца — убористый, стремительный, ясный. Он, видимо, воспользовался тетрадкой Фриды, старательно выводил на чистовик свои думы обо мне.

В этом письме было то, что я никогда не забуду. Отец — мой отец! — написал мне стихотворение, используя пусть и не только свои слова... И я хочу привести здесь его таким, каким оно было написано, рождено им, потому что, уверен, таких слов ни один сын в мире не слышал от своего отца! И только сейчас, когда я сам имею взрослого сына, я понимаю, как же он любил меня! Как он гордился мной! И слезы наворачиваются на глаза...

Стихотворение

*посвящается моему Гасану,
дорогому и любимому сыну-воину*

*Все друзья твои и мои
Радовать рады, повторяют мне,
Что лицом, упорством,
Умом, повадкой и взглядом,
Все, как есть,
ты похож на меня.
В этом не вижу я чуда.
Все, что в трудной обрел я судьбе:
Радость труда, мысли, наполненной
чувства, — отдаю без остатка тебе.
Так питаются корни деревьев,
И они дарят плоды.
Так и ты мечтой моей соткан
Из обличий отцовской души!
Ты постигнешь когда-нибудь это.
И поймешь — тешусь не тем,*

Что с тобой мы — как голос и эхо,
Как тело и тень,
Сын мой, ты мое повторенье
И отображенье, только я
До тебя не дорос,
Хоть младенцем себя не считаю.
Продолженье мое,
проторенье
Мной самим не открытых в жизни
И науке дорог!
Словно всё начинаю сначала.
Это я у подножия пропасти остановился.
Все, что чаял найти и не чаял,
Предо мной в бесконечном строю.
Снова сердце упруго, как мячик,
И по пройденным скачет
Годам...
Выбирай, все отдам,
Лишь болезней моих, ненастий и неудач —
Не отдам.
За полвека перевидал разных людей я немало.
Десятки лет работал и жил
Вдали от детей и жены.
Иногда спал в вагонах,
Душных, холодных.
Замерзал, тонул, горел,
Недоедал и недосыпал, все терпел.
В народе у нас говорят: —
Чем больше людям отдашь,
Тем богаче сам станешь.
А знаешь, сын,
Сколько требует человек
Любви и внимания?
Разве хватит на это меня одного?
Твой отец, г. Баку

И пусть не обижаются на меня мои родные и друзья, но никогда не будет для меня прекраснее подарка на мой день рождения, чем этот. Ну, разве что — сама жизнь, которую дали мне мои родители.

Отец! Если ты слышишь меня, услышь и это стихотворение, которое я дарю тебе слишком поздно, но верю, что ты где-то есть, и всё видишь, и по-прежнему гордишься мной.

*В те времена, когда мы постоянно
Писали биографии в «Дела»,
Написан тот листок, его случайно
Нашел я в нижнем ящике стола.*

*Такой же текст заучен мной навечно,
Года, и города, и имена.
Чем отличился, как я безупречно
Служил тебе, бескрайняя страна.*

*Мать и отец, откуда, где прописка,
Какой национальности я есть,
И что — в советском смысле — в группы риска
Не попадал, но и не продал честь.*

*Там есть строка — отец Борис Натаньч,
Работает... живет... порой вдали...
...И никакие мне лекарства на ночь
Не помогли заснуть, не помогли.*

*Я столько написал анкет, поверьте,
Я так писать возненавидел их.
Я не могу привыкнуть к датам смерти
Прекраснейших родителей своих.*

*А тот листок, приемля словно микву,
В котором живы мама и отец,
Я под подушку спрятал, как молитву,
Как оберег, как медальон — боец.*

Я благодарен Богу за эти два армейских года с боевыми ночными тревогами, где я закалился и физически, и духовно. Получил свою первую награду — медаль «За отвагу на пожаре» за самоотверженные действия при тушении лесных и торфяных пожаров в Калининской области и в Подмоскowie. Вступил в КПСС...

Глава 3

Профессия

*Тирорэ данистогор — варафдени э дохор
Знающий Библию — взбирается в гору*

В конце 1973 года я вернулся из армии. Долго я ехал домой, даже успел по дороге найти себе невесту. Мама уронила что-то на кухне, когда я громогласно кликнул родных, войдя в квартиру. Она изменилась в лице, увидев меня, совсем уже мужчину, окрепшего, начисто выбритого, коротко стриженного, в сержантской форме — отпрянула и повалилась мне на грудь. Сам чуть не разрыдался. Знал я, что любовь родителей ко мне безгранична, но когда так обнимают и целуют — всё на свете забываешь.

Вскоре наступил день моего рождения, а за ним пауза, обещавшая растянуться надолго, если не возьмется за ум, не соберется, не окунуться побыстрее в проблемы гражданской жизни. До армии я мечтал связать свою жизнь с милицией. Весь город, и уж тем более собственный район я знал как свои пять пальцев. Сколько дежурств, сколько бессонных ночей я провел в оперативных мероприятиях вместе со своими закадычными друзьями и однокурсниками Богомоловым и Хорошевым, а порой и с Владимиром Игониным, выискивая опасных преступников, выезжая на вызовы, помогая раскрыть те или иные преступления. Беспризорники, бомжи, рецидивисты... Голыми руками вылавливали мы тех, кто был опасен для мирных советских людей, грозил их счастливой размеренной жизни.

Однажды на дежурстве мы патрулировали наш район. Полез я под перрон, зная, что это излюбленное место беспризорных сорванцов, а там — незнакомый типчик. Мужик сразу отвернулся, пополз от меня.

— Предъявите документы, — грозно крикнул я ему вдогонку.

Пришлось не мешкая кидаться за ним, хватать за шиворот.

Не было у него документов, зато была физиономия — как раз с доски «Их разыскивает милиция». Эта романтика долго кружила мне голову, пока я не столкнулся с оборотной стороной медали — с советской партийной системой, которая одним позволяла все, прикрывала папиных сынков, а других вышвыривала из университета, если человек шел на принцип. Нет, не хочу я порочить напрасно тогдашние органы внутренних дел. Но в том-то все и дело, что отличные люди, настоящие герои, работающие в милиции, зачастую оказывались, можно сказать, в трагической ситуации. И именно там, где власть государственной партийной машины легче всего могла вторгнуться: в судах, в милиции, в прокуратуре — трагичнее всего складывались судьбы людей, которых заставляли поступать не по закону, а по «телефонному праву». Может быть, потому и сохранилось мое высочайшее уважение к моим однокашникам по университету, что, работая в этой системе, они обладали таким мужеством и внутренней силой, которые позволили им не сломиться, оставаться кристально честными и порядочными людьми. Но, видя, что ситуации с «телефонным правом» могут повторяться и повторяться в моей практике, я к третьему курсу университета понял, что нужно искать себе другое поле деятельности, пошел в хозяйственные структуры, стал работать юристом на предприятии.

И вот армия, в которую меня вроде бы, получается, сослали, дала мне новый заряд веры в людей и в себя. Когда я вернулся на факультет, то узнал, что из органов внутренних дел в университет приходили письма и благодарности в мой адрес за отличную работу в милиции — вроде бы извиняющиеся письма, подчеркивающие неправоту чиновников, решивших когда-то меня растоптать за то, что я не согласился «отмазать» преступника, родственника высокопоставленного правительственного босса, — но мне уже восстановить ту веру было невозможно. Однажды развенчанный чудотворец никогда не сможет реабилитировать себя, так было с моим отношением к бакинским правоохранителям той поры, слушавшимся партийных указаний. Настоящими учителями в моей милицмейской памяти остались: майор милиции Исрафил Давыдович Силимов, Иван Никифорович Семькин, наш начальник третьего отделения милиции Наримановского РОМ, майор милиции Шамиль Мамедович Инчиев. Знал ли я тогда, что когда-нибудь, в будущем 2006 году, за моё участие в миротворческой миссии в Приднестровской Молдавской республике меня наградят орденами Почёта и Славы, а Указом Президента Приднестровской Молдавской рес-

публики мне будет присвоено звание «Генерал-майор милиции» — за мою добросовестную работу как адвоката целого непризнанного государства?..

Но такой уж я заводной человек! Так мне, видимо, везло в армии, настолько я сумел там раскрыться, ощутить свой потенциал, что видел я себя только в армии, только в военной области. Я не мог бы соединить в своей судьбе два своих призвания, если бы мне, старшему сержанту Советской Армии в запасе, не подсказали связать свою судьбу с военной юстицией.

В конце 1973 года я был назначен исполняющим обязанности военного следователя военной прокуратуры Баладжарского гарнизона Закавказского военного округа.

И снова я приходил домой с горящими глазами, снова мое сердце наполнялось уверенностью в том, что я делаю работу, нужную людям. Отец только бровью поводит, когда я в первые недели страстно рассказывал ему о своих коллегах и начальниках, об устройстве гарнизонных судов и принципах их работы.

— Ты, сынок, поменьше по сторонам гляди, — говорил отец, — а больше дела изучай. Главное — это изучить практику.

Я не понимал, почему отец неучастливо относится к моей новой работе.

— Всё равно, — повторял он, — тебя скоро вынесет на совершенно другую стезю. Я ведь тебя знаю, ты штаны протирать не станешь, тебе всегда захочется видеть плоды своего труда. А у вас там только и знают, что под козырек берут. Вообще, сын, думаю, что твоё призвание — адвокат.

Я до сих пор не могу понять, почему я тогда резко, почти прокурорским тоном заявил: «Адвокатом не пойду!» Вот как я тогда думал...

В конце концов, меня затронули слова отца, и я стал присматриваться. Главным мерилом в этом суде были не справедливость и даже не закон, а воинский Устав. Валом шли дела о солдатских самострелах, и я не понимал, почему наказывают не начальников, виновных в доведении солдат до бунта, а самих солдат. Почему уголовное наказание назначается за такие мелочи, как опоздание из увольнительного на пять минут, за высказывание солдатами своего мнения, за действия, которые и проступками-то не назовешь?

Однажды вечером, возвратясь с работы, я, немного еще побаиваясь предстоящего тяжелого разговора, зашел к отцу в кабинет. Он, как обычно, сидел за своим рабочим столом спиной к окну. Горел зеленый гриб настольной лампы на деревянной зеленой ноге. Свет

выхватывал только лист бумаги на столе, край газеты и руки отца. Он поднял голову и спросил, что мне нужно.

— Отец, сегодня мне объявили, что через неделю выйдет приказ о назначении меня военным следователем с присвоением воинского звания лейтенант юстиции, и я, скорее всего, уеду в другой военный округ.

— Поздравляю, — спокойно сказал отец, — если это для тебя радостное событие, конечно.

Он видел в глазах моих сомнения.

— Нет, отец, это не радостное событие. Потому что — это не мое.

И тут-то я и заметил, как загорелись глаза у моего отца. Он словно ожил, встрепнулся, засуетился. Не стал он мне напоминать о своих словах, просто встал и похлопал по плечу:

— Взрослеешь.

— Куда там! — я готовился выпалить самое главное. — Так повзрослел, что вот надумал жениться.

— Ну что ж, невест мы тебе с матерью давно присматриваем, наши горские обычаи ты знаешь, есть даже одна-две на примете, хорошие девушки из приличных семей, одну ты знаешь... Да-да, именно ту Хану, которую ещё с её детства бабушка Нэнэ присмотрела.

— Нет, отец, ты не понял, — перебил я, — у меня уже есть невеста.

Отец снова сел, подумал немного и сказал удивительную вещь:

— Только помни: выбираешь жену — выбираешь судьбу. Покажи нам свою невесту, будем знакомиться, будем думать вместе...

Мне было двадцать семь лет или чуть больше. Я встретил девушку, статную, светловолосую, улыбчивую. Она была из Пятигорска, и познакомился я с ней как раз по дороге из армии к своему дому. Воспоминания детства и юности позвали меня в те края, где я рос, в Георгиевск, в Ставропольский край. Мать Людмилы была из кубанских казачек. Звали её Зинаида Павловна Тарабарко.

— Она наша? — спросил отец, когда я уже посчитал предварительный разговор законченным.

Отцу долго пришлось ждать ответа. Я никак не решался признаться. Мне показалось в ту минуту, что лишь моего будущего смешанного брака и страшился отец в жизни, который только и ждал, чтобы произошло главное: сын поддержал чистоту рода. Он иногда вскользь поучал меня: главное — единоверка, соплеменница, посмотри, мол, как мы с матерью хорошо живем.

— Она — русская, однако её папа, Семён Андреевич Кишеев, наш соплеменник, — опустив голову, виновато сказал я.

Наступила долгая мучительная пауза. Отец растирал лицо ладонями, словно кровь застоялась у него на лбу и скулах.

— Что ж, сынок, — неожиданно ласково обратился он ко мне и замолчал.

Тут я, доведенный до пика волнения, не выдержал, нарушил его молчание:

— Я, отец, не смогу найти себе девушку из наших. Это же еще двадцать лет надо будет искать, ждать. Я хочу жениться, папа, на той, которую я люблю. Тем более Ставрополье — для меня вторая родина.

— Женись, сынок, пожалуй, — быстро сказал отец, потом в полумраке комнаты я заметил, как глаза его лукаво сверкнули, а он добавил: — «но знай, бедняга, твой жребий лют — тебя ограбят, избыют».

Это была странная шутка. Вроде благословение, вроде плохое пророчество. В дальнейшем я узнал, что пророческий дар был не только у моего деда, но и у моего отца, который, будучи сыном настоящего капиталиста, стал отчаянным большевиком. Правдолюбцем. Когда умер Сталин, плакали все, и я помню глаза моего отца. И только моя бабушка тогда сказала: «Слава Богу, тиран умер». Мне было тогда 6 лет. Я помню, что сказал отец, когда объявили о горбачёвской перестройке. Он сказал: «Это начало конца советской власти...» Сейчас же отец как-то странно пророчествовал о моей женитьбе. Тогда я, как, наверное, и все люди в молодости, не слышал своего родителя.

До меня все мужчины моего рода не были предоставлены сами себе и своим предпочтениям в выборе невест. Никаким демократизмом и не пахло. Чего греха таить: когда человек другой культуры впервые узнает некоторые горские обычаи, они ему кажутся диковатыми. Сразу хочется протестовать: ну как такое возможно — сватать, обручать малолетних детишек, зная, что парень и девушка вырастут и могут полюбить по-настоящему совсем других, не следуя выбору матери и отца. Сердцу разве можно приказать?

Горцы могут приказывать сердцу. Но дело не в этом. Традиции создания семьи по указанию отца или матери лежат в контексте всех других традиций горских народов: уважения к старшим, подчинения мужу, сохранения рода путем осуществления выгодных партий. Не любовь была у женщин на первом месте, а сама жизнь: соз-

дание своего очага, поддержание культурных традиций, веры. Девочка с младенчества усваивала свою основную обязанность — служить мужу. Это по большому счету означало: служить мужчине, то есть не просто учило тому, что должна делать женщина, выйдя замуж, а тому, как женщина должна относиться к себе и к мужчине. Естественно, что это правило переносилось и на отношение сестры к братьям и отцу. Но муж, братья — где бы они ни были — обязаны были содержать семью и заботиться о женщинах и детях.

А что касается молодых парней, готовых создать семью, — их тоже, как и девушек, не спрашивали, влюблены они или нет. Ставили перед фактом:

— Мы выбрали тебе невесту из хорошей семьи.

Семьи будущих супругов обычно знали друг друга долгие годы. И когда в семье рождался младенец, старшие сразу задумывались о том, кто может составить ему пару. Долгие годы родители мальчика присматривались к будущей невестке, выхаживали ее, влияли на ее личность. А не то ли самое было с Марией и предназначенным ей в мужья плотником Иосифом из Назарета?

В разные времена по-разному относились к образованности девушки. Когда-то это было минусом, потом стало плюсом. Даже в советские времена было принято, чтобы молодой человек забирал свою невесту из 8-9-10 классов. Именно такие молоденькие девушки были в традиционном смысле самыми типичными невестами. А те, кто постарше, считались перезревшими. Девушки не очень-то сильно перетруждали себя учёбой, потому что знали: когда-нибудь в класс войдет широкоплечий решительный парень, подойдет к парте, возьмет девушку за локоть и бросит на ходу:

— Я забираю ее, она больше не будет сюда ходить...

Стоит ли упоминать, что невеста была идентичного вероисповедания, татки выходили за татов, чеченки за чеченов, русские, кстати, за русских, хотя другие традиции русских, живущих на Кавказе, все-таки сильно отличались, были более демократичными, особенно у вольнолюбивых казаков. Да и в годы советской власти в Азербайджане многое изменилось. Но по сей день осталось то внимание, которое семьи проявляют к выбору спутника жизни, который делает кто-то из младшего поколения.

Я первым нарушил консервативную традицию создания семьи по велению родителей. Я не просто высказал свое мнение, а выбрал себе невесту сам. Невеста моя была русской, более того, казачкой! Более того, выросшей не в Азербайджане, а в русской среде. О! Она сама не понимала, как сложно ей будет! И я многого тогда не пони-

мал. Ведь если муж и жена выросли в разных странах и говорят на разных языках, даже это не так осложняет их дальнейшую совместную жизнь, если они одного вероисповедания и национальности, чем то обстоятельство, что они воспитаны в разных культурах, хоть и говорят на одном языке. То, что кажется естественным татке, никогда не войдет в подсознание русской девушки, как должный ход событий или приемлемый обычай. Я говорю сейчас объективную правду, и мы все, дорогой читатель, знаем, что это правда. Есть, конечно, счастливые исключения. Но Бог делает исключения очень редко.

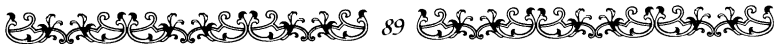
Я выбрал себе жену сам. На меня вдвойне легла бóльшая ответственность, родители же никакой ответственности за этот выбор не несли. И я сознаю, что в первую очередь это моя ошибка и моя вина перед девушкой, которая не понимала, что кому-то из нас нужно измениться. Очевидно, в каждом из нас живы были настолько глубокие и сильные корни наших культур, что ни один так и не смог преодолеть их.

Мои дети пошли по моим стопам. Дай Бог им счастья, несмотря на то что они отходят от старых традиций, как и я в свое время, но они и росли только в начале своей жизни в Баку, может быть, им повезет и в смешанном браке. Ведь первый опыт был у них неудачным, а на ошибках учатся. Зато внуки у меня — загляденье! И никакие традиции и уклады в мире не заставят меня поверить, что мои дети и внуки не заслужили счастья! Я старался жить по заповедям Господа, чтобы Он дал им душевное благополучие, чтобы им было легче в их судьбах.

В жизни любых современных родителей наступает такой момент, когда сын приходит к ним и говорит, что нашел себе пару. Тут многое зависит от готовности родителей отпустить сына во взрослую жизнь. А страхи за дитя возникают только тогда, когда родители видят: не подготовили они еще своё чадо к тому, чтобы оно само отвечало за жену, за детей и собственный дом. Мало сыграть свадьбу, главное, чтобы человек знал, как построить собственную семью.

Вот здесь и всплывает опыт жизни в родительской семье: какие у них были отношения, как был налажен быт, досуг, уважали ли они друг друга. Хочешь не хочешь, — а другого опыта нам не дано, мы впитываем в себя стандарт, на котором воспитывались сами.

Семнадцать лет длился мой первый брак. Так и получилось, что я ждал свою соплеменницу, как и сказал тогда отцу, почти двадцать лет.

А тогда я пошел работать юрисконсультom уже в звании лейтенанта юстиции.

Приказом министра обороны СССР меня оставили в военкомате, куда я пришёл становиться на учёт после ухода из военной прокуратуры.

Министерство строительства автомобильных дорог Азербайджанской ССР стало по сути тем источником, из которого я черпал практические азы своей настоящей профессии, с которой я связал свою свою жизнь.

— Ну что, Гасан Борисович, как у нас говорят, забудьте всё, чему вас научили в университете, и начинайте учиться по-настоящему, — такими словами встретил меня кадровик Вагиф Еганов в первый день работы.

Доля истины в его словах была. Никакие задачки, никакие примеры из учебников по гражданскому праву не помогут тебе в повседневной юридической практике, пока ты сам не пройдешь все ипостаси юриста и не решишь все проблемы, с которыми может столкнуться в работе юрист-хозяйственник. Меня на третий же день отправили в ведомственный арбитражный суд, где рассматривался спор по поставкам. Я его в тот же день и завершил, принеся в юридический отдел положительное судебное решение.

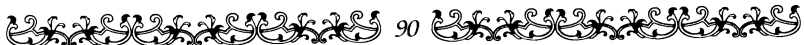
А на столе моем уже лежали папки с договорами, кадровыми персональными делами, какие-то внутренние инструкции и протоколы заседаний у министра.

— Вы, Гасан Борисович, не могли бы завтра на планерку пойти? — скорее не попросил, а приказал в форме вопроса помощник министра Азер Исмаилови Алиевч.

Не знал я тогда, что спустя 30 лет мы снова будем работать вместе.

— Ну, конечно, — удивился я, — какие проблемы!

Не думал я, что планерка-то проводится самим министром. Слава Богу, взял себе за правило одеваться на работу с иголочки, просто не люблю расхлябанности в одежде. В присутственное место дол́жно приходить в строгом и по возможности элегантноm костюме. Конечно, Пьера Кардена тогда никто не носил, но жена как-то умудрялась доставать мне импортные костюмы, а в нагрудном кармане у меня сиял маленьким уголком носовой платок. Так вот и заявился на планерку. Сослуживцы, которые еще не знали меня в лицо, озирались, приняв меня за проверяющего из президиума республиканского Совмина, не иначе.

Только один человек сиял в этом большом кабинете таким же светом, но еще большей респектабельностью, что ли, веяло от него. Этим человеком оказался сам министр Дадаш Мирзоевич Асанов. Высокий, худой, он источал такое благородство кровей, что сразу вспоминались русские дворяне, например, какой-нибудь эмигрант первой волны, только-только спустившийся с веранды отеля в Ницце...

Он обратил ко мне свой взгляд, степенно, но не назойливо осмотрел меня, приветствуя наклоном головы. Я ответил ему тем же.

Совещание за совещанием — и мы стали не просто коллегами, но соратниками, людьми, которые очень легко понимают друг друга и одинаково преданы своему делу.

— Я могу говорить откровенно? — спрашивал я риторически на очередной планерке. — Вот насчет разрушившегося моста на реке Гёкчай...

— Очень хотелось бы знать мнение юриста, прошу, — на безукоризненном русском приглашал Дадаш Мирзоевич, — у меня много вопросов по этому делу.

— Если коллегия думает, что я буду сейчас приводить доводы в защиту наших строителей, то от меня вы этого не услышите, — решительно заявил я, — наша вина. И погибли люди, мы никогда не сможем возместить потери их близких. Да, виноваты наши инженеры и прораб. Есть даже состав преступления. Дело передано в суд, я еду завтра на заседание и прошу, а точнее, ставлю в известность, что не намерен скрывать истинную причину разрушения моста.

Министр таинственно улыбнулся:

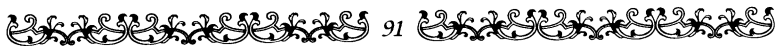
— Наш Гасан Борисович не юрисконсульт у нас работает, а прокурором. Такой внутриминистерский прокурор-обличитель.

Члены коллегии втянули головы в плечи, а кое-кто зацокал языком, неодобрительно зыркнул на меня.

— Предлагаю, товарищи, за принципиальность и профессионализм назначить товарища Мирзоева на освободившуюся должность старшего юрисконсульта министерства.

Вот такой был у нас министр. И я искренне любил его, потому что он умел оставаться настоящим человеком и интеллигентом в условиях советской системы, прессингующей и выставляющей свои требования для каждого, кто попадает в высший эшелон власти.

Но как же быстро менялись выражения на лицах мелких бюрократов, как будто у них в нагрудном кармашке, где у меня был всегда чистый носовой платок, лежала стопка масок, и они то и дело меняли их, едва успевая ориентироваться на месте.

Адвокатура в те годы была единственным местом, где юрист мог реализовать свои знания вне подчинения идеологии. Конечно, и адвокатов вызывали на ковер партийные начальники страшать по партийной линии, но коллегия адвокатов была закрытым образованием равных специалистов, которые имели право защищать людей, опираясь только на закон, опыт и свою человеческую позицию. Я сто раз взвесил, изучил работу своих друзей-адвокатов и пришел к выводу, что свои знания уголовного и гражданского права могу реализовать в полной мере только в условиях этой относительной, но свободы. Видимо, к этому решению склонила меня моя собственная природа, мой вольнолюбивый характер. В июле 1976 года я, наконец, получил долгожданный диплом об окончании юрфака. И тогда я решил идти в адвокаты. Помощник Д.М. Асанова — Азер Исмаилович Алиев — убежденно отговаривал меня: дескать, в адвокатуре делать нечего.

Дадаш Мирзоевич не стал меня отговаривать или совестить. Первый завел речь о том, что всё, что требуется от него, он выполнит: даст мне самую достойную характеристику в коллегии.

Это было в марте 1977 года. В апреле я без стажировки был принят членом коллегии адвокатов Азербайджанской ССР и направлен на работу вначале в юридическую консультацию № 6 г. Баку, через несколько месяцев — в элитную городскую юридическую консультацию № 15, а ещё спустя пару месяцев, в начале 1978 года, меня назначили заведующим юридической консультацией № 13 г. Баку в Шаумяновском районе. Шаумяновский район только строился. По сути это была одна большая строительная площадка, на которой то и дело сдавались жилые дома.

А потом они заселялись, и, приезжая на работу, я то и дело встречал новоселов с тюками, которые целыми семьями высыпали из грузовиков и осматривали свое новое жилище, высоко подняв головы.

Однажды меня вызвали в президиум Коллегии адвокатов Азербайджана. На столе перед Кямалом Гусейновичем Мурадовым, председателем президиума коллегии, лежало мое личное дело с прикрепленной к нему моей фотографией. Я ушам своим не поверил, когда услышал о своем новом назначении.

— А что вы хотите? — немного раздраженно произнес усталый председатель. — Вы думаете, у нас от адвокатов отбоя нет? Все не так просто! Адвокат — это юрист высшей категории. Я думаю, вам не нужно объяснять: на предприятии юрисконсульту тоже приносят каждый день новые дела, с которыми он, вполне вероятно, и не

сталкивался никогда. Он тоже должен уметь найти правильное решение. Но там по крайней мере всё очерчено рамками отрасли, рамками гражданских правоотношений. А поле деятельности адвоката — безгранично. И мы не можем себе позволить набирать в коллегии кого попало. Ведь речь идет о судьбах людей.

Председатель коллегии ненадолго ушел в себя, а потом неожиданно усмехнулся:

— Но вам, коллега, в каком-то смысле будет поначалу попроще. Дело в том, что ваша кандидатура предложена на должность заведующего юридической консультацией, но консультацией, которой нет. То есть — пока нет.

И тут я понял, в чем дело. Я, вы знаете, даже обрадовался. А обрадовался потому, что сам своими глазами видел эти толпы людей в двух маленьких консультациях, обслуживающих такой огромный по площади и численности населения район. Ну, хоть немного разгрузят шестую и пятнадцатую консультации. И лишь спустя какое-то время до меня стало доходить услышанное. Сердце застучало как бешеное.

— Спасибо за доверие, — только и смог выговорить я.

Странное дело, но за мгновения пронесся в голове весь план действий, собственно, в эти мгновения я уже определил все шаги по созданию и успешной организации работы в моей — моей! — консультации.

— Номер тринадцать Вас не пугает?

— Для меня это счастливое число, у меня квартира тоже № 13, — улыбнулся я, — тысячам человек, живущих в Шаумяновском районе, абсолютно все равно, какой номер будет у консультации, которая поможет им в трудных жизненных ситуациях.

Приказ Министерства юстиции АзССР и согласования в горкоме партии и ЦК КП АзССР я прошел спокойно. Хотя я и был рядовым адвокатом, которому доверяли такое дело, мои товарищи Владимир Сергеевич Игонин, работавший тогда инструктором отдела ЦК компартии, и зять Гейдара Алиева, Махмуд, мой однокурсник и друг, консультировали меня и поддерживали психологически.

Блок первичного бытового обслуживания населения был передан под нашу юридическую консультацию. Нетрудно понять, что здание, как и всё в этом новом районе, было не только абсолютно неосвоенным, но и недостроенным. Пыльные от строительного цемента, обожженные бакинским солнцем улицы, отсутствие поначалу городского транспорта, хозяйственные вопросы, споры со строителями, наладка коммуникаций — прав был Мурадов, председатель

президиума коллегии: поначалу мне, действительно, было легко. Потому что хозяйственные вопросы — это как чистка оружия перед боем, а вот когда надо идти в бой, тут уж наступает настоящая проверка характера.

Через несколько лет, в 1984 году, юридическая консультация № 13 города Баку заняла первое место среди коллегий адвокатов Союза ССР, и мне было торжественно вручено переходящее Красное Знамя и Почётная грамота за подписью министра юстиции СССР, Героя Советского Союза Бориса Васильевича Кравцова. Не знал я тогда, что через 7 лет буду работать с этим легендарным человеком, остающимся советником президента Гильдии российских адвокатов и по сей день... Это решение коллегии Минюста стало отправной точкой моей биографии. Меня выбрали депутатом сначала поселкового, потом районного Совета народных депутатов. Я нашел себя.

Шаумяновский район, уже цветущий, живой, с садами и детскими площадками, обжитый невероятным количеством людей, жил теперь своей налаженной городской жизнью. Я сроднился с этим районом, с этими людьми. Комиссия по соцзаконности Шаумяновского районного Совета народных депутатов выбрала меня своим председателем. Это была важная веха в моей жизни, так как на мой опыт руководящей работы обратили внимание и в Москве. Центральный Комитет партии запросил в ЦК компартии Азербайджана информацию обо мне. Не знаю, может быть, дополнительным аргументом для такого пристального внимания к моей персоне послужил еще тот факт, что советская власть очень любила заигрывать с малыми народностями, показывать всему миру, что никого у нас в стране не обижают, всем дают дорогу. Только мне кажется, что дорогу себе я пробивал еще и сам.

Глава 4

Об истоках

*Эз деде одеме кунтде екишь нисти
Ближе матери у человека никого нет*

Во все времена, когда наши предки молились Богу, они всегда добавляли эти слова: Господи, дай мне быть песчинкой у твоих ног! Смысл этой фразы заключался в том, что каждый должен помнить, что без воли Небесного Отца родители материального тела не могут наделить человека Духом Живым. В Писании сказано, что Господь создал человека из праха и в прах превратится каждое материальное тело. Там же сказано: «...И вдохнул в него душу живую...»

Представляете, какой огромный смысл вложен в этот призыв? Ведь Бог — это Творец Вселенной, Властелин человеческих душ. Быть целой песчинкой у ног вечности — это уже много, это значит не бесследно прожить свою жизнь!

К своим годам подводя некий промежуточный итог, я вдруг заметил, что с возрастом человек не только становится ближе к Богу, не только искренне проникается Божественной мудростью, но еще и острее начинает чувствовать свои корни, глубже интересоваться своим родом, больше любить свой народ. Конечно, я вырос не в татском государстве, и даже не в отдельно взятой республике, я вырос в Союзе Советских Социалистических Республик. Я оттуда родом. Я помню и чту тот свой народ, о котором с высоких трибун было принято говорить: единый и могучий. А он таким и был — единый народ. И если кто-то возьмется мне доказывать, что национальные окраины СССР были разобщены, что один многочисленный народ подавлял другие, малочисленные, я с этим не соглашусь. Я видел и помню другое. Мы все чувствовали и эту мощь, и это единение, мы все осознавали, что великий эксперимент по объединению различных наций, самобытных культур в одну большую общность людей — удался. Эта принадлежность к своему малому народу и одновременно к народу единой великой державы вселяла гор-

дость. И все были родными, своими, близкими: грузины, латыши, украинцы...

А сейчас нет Советского Союза, нет советского народа, нет единения, с одной стороны. А с другой стороны, я не просто люблю, но люблю осознанно, с глубоким знанием свой горский народ, который хоть и малочисленный, а дал столько великих людей нашему времени, что о нем слышаны в разных уголках России, Европы, мира.

Мой древний народ называется таты. Сами себя таты называют «джуури», или «джуурро». Как ни странно, очень многие люди в России знают название моего народа. И тут же кивают в ответ: «А-а! Горские евреи!»

Что соединяет в себе это словосочетание? Откуда взялись в долинах Дагестана и на склонах Кавказских гор иудеи? И что в данном случае заложено в слово «иудеи» — религия или национальность?

Всего нас, татов, осталось около двадцати тысяч человек. А вы, дорогие читатели, еще, поди, морщились, когда читали про «дорогу отцов» и необходимость браков с соплеменниками. А как же сохраниться этой уникальной кавказской народности?

Я изучил много трудов о своем народе, участвовал в написании книги, посвященной известным всему миру татам. Мне, конечно, хотелось бы, чтобы не только мои дети, но и все люди полюбили мой народ, увидели, какие это мягкие, мудрые, стойкие люди — таты.

В основном большая численность татов живет сейчас в Дагестане. Небольшие группы — в других республиках Северного Кавказа. Это действительно малочисленный, можно сказать, малый народ. Говорят таты на татском языке иранской группы индоевропейской семьи, имеющем два диалекта — южный и северный. Северный диалект является одним из литературных языков Дагестана. Письменность у татов сложилась на основе русского алфавита. Говорят таты на староперсидском наречии с элементами арамейского языка.

Среди верующих татов, наряду с исповедующими иудаизм, есть мусульмане-шииты и христиане-монофиситы. Таты близки по культуре к азербайджанцам и народам Дагестана. Подобное религиозное многообразие трудно отыскать у других народов, но в то же время на формирование этнического характера татов большое влияние оказала общекавказская культура, горский образ жизни.

Таты проживают на территории Дагестана и Азербайджана с незапамятных времён. Первые сведения о татах на Кавказе, по свидетельству историков, относятся ко временам Хазарского каганата — это VII—X века нашей эры.

Еще 90 — 100 лет назад две трети татского населения проживало в 30 аулах и селениях, иногда совместно с табасаранцами, лезгинами, кумыками, даргинцами и другими народностями. Есть таты, проживающие и в Дербенте, это так называемые азербайджанские таты, таты-мусульмане. Но, исповедуя ислам, они говорят на едином татском языке, на том же самом, на котором говорят таты-иудеи, только, может быть, с небольшими диалектными различиями. А истоки устного творчества татов имеют иранские корни и связаны с историей и культурой Древней Персии.

Следует понять, что таты-иудеи — это та часть татского коренного населения Азербайджана, Дагестана, которая сохранила иудаизм, полагаю, что со времени расселения после разрушения Первого Храма, или современной Хазарии. Если говорить о вероисповедании, то, судя по языковым и косвенным историческим данным, община горских евреев формировалась в VII—XIII веках в ходе иммиграции иудеев из северной Персии, а также, возможно, из близлежащих районов Византийской империи в Азербайджан, где они перешли на татский язык. В Дагестане они, видимо, ассимилировали часть хазарского населения. В XIII—XV веках знаменитые путешественники из Европы указывали на тот факт, что на Восточном Кавказе проживает большое число иудеев. Голландский путешественник Н. Витсен, посетивший Дагестан в 1690 году, нашел там много горских евреев, особенно в Буйнаке (ок. совр. г. Буйнакск) и в Кара-Кайтаге, где, по его словам, их проживало 15 тысяч. Существовала сплошная полоса татских поселений на севере современного Азербайджана и юге Дагестана, между городами Дербент и Куба. Одна из долин близ Дербента с центром в селении Аба-Сава была, по-видимому, заселена главным образом татами-иудеями, — окружающее население называло ее Джугуут-Катта («долина»). В 1742 году правитель Персии Надир-шах разрушил и разграбил многочисленные поселения татов, а спасшиеся от разгрома таты поселились в городе Куба.

В ходе освободительной борьбы кавказских горцев под руководством Шамиля жители ряда татских аулов были обращены в ислам и впоследствии слились с местным населением. В 20—30-х годах XIX века отмечены первые контакты горцев с россиянами, упрочив-

шиеся с 1860-х годов. В 80-е годы первым татом, получившим высшее светское образование в Москве, стал Илья Анисимов — автор этнографических исследований о горских евреях. В начале XX века в Баку, Дербенте и Кубе были открыты школы для татов с преподаванием на русском языке. Наряду с религией в них изучались и светские предметы. В 1908—1909 годах были опубликованы первые религиозные книги на татском языке. С середины XIX века устанавливаются связи татов с Палестиной.

В 1920 году была провозглашена Азербайджанская ССР (с 1990 года Азербайджанская Республика), в 1921 году образована Дагестанская АССР в составе РСФСР (с 1991 года Республика Дагестан).

Сухие параграфы учебников, конечно, не заменят рассказов бабушки и других родственников, не заменят тех традиций, которые сохранились, кажется, в генной памяти.

Много татов рассеялось по миру. Кто уехал еще в первые годы советской власти, кто был перемолот советскими репрессиями 1930-х годов, большое количество татов было погублено фашистами. Во время советского строя были периоды, когда татов вынуждали забывать и традиции, и веру, и даже свой собственный язык. Но тем не менее национальность — это не та легкая пыльца, которую можно сдуть с анкеты или странички в паспорте. Впрочем, сейчас и страничку-то про национальность отменили. Национальность — это дрожь в твоих жилах при первых звуках народной песни, это восторг от вида предгорий Кавказа, это гордость за своих земляков, добившихся чего-то в жизни. Моих соплеменников можно узнать по трудолюбию, верованию, широкому доброму сердцу и любви к своим предкам, к отеческим, так сказать, гробам.

Из века в век на благодатных и одновременно суровых склонах Кавказских гор таты занимались земледелием, садоводством и виноградарством. Талантливый и поставленный в сложные условия жизни народ прекрасно освоил различные художественные ремёсла. Это и ковроткачество, и изготовление медной посуды, и выделка кожи. Трудолюбивые, склонные к науке, к познанию нового, живущие в условиях полупатриархального строя, строго соблюдающие обычаи предков и своей веры, таты обрабатывали подчас труднодоступные горные участки, сеяли рис и пшеницу, разводили виноград, сажали фруктовые сады, выращивали овощи. В Дербенте специализировались на виноградарстве, многие во время путины работали на рыбных промыслах, занимались ремеслами. Этим каждая семья обеспечивала свои натуральные ну-

жды, что-то оставляя на продажу, особенно если семья занималась ремеслами.

Очень строгой традицией, даже законом среди татов было заключение браков с учетом родственных связей (часто между двоюродными и троюродными братьями и сёстрами). Это было необходимым условием сохранения народности, сохранение рода. Без этого обычая народ наш давно бы рассеялся, ассимилировался, как, впрочем, и любой другой народ Кавказа, которых, как вы знаете, огромное множество. Старший в роду мужчина был вершителем судеб членов рода. В основе быта лежали адаты: не давать неисполнимых обещаний, беспрекословно подчиняться старшим, обязательно помогать односельчанам, строго соблюдать правила гостеприимства и другие.

Когда-то даже бытовали кровная месть и многоженство. Последнее тоже не предмет для анекдотов или усмешек, ведь если у мужчины было две жены, то и законных наследников могло быть вдвое больше, а это не только кормильцы в старости, но и продолжатели рода, продолжатели народа. Жена выполняла любое указание мужа, на улице закрывала лицо платком, не имела права разговаривать с посторонними мужчинами. Женщин не допускали в религиозные школы и моленные дома, девушек выдавали замуж по воле родителей. Так было, и хотя многие из этих обычаев, конечно, пережитки, и мы не стали бы призывать, вслед за лидерами ЛДПР, к возврату многоженства, но нельзя не отдать должное удивительной силе духа моих мужественных соплеменников, выбравших себе те правила жизни, которые помогали им сохранить самобытность и вообще само наличие на нашей маленькой планете.

Я, не выросший среди этих людей, но в сознательном возрасте вкусивший их культуру, каноны воспитания, вобравший в свою память зеленые горные пейзажи, затянутые легкой утренней дымкой, так и вижу утренний аул, где женщины в длинных рубахах, шароварах навывпуск (шовол), длинных приталенных платьях поверх, в платках и сафьяновых чувяках идут за водой к ручью, начинают многочасовые хлопоты по хозяйству, а мужчины в черкесках с кинжалом на поясе, в папахах выгоняют на луга скот, приветствуя друг друга и коротко переговариваясь о своих мужских делах. Женщины, украсив себя к вечеру, ждут своих мужей за накрытыми столами, но они тут же встанут и не присядут больше к столу, как только хозяин вернется и придвинет к себе хашиль (мучную жидкую кашу) или пютюрюк (мучной суп), бюглеме (заливное блюдо из рыбы) или ги-

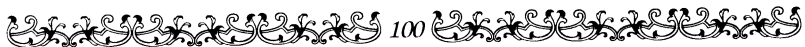
ней (домашнюю лапшу), дюшпере (пельмени) или хое-гушт (блюдо из мяса с яйцами). А если с хозяином войдут в дом гости, все женщины семьи, словно легкие тени, заставят стол дымящимся пловом, кебабами, гоурме (вид жаркого), япраги (голубцами), долмой, ош кидуи (рисовой кашей с тыквой) и многими другими блюдами. И начнут мои предки степенный мужской разговор о прошлом, об отцах-героях, о шахах и везирах, о поборниках добра, справедливых разбойниках, о войнах и сражениях... О чем еще говорить мужчинам за таким столом?

А женщины пойдут укладывать детей в их колыбели и рассказывать им татские, необычайно богатые и мудрые сказания, притчи, легенды, не осознавая, что передают детям самобытнейший фольклор своего народа.

Как и в любую другую национальную культуру, в культуру моих предков вплетались обряды, поверья и обычаи тех народов, с которыми они соседствовали. Ведь даже у славян, исповедующих православие, до сих пор живы языческие обряды: от крещенских гаданий до сжигания чучела соломенной Зимы на Масленицу или поисков цветущего папоротника на Ивана-Купалу.

Духовный мир моих соплеменников был тоже населен множеством духов, видимых и невидимых, карающих или благоволящих человеку.

Нум-Негир, владыка путников и семейной жизни, призывался на свадьбу и на роды, Иле-Нови (Илья-пророк), Ождегое-Мар (домовой), злые духи Сер-Ови (водяной) и Шеаду (нечистый дух, сводящий с ума, сбивающий человека с пути истины) — все участвовали в нелегкой жизни горцев. В честь духов осени и весны Гудур-Бой и Кесен-Бой устраивались особые празднества. Идор — властитель растительного царства, ему посвящен праздник Шев-Идор. Земирей — ниспосылатель дождя. Считалось, что в ночь на седьмой день праздника Кушей (Араво) определяется судьба человека. В лесу и в поле под прикрытием ночного тумана, немного приглушенные им, слышны были голоса девушек, ходивших всю ночь в огромных венках, поющих и танцующих у костров, они радостно встречали весну, ведь юность — это весна жизни, как же не радоваться ее приходу! Тем более что в основном женщинам выпадала нелегкая доля: во-первых, в те давние времена было распространено двое- и троестроение. И хотя каждая жена со своими детьми жила в отдельном доме, работы хватало на всех. Во-вторых, женщины вели замкнутый образ жизни, не показываясь посторонним. Как же не радоваться весеннему празднику!

А за два месяца до свадьбы совершался обряд Рах-Буры (пересечение пути), когда жених отдавал отцу невесты последние выкупные деньги.

Но, конечно же, мои предки, исповедующие иудаизм, самую древнюю религию в мире, соблюдали иудейские религиозные традиции, связанные с жизненным циклом (обрезание, свадьба, похороны), потребление ритуально пригодной пищи (кошер), мацы, отмечались праздники Иом-Киппур (Судный день), Рош-ха-шана (Новый год), Пасха (Нисону), Пурим (Гомуну).

Огромные семьи собирались в каменных домах, во дворе, за длинными столами. Все живущие поколения, составлявшие семью, садились за этот стол. И иногда мне кажется, что и за моим столом, когда я сажусь ужинать, я вижу незримых прадедов и прабабушек, всех своих родственников, умерших или живущих где-то очень далеко. Как бы я хотел собрать их вместе, весь тухум, то есть все семьи, которые произошли от одного далекого предка, и спеть с ними старинную песню, так чтобы рвало душу и радовалось Солнце!

Проблема происхождения и этнической истории татов затруднена из-за отсутствия письменных источников о них, как и бытования у них своих письменных источников. Первое упоминание о татах, известное нам по историческим литературным источникам, относится к середине IX века.

Многими исследователями, занимающимися татской историей, их происхождение связывается с одним из колен Израилевых, поселившихся во времена персидской династии Ахеменидов среди древнекавказских и древнеиранских народов. Они сохраняли свой семитический язык и иудейскую веру вплоть до новоперсидского времени. Около VIII—IX века предки современных, как называют сейчас в научной литературе, кавказских евреев были ассимилированы окончательно ираноязычными племенами, что и определило их нынешнюю языковую принадлежность: арамит с диалектом староперсидского языка.

Возможно также и то, что язык древних татов был тюркским, и лишь впоследствии, после переселения иудаизированных савартов (савиров, хазар) в Персию, был сменен на нынешний татский. Такой вывод связан с тем, что в татском языке есть элементы, чуждые всем другим иранским языкам, но присутствующие в тюркских, в частности в караево-балкарском.

История моего древнего народа, горцев, еще не изучена. Поэтому рано еще моему народу входить в список исчезающих с лица земли народностей. История его продолжается.

Глава 5

О вере и путях спасения Души

*Эз сер сифот хори гештенде те асм
урафденигъо рахе фурмиш месох
Шагая по лику Земли, не забывай дорогу и к Небу*

Вте месяцы, когда я только приехал в Москву и поселился в квартире у горячо любимой мной Марии Ермолаевны, мы часто говорили о вере. Она говорила мне:

— Вот если бы не было советской власти, Гришенька, или если предположить, что я была бы родителями вывезена через Крым в Европу или куда-нибудь, всё равно куда, из большевистской России, я бы, наверное, стала староверкой.

— Почему, — удивлялся я, — почему именно староверкой? Просто православной быть недостаточно? Или католичкой, или исповедовать иудейскую веру? Нужно быть обязательно старой веры?

— Ну, я же говорю о себе. Вот если подумать, кто умнее: старик или неопытный юнец? Ответ уже прозвучал в вопросе. Так вот и вера. Кто более чистую веру исповедовал: наши пращуры или наши деды? Конечно, далекие наши предки.

Библия была нашим постоянным поводом для общения, когда у меня выдавался свободный вечер.

— Всё, что получил пророк Моисей на горе Синай, — с настойчивостью, идущей вразрез с ее мягкой натурой, она начинала свою мысль, которую вынашивала подолгу, пока не дожидалась, наконец, очередного свободного моего вечера, — это ведь Бог не одному Моисею дал. И не одному народу израильскому, который бежал из Египта, из рабства в землю обетованную. Он эти заповеди дал всему человечеству. Так как же возможны разные религии, разные конфессии?

Я и теперь не знаю, как ответить на этот вопрос. И спрашиваю сам себя: зачем нужны разные конфессии, если любая религия, в сущности, называет разными понятиями одни и те же вещи, про-

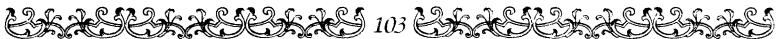
возглашает одни и те же всеобщие человеческие ценности, одинаковой мудростью полнится?

Читая Божественную мудрость, Божественные заповеди, человек воспринимает их как данность, как дарованное свыше наставление, которому нужно следовать безусловно, верить и отдаваться всей душой. Богу нужно верить на Слово.

Если душа человека бунтует, кипит, мечется, задает небесам извечные вопросы русских мальчиков, описанных у Достоевского в романе «Братья Карамазовы», да и в других его гениальных произведениях, то человеку сложнее жить. Но кто сказал, что должно быть легко? И кто сказал, что легко суть хорошо? Жизнь человеческая тогда и полноценна, когда человек проходит все этапы рисового роста и, в конце концов, приносит плоды, способные накормить в метафизическом смысле целое человечество или хотя бы своих близких. Пусть, пусть идет человек дорогами поиска. Пусть он трудами своими открывает для себя Бога. Тогда Божественная мудрость будет для него не легкой добычей, которую он так же легко и предаст, а заработанной наградой, которой он будет дорожить, которой он будет заслуженно обладать. Это мудрость Иова, который сначала мужественно сносил все испытания, ниспосланные Господом, чтобы испытать его веру, а потом стал задавать те самые вопросы: за что Господь, которого Иов так любит и которому он так беззаветно служит, за что Он так мучает его? И вот только тогда вера Иова стала не просто беззаветной, а и осознанной, когда он понял Бога всем своим сердцем.

Но пусть человек знает, что всё, к чему он придет в конце своего пути: все открытия в человеческом мире и мире природы — уже сделал до него Бог. Потому что Бог знает, как и из чего всё создано: он сам был Творцом, автором всего этого мира.

И пусть человек понимает, что Бог не только знает, каков Его мир, но Он еще и даровал эту мудрость человеку. И вся Его мудрость заложена в Святые Писания, в Книги мудрости, которым тысячелетия. По этим книгам жили миллионы праведников, их призвал Господь и даровал им вечную жизнь. Нужно только верить в то, что там, в этих Святых Писаниях, изложены каноны Божественной нравственности, исполняя которые человек только и может оставаться человеком, а также рассчитывать на благословение Господа. Вера создавалась веками и основана — у любого народа, в любой ре-

лигии — на общемировой шкале человеческих ценностей. И это, может быть, главное доказательство Бога: а именно то, что на разных континентах, у людей, говорящих на разных языках, для всех возрастов, полов, рас, — одни и те же понятия о добре и зле! Бог плохому не научит.

Одна из заповедей Ветхого Завета гласит: «Я верю полной верой, что Творец, благословенно имя Его, воздаст добром тем, кто выполняет Его заповеди, и наказывает тех, кто преступает Его заповеди».

Награда праведнику и наказание злодею выплачиваются в Грядущем мире, но и здесь человек, безусловно, видит плоды своих действий.

Талмуд спрашивает: почему же можно встретить страдающего праведника и благоденствующего злодея? Как это соотносится с обещанием награды и наказания?

Дело в том, что ни у кого из нас жизнь не состоит из одних добродетелей или одних грехов — всегда найдется и то и другое. Поэтому те блага, которые получают в этом мире многие недостойные люди, — это награда за некоторое количество добрых дел, совершенных ими в этой или прошлой жизни. Всю свою награду они растрачивают здесь, а в будущем, вечном мире получают сполна по заслугам.

И наоборот, ошибки праведника могут привести его к неудачам, страданиям в земной жизни — а в Грядущем мире его благоденствие ничем не будет омрачено.

В Святых Книгах сказано: «Вот дела, плоды которых человек вкушает в этом мире, но главную награду он получит в мире грядущем: почитание отца и матери, помощь ближнему и ранний приход в Дом Учения утром и вечером, и гостеприимство, и посещение больных и забота о них, и помощь бедным невестам в устройстве свадьбы, и участие в похоронах, и сосредоточенность при молитве, и примирение поссорившихся друзей и супругов. Но изучение Божьего слова равноценно всем этим Заповедям вместе взятым».

Заповеди, данные в Писании, и добрые дела, совершаемые человеком в течение жизни, уже в этом мире связывают нас с Источником жизни, с Вечностью, с Бессмертием. Совершенствуя себя духовно, постигая и исполняя Волю Творца, заключенную в словах Писания, уже в своем земном существовании человек способен ощутить вкус Грядущего мира.

Там же сказано, что человек создан по образу и подобию Бога. Это значит, что человек наделен способностью поступать так же, как поступает Сам Бог. А главное проявление бесконечного Бога в этом мире — Его милосердие, стремление отдавать. И человек, если он хочет действительно оправдать свое существование, проявить этот образ Бога внутри себя, должен в первую очередь научиться отдавать, то есть творить добро. Он должен перейти от безудержного потребления, потребности брать, эксплуатировать к желанию и стремлению давать, созидать, строить окружающий его мир. И тогда Бог станет осязуемым и виден не только в самом этом человеке, но и во всем мире.

Заповедь милосердия, помощи бедным, любви к ближнему — одна из главнейших заповедей, данных Богом всему человечеству.

В Ветхом Завете сказано, что «каждый обязан выделить часть своего имущества и пришельцу, и сироте, и вдове, которые в поселении твоём, и поели бы досыта, — чтобы благословил тебя Господь, Бог твой, во всяком деле рук твоих»... Благословение и успех становятся настоящим надёлом человека лишь тогда, когда он в своей жизни стремится к добру и к милосердию. Иначе Божественного благословения ему не получить.

И далее: «Если же будут <...> нищие <...>, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей перед нищим братом твоим».

— Бог любит бедных? — спросил однажды римлянин рабби Акиву.

— Да, — ответил мудрец.

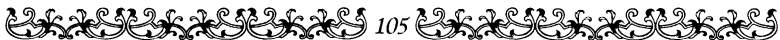
— Если так, то почему же он их не обеспечит?

— Чтобы спасти нас от Гееннома (Геенном — в переводе с арамейского «ад»), от наказания за грехи.

За исполнение заповедей человек пожинает плоды в этом мире, а главная награда ждёт его в мире Грядущем.

И вот они: прием гостей, посещение больных, сосредоточенность в молитве, ранний приход в Дом Учения, воспитание сыновей для изучения Писания и стремление оправдать поступки каждого человека (Вавилонский Талмуд).

Эта заповедь не вызывает бурных дискуссий среди законоучителей и нечасто упоминается в религиозных источниках. Ведь почти каждый человек рад видеть гостей в своем доме и с удовольствием их приглашает и принимает! И, тем не менее, прием гостей считается важнейшей заповедью, а не только приятным обычаем. Любая

хорошо обустроенная община просто не может позволить себе оставить гостя голодным на улице.

Сила этой заповеди поразительна. Племянник праотца Авраама, Лот, не просто жил в наилучшем месте в мире — в Содоме, он сделал там блестящую карьеру. Все же когда он увидел людей, которым негде было переночевать, то воспитание, которое он получил в доме у Авраама, возобладало. Почти против воли и хорошо зная о последствиях, Лот принял гостей наилучшим образом. Он спас себя и дочерей в грядущей катастрофе — ведь город, в котором нет места милосердию, не имеет права существовать.

Не следует думать, однако, что заповедь приема гостей относится лишь к беднякам и бездомным. Человек исполняет эту заповедь, даже принимая у себя лучшего друга.

В конце концов, и Всевышний каждую минуту занят приемом гостей — нас с вами — в своем прекрасном мире!

Вере изменять нельзя. Ломается в тебе что-то, словно ты отрекаешься от собственной матери. Сколько погибло церковнослужителей, простых верующих людей-иудеев за свою веру. Сколько погибло евреев, которые не скрывали свою национальность, которая отчасти, если не в основном, дается по вере иудейской. В 2000 году весь Ватикан встал на колени и молился сорок дней и ночей в сторону Иерусалима в глубоком раскаянии и покаянии за века инквизиции и преследований в народа Израилева. Целый народ нес на себе проклятие за распятие Иисуса Христа, который сам был иудеем и всю жизнь проповедовал Библию.

Наш народ сохранил веру. Каждая иудейская душа связана со Святым Писанием, которое Бог дал нашему народу, через который он послал его всему человечеству.

История возникновения моего народа полна загадок. Основной источник нашего знания — первые книги Библии (Пятикнижие Моисея, Книга Иисуса Навина, Книга судей Израилевых). Нет сомнений, что в этих книгах отражены реальные исторические события. Учёные на этот счёт выдвинули несколько версий. Одну из них я попытался осмыслить...

Задолго до возникновения христианской религии народы, населяющие обширные территории Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, Закавказья и многие другие сопредельные территории, были язычниками — зороастрийцами. Среди народов, населяющих современные территории Афганистана, Ирака, Ирана, Турции и Дагестана, имел место быть и татский. Таты вели оседлый образ жизни,

занимались земледелием и ремесленничеством. Их задачей было снабжение многочисленных пограничных гарнизонов, охранявших рубежи тогдашнего государства сасанидов. А на северных границах, в частности, от кочевых племен прикаспийских степей. Естественно, что и вероисповедание у татов было таким же, как и у всех окружающих их народов дохристианской эпохи, — язычество зороастрийского толка.

С появлением и распространением христианства народы, населяющие территории Ближнего Востока, Кавказа и Закавказья, тоже стали принимать христианскую веру. Первые, кто в этом регионе «изменил» вере своих предков — зороастризму, были армяне, принявшие христианство в самом начале IV века. Почти сразу за Арменией раннее христианство проникло и на территорию Дагестана. Доказательством тому служит христианский храм, расположенный в самой цитадели Дербентской крепости. Храм этот погребен под землей и выходит на поверхность самой верхней частью купольного свода небольшим отверстием в земле. Все местные жители считали его огромным резервуаром для хранения воды (или гигантским колодезем). Так говорили и экскурсоводы. Многие поколения дербентских мальчишек приходили и бросали туда камни, и слушали, долго ли падает камень и когда раздастся всплеск воды. Только в 70-х — 80-х годах XX века было установлено, что это не хранилище для воды, а засыпанный землей и забытый в веках раннехристианский храм. Полагаю естественным тот факт, что во времена строительства и функционирования этого храма большая часть местного населения, включая некоторую часть татского народа, приняла христианство. Таким образом, древний зороастризм и раннее христианство сосуществовали здесь (до распространения мусульманства), по меньшей мере, 300—400 лет.

А в VII веке зародилась и стала стремительно распространяться новая мировая религия — ислам. Очень скоро эта религия заняла главенствующее положение на рассматриваемых нами территориях и за их пределами, включая Индию, Африку, Испанию. Итак, доминирующей религией на территории Дагестана стал ислам, прочно сохраняющий свои позиции и в наши дни. Таков исторический процесс, и здесь ничего нового не скажешь. Можно сделать только одно замечание, что некоторые местные народы принимали новую религию добровольно, а некоторые — насильственно. Вообще, территория Дагестана постоянно переходила из рук в руки, терзаемая нескончаемыми набегами и войнами между Византией, Персией и

Хазарией. Вот они-то, хазары, и сделали иудаизм своей главной государственной религией.

Могущество Хазарского каганата было подорвано в X веке. В Дагестане территории и народы постоянно оказывались поработенными то персами, то хазарами, то тюрками, и поработители заставляли народы Дагестана (включая татский народ) добровольно либо под страхом смерти принимать религию завоевателей. Поэтому Дагестан стал многонациональным и многоконфессиональным. Этнически единый народ таты, расселённый на обширных территориях Персии, Азербайджана и Дагестана, оказался народом, исповедующим христианство, зороастризм (сегодня уже почти нигде не встречающийся, разве что в юго-восточном Иране), иудаизм и ислам. Эти многонациональные и многоконфессиональные народы, живя бок о бок, вынуждены были очень тесно общаться и, в силу этого, жили дружно и терпимо относились друг к другу, уважая верования своих соседей. Люди относились друг к другу с пониманием и уважением, они очень серьезно чтити понятия человеческого Достоинства и Чести. А понимание и уважение Достоинства и Чести человека подразумевают и уважение его конфессиональной принадлежности. Простые люди на Кавказе жили по правилам добрососедства, очень тесно общаясь, встречаясь на базаре, в чайхане, просто на улице, обмениваясь новостями или просто житейскими разговорами. Покупали в лавке у азербайджанца или у еврея все жители, независимо от их вероисповедания.

Маараль из Праги, один из величайших религиозных авторитетов, писал, что для того, чтобы удостоиться доли в будущем мире, достаточно исполнить хотя бы одну лишь заповедь во всей ее полноте, т.е. без всяких задних мыслей и корыстной заинтересованности. Поэтому тот, кто бескорыстно помогает нуждающимся, прокладывает себе прямой путь к Вечной жизни.

Творец — начало всего сущего, Он существует и управляет Вселенной. И главное: необходимо стремиться каждым своим поступком заслужить Его милость, стремиться любить Его всем сердцем, почитать своих родителей, любить жену свою и детей.

Бог управляет миром с помощью трех энергий. И одна из трех энергий внешняя, а внутренняя энергия не имеет ни начала, ни конца. Девяносто девять процентов этой энергии за пределами нашего познания, — она управляет всем мирозданием. Один процент составляет энергия материального мира, имеющего начало и конец.

Так вот, внутри этого маленького сегмента материальной энергии есть еще небольшая часть, так называемая иллюзорная энергия. Она нас все время провоцирует, ею пользуется Сатана, он питается этой энергией. Выиграла ли гордыня в ком-то, пустил ли кто-то сплетни, допустил ли черные мысли о близком или соседе, Сатана увеличивает свою силу, греясь на этом холодном огне человеческого тщеславия и самовлюбленности.

Истину знает только Господь Бог.

В сравнении с моим отцом и дедом я прожил чуть больше. И этот путь не измеряется только годами. Он измеряется еще и делами, достижениями, просчетами, поворотными событиями. А еще я много прожил в вере, долгие раздумья над Божественной мудростью привели меня к тому, что и мне есть что сказать на эту тему. Мне кажется, что я уловил суть, понял некоторые важные моменты, которые составляют опыт человеческой жизни.

Почему бы мне не поделиться этими выводами и советами со своими детьми?

Я бы составил из этого «Принципы для моих детей и внуков», соблюдение которых поможет им постичь Истину и обрести совершенное знание, конечно, если захотят такого уровня самосовершенствования своей души. Главное, что я вынес из Святых книг, это то, что для приближения к Истине есть только один путь: каждым поступком и даже мыслями стремиться заслужить МИЛОСТЬ Всевышнего!!!

Пытаться постичь Истину собственными усилиями — бессмысленная трата времени. Только соблюдая нижеперечисленные заповеди, можно выйти из бесконечной череды рождения, старости, смертей и вернуть свою Бессмертную Душу в Духовное тело, соединившись с Господом Богом — Властителем всех душ, Верховным Владыкой всего сущего и Творцом Вселенной.

Вот эти принципы:

- ♦ Творец, благословенно имя Его, существует и управляет Вселенной.
- ♦ Творец един.
- ♦ Творец бестелесен, и Ему нет никакого подобия.
- ♦ Творец — начало всего.
- ♦ Не следует молиться никому, кроме Творца.
- ♦ Творцу известны все мысли людей.
- ♦ Пророчество Моисея, благословенно имя его, — истинно.

- ♦ Моисей — величайший из всех пророков.
- ♦ Писание ниспослано к нам с небес.
- ♦ Священное Писание не может быть заменено ни на какую другую книгу.
- ♦ Творец наказывает тех, кто нарушает Его заповеди, и воздаст должное праведникам.
- ♦ Обязательно состоится приход Миссии — Спасителя Мира.
- ♦ Творец возвратит души умершим...

Соблюдение Десяти заповедей является мерилем нравственности и фундаментом для спасения любой, даже самой заблудшей души.

Не убивай.

Не воруй.

Не обманывай.

Не завидуй.

Не прелюбодействуй.

Почитай родителей.

Один день в неделю отдыхай.

Бог един, и нет других Богов.

Не делай себе кумира.

Не произноси имени Бога напрасно.

Пять следующих условий — сдерживателей эмоций (сдерживающих факторов) к нам пришли от тибетских мудрецов и йогов, служителей Бога:

♦ Приучить себя не практиковать применения насилия не только в Действиях, но даже в словах и мыслях.

♦ Быть всегда правдивым. Твердо верить в Истину, всегда не только говорить Правду, но и жить по правде. Мысли, Слова и Дела не должны противоречить друг другу. Наличие такого противоречия свидетельствует об отсутствии Истины.

♦ Не зариться на чужое. Никогда не пытаться украсть что-либо, в поступках, словах или даже мыслях. Всегда быть благодарным Богу и быть довольным тем, что тебе принадлежит и является твоим собственным.

♦ Самый, наверное, трудный принцип: контролировать не только свое поведение с родителями или со старшими, но и контролировать побуждения своего ума. Всегда воздерживаться на словах, в поступках и в мыслях от эмоционального и соблазняющего поведе-

ния. Обращаться с чужими детьми и молодежью, как со своими детьми, с людьми Вашего возраста, как со своими братьями и сестрами, а со старшими, как со своими родителями: уважительно и бережно.

♦ Не интересуйтесь тем, что имеют другие. Всё материальное преходяще и имеет конец. Будьте довольны всем тем, что Ваше собственное.

Следующие пять правил больше носят нравственный (духовный) характер:

♦ Крепко верить в Бога и не доверять никому «копаться» в Вашей Душе — верить Богу и доверять только Ему — без каких-либо посредников — стараться концентрироваться на своей Душе — основе жизненной энергии. Этому помогают изучение Библии, Каббалы, Корана, Шримад Бхагаватам, других священных текстов. Понимать и осознать, что Бог один, един и в то же время бестелесен, Вездесущ, Бесконечен. Он — начало всего живого, поэтому воплощения экспансии живого Бога неоднократно появляются на Земле в разные эпохи. Это не только Иисус, Кришна или Будда, но думаю, что и Де Нострадам (Нострадамус), сын и внук крещеного иудея.

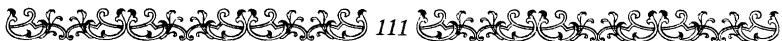
♦ Постоянно следует контролировать свои чувства и эмоции. Переносить трудности, голод, жажду и свое окружение. Изучать и постоянно интересоваться своей родословной, знать и постигать опыт своих бабушек и дедушек, родителей и всех предков, особенно тех из них, кто оставил о себе добрую память и слыл духовным Человеком, как мой дедушка по отцовской линии Натан Евдаевич, уважать и ценить своих истинных друзей и единомышленников.

♦ Бережно относиться к природе и животным. Быть с ними добрыми.

♦ Быть удовлетворенным, довольным тем, что имеете. Контролировать свой ум: не давать неисполнимых обещаний на словах, в действиях и мыслях и, соответственно, исполнять обещания, которые даны.

♦ Не забывать: за совершенные грехи расплата не минует в этой или в следующей жизни. Она настигает нас или, упаси Боже, наших детей.

Следует помнить, что, Будда, Кришна и Далай-лама были йогами. Йог — это преданный Богу. Надо помнить, что польза йоги непревзойденна для здоровья. Еда должна быть питательной. Пищу надо употреблять всегда в умеренных количествах и только тогда,

когда возникает подлинное чувство голода. Стараться есть в основном растительную и молочную пищу, избегать жирных и особенно некошерных продуктов. Один раз в неделю отдыхать. Всегда помнить, что пост, молитва, гостеприимство, добрые дела и поступки — вот наш щит от дьявольских нападений. Необходимо заботиться о больных и посещать на кладбище могилы близких, помогать бедным и страждущим. Помнить, что все мы были малыми детьми и нас кормили, одевали, воспитывали родители. Через отношение к родителям трансформируется отношение к Богу. Родители материального тела без участия небесных сил не могут родить детей с живой душой.

Мелкая авария, легкая болезнь — это предупреждение о нашем поведении, ранняя смерть или онкологическое заболевание — наказание за грехи в этой жизни.

Глава 6

Ребенок чист

*Эз лэй аиль зендэ оморэ гоф Худоини
Из уст ребѣнка рождено слово — Слово Божье*

Во многих религиях дети — это чистота. Не запятнанные никакими грехами, они живые ангелы во плоти. Какие же могут быть к ним претензии у Бога? За что Бог позволяет Беслан, Дубровку? Гибель тысяч детей по всему миру ежедневно? За что Бог забирает к себе их души, посылая на наши берега цунами и землетрясения?

Дети — это дар Божий. Всё сущее — это дар Божий. Меня Бог не обделил своими дарами. Четверо детей — это благословение Божье. Как же уберечь их от наносного? Как предотвратить их от грехопадения в его сугубо житейском, человеческом понимании?

Я не агитировал своих детей следовать за мной по пути веры. Мать старших детей — христианка. Но для ребенка опасно, если он не идет путями своих отцов. У нашего народа это так. От смешанного брака рождается непослушный сын и непутевая дочь. Я смог переломить эту ситуацию. Хотя трудности были. И связаны они были именно с «неравным», с точки зрения веры и национальности, браком. Я всегда хотел радоваться тому, что мои дети помнят своих дедов и прадедов. И я могу гордиться своими детьми: Борисом, Гулей, Полиной и даже Маргаритой, которая выросла без меня, но я сумел заслужить ее любовь и уважение.

Но разве действительно важно, какой веры человек, если Бог всё равно един? Если рассматривать веру как соблюдение определенных религиозных обрядов, это наверное, важно. Потому что абсолютно точно знаю, что жизнь твоя зависит от того, что ты ощущаешь силу и поддержку всего своего рода, всех поколений, живших до тебя и делавших то же, что и ты. Ну, а по большому счету — главное, чтобы ты не предавал того, что однажды выбрал для себя. Если человек соблюдает свою веру, Бог ему воздает. И наоборот: если человек изменяет естеству своему — Бог его наказывает.

Если отец при жизни не удостоился счастья видеть, что его дети идут его дорогой, ему на том свете будет плохо. Есть такая легенда. Одна женщина пришла к мудрецу и рассказала, что ей всё время снится отец, умерший недавно. Был он в отрепьях, грязный и неуженный. Мудрец спросил:

— А соблюдаешь ли ты обряд, блюдешь ли чистоту семейной жизни?

— Нет, — ответила женщина.

— Вот потому твоему отцу так плохо на том свете, не хочет его обласкать Господь.

Пошла женщина и всё исправила. И тогда пришел к ней во сне улыбающийся отец и благословил ее.

Я помню себя с трех лет. Помню, как мы шли с сестрой Фридой по осенней дорожке грозненского детского сада, в саду росли яблони, яркий солнечный свет лился сквозь их кроны на траву. Мы несли воспитателям гладиолусы, впереди уже шумели нарядные ребята-тишки, рассортированные на две разновозрастные группы.

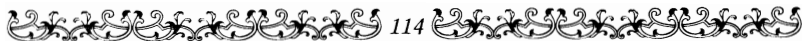
Город моего детства стерли с лица земли военные снаряды девяностых годов.

В первый класс я пошел в Георгиевскую железнодорожную школу № 18 в 1954 году. Первой моей учительницей с первого по четвёртый класс была Нина Фёдоровна — высокая, статная двадцатидвухлетняя девушка с густыми бровями и родинкой на правой щеке. Она научила меня читать и писать. Первые свои стихи я посвятил ей. Почти все наши мальчишки были влюблены в неё. В шестом классе в этой же школе она продолжала вести русский язык и литературу.

И после получения отцом назначения в Баку мне не хотелось уезжать от любимой первой учительницы. Последние годы я всё пытался найти её в родном Георгиевске. Но каждый приезд все говорили, что она уехала куда-то в Новосибирск. Однако в 2006 году, помогая моему однокашнику Виктору Ивановичу Губанову в выборах на пост Главы моего родного Георгиевска, нам удалось найти Нину Фёдоровну, которая до этого, на 84-м году жизни, как нам сказали, решила вернуться в родные края. Встреча с ней была незабываема.

В 1961 году я учился в шестом классе. Однажды я вернулся домой с очередного пионерского собрания и, разуваясь в коридоре, услышал разговор родителей.

— Дорочка, мне нужно тебе кое-что сказать, садись.

Звякнули кастрюли в мойке, мама охнула.

— Что случилось?

— Да не пугайся. Просто меня переводят. Обратнo в Баку надо переезжать.

Я вошел на кухню, но отец, увидев меня, замолчал. Прежде чем меня попросили подождать в своей комнате, я успел заметить радость на лице матери.

— Слава Богу, — услышал я, уходя, мамин вздох облегчения, — к морю, к фруктам, к твоей родне...

— А я не рад, — ответил отец.

Отец был угрюмым, да и я сел в комнате за письменный стол, обхватил голову руками и чуть не заплакал с горя.

В Георгиевке прошли мои первые школьные годы, первые походы по горам Машук и Бештау, детские игры в лесу, где мы, 6—7-летние дети, постоянно находили пули, немецкие и советские каски, а однажды я даже нашел настоящий немецкий автомат и много дней прятал его в сарае, пока меня не застал врасплох мой отец и мой тезка дядя Гриша.

Они издалека увидели, как я свернул во двор и исчез в хозяйском сарайчике, заинтересовались. Как раз в тот момент, когда я осматривал железное оружие, они и появились в дверях.

— Что это у тебя, сынок? — несколько напряженно спросил отец. — Григорий, глянь, что это?

— Автомат! — выпалил я с гордостью. — Я его в лесу...

Отец перебил меня, он, конечно, и так понимал, что я держу в руках. Он осторожно взял автомат из моих рук и озабоченно сказал:

— Да это же настоящий, немецкий, — он посмотрел на меня, видимо, так и не решив, ругать меня или хвалить. — Гляди-ка, как ты его вычистил... Только ты такие находки в следующий раз лучше не скрывай, ну, чего ж ты его спрятал?

Отец вдруг сам превратился в мальчишку, глаза его загорелись, он со всех сторон разглядывал тяжелое немецкое орудие смерти. На следующий день мы торжественно отнесли и сдали автомат в милицию.

Мне тоже не хотелось переезжать в неизвестное. Из Баку мои родители увезли меня полугодовалым младенцем.

Всё рухнуло для меня в одночасье, всё, что мне было дорого, всё, что было связано с детством, с друзьями, с родиной. Говорят, не та мать, которая родила, а та, которая вырастила и воспитала. Так вот, перефразирую эти слова: не та родина, где ты родился, а та — кото-

рая отдала тебе свои соки, свою природу, свою культуру. А когда, как не в школьные годы, мы с особой жадностью впитываем в себя эти соки, эти пейзажи, эти характеры окружающих нас людей? Так что во многом я больше русский, чем мои русские по национальности друзья, которые родились и выросли в Баку. Это правда.

Ребенка бесполезно поучать, посадив перед собой и читая нотации. Мозг и психика оттолкнут ваши добрые намерения сделать его счастливым путем настоятельных требований и долгих внушений. Сколько вы ни будете биться над моральным обликом чада, водить его по кружкам и читать ему умные и добрые книжки — ум из одной головы в другую так просто не переложить, опыт нельзя завещать, да и свое доброе сердце сыну или дочери не пересадишь. Сколько ни тащи росток риса вверх, рост его не подгонишь, не ускоришь, можно только вырвать с корнем. Эта древнекитайская притча как раз учит нас тому, что человек в своем развитии не может обойти тех этапов, которые всем нам предначертаны Богом.

Можно учить ребенка на собственном примере, скажете вы мне. Но примером может являться только вся жизнь, весь твой родительский облик, характер, поступки, а это долго. Как же передать мудрость, которая накоплена старшим поколением, младшему — да так, чтобы она сразу и навсегда вошла в наших детей и заработала на их благо в их душах? Какое слово подобрать, чтобы сыновья и дочери, внуки открыли его для себя сразу и поверили ему: вот как надо жить? Еще пять лет назад я, осознавая это, писал во вступительном слове к своей книге «Презумпция справедливости»: «Ведь новому поколению не интересны стариковские брюзжания, им нужна тональность происходящего, нужна точка отсчета — презумпция добра, презумпция справедливости».

И теперь я знаю, как сказать своим детям такое Слово, которое войдет в их кровь и плоть без постановки дополнительных условий.

Это — Слово Бога.

Если человек родился иудеем, ему незачем становиться христианином, так как по сути это одно и то же. Я думаю так. Каждому дается выбор, но каждый человек рождается в своем социуме, в котором верят в своих богов, а то, может быть, и в то, что Бога нет. Но если говорить о вере моих предков, я обрел ее не сразу. Я как бы впитал веру на подсознательном уровне в детстве, меня водили в синагогу в Баку мои родственники. Но проявляться всё это стало только спустя полвека. Проявляться с такой силой, что даже трудно молчать об этом.

Сын не должен относиться к отцу только как к тому, кто удовлетворяет все его потребности. Возмужав, сын обязан служить своему отцу. Этот закон действует в творении со времен незапамятных. Долг отца — воспитывать сына, пока он не вырастет. А обязанность взрослого сына — служить своему отцу. Взаимоотношения отца и сына всегда возвышенны. Отец неизменно желает сыну добра и всегда готов помочь ему на жизненном пути. Однако, несмотря на благие намерения отца, сын иногда сбивается с верного пути, злоупотребляя своей независимостью. Каждое живое существо, большое или маленькое, наделено независимостью и правом выбора, имея реальную свободу выбора в зависимости от веления Души и ее опыта в прежних воплощениях. Человек сам выбирает свою судьбу. Поэтому, если сын искренне хочет следовать наставлениям отца, отец во сто крат сильнее желает давать ему наставления и руководить им в жизни. Дочь должна слушать и почитать отца, но служить мужу.

На пути к духовному очищению, совершенству и освобождению от материальных пут надо стремиться к реализации как минимум трех целей:

- совершенствовать свои духовные достижения (через избранную религию — на пути к Богу);
- стремиться к созданию экономического благополучия, то есть развивать личные способности и профессионализм в избранной профессии для обеспечения нормального человеческого существования;
- уметь сдерживать себя в чувственной сфере — сфере удовлетворения чувств. Во всех священных писаниях считается, что жена должна служить мужу, тем самым помогая ему достичь духовного освобождения по пути возвращения Домой, к Небесному Отцу.

Современная окружающая нас действительность основана на стремлении удовлетворить чувства и желания в первую очередь своих близких людей, и если человеку посчастливится встретить хорошую жену, — она, безусловно, может стать для него верным и надежным помощником. Верная жена помогает мужу в реализации его планов по созданию достатка и семейного благополучия, для того чтобы он смог в семье спокойно сосредоточиться на духовной практике и стремиться достичь на этом пути максимального совершенства. Но если муж уже посвятил себя духовной деятельности, то жена должна помогать ему в этом. И таким образом небесные силы помогут им обоим, и мужу, и жене, достигнуть желаемого духовного

совершенства: в образе жизни, в воспитании детей, мышлении, питании и т.д.

Вот почему так важно своих детей и внуков с малолетства обучать правилам, вытекающим из основополагающих библейских принципов и заповедей. Тогда им будет легче вступать в брак и, когда наступит эта пора, они смогут так сотрудничать в семейной жизни, чтобы принести друг другу Духовное Благо. Поэтому испокон веков на Востоке, да и на Руси еще до большевистского переворота, мальчиков воспитывали в духе самоотверженных рыцарей, будущих воинов и отцов многодетного семейства, а девочек в целомудрии и уважении к мужу и его родителям. Уверен, что верная, добродетельная, трудолюбивая жена и прошедший духовную подготовку и воспитание на тех же библейских принципах муж — прекрасный союз для совместного достижения целей в конкретной человеческой жизни.

Еще в Древней Индии, согласно Ведам, считалось, что жена — лучшая половина «тела» мужчины, поскольку на нее возлагалось исполнение половины обязанностей своего мужа. Чтобы избавиться от неизбежных греховных последствий своей деятельности, семейный человек должен совершать добрые (милосердные) поступки, на древнееврейском — «мишвы», то есть поститься, употреблять только пищу, разрешенную в Священном Писании, и т.д. Когда муж смотрит на жену как на источник чувственных удовольствий или наслаждений, он опускается до животного уровня и забывает о своих духовных обязанностях. Более того, у многих таких людей главным критерием в оценке ее качеств является красота, и как только эта «красота» перестает доставлять ему наслаждение — следует разрыв или развод. Когда же муж и жена сотрудничают друг с другом, стремясь к духовному совершенству, они не обращают внимания на внешность друг друга и их отношения не зависят от любви и красоты.

В заключение мне хотелось бы пожелать, чтобы каждый прожил не менее 120 лет и 237 дней, как японец Сиготиё Идзуми, который всю жизнь ел много рыбы, других море-продуктов, был веселым, жизнерадостным человеком, часто шутил, со всеми был всегда разумын и учив.

Своим потомкам он, разъясняя секрет своего долгожительства, завещал учить его жизненный опыт, а именно:

- не расстраиваться по пустякам;
- кушать не досыта (чтобы желудок был заполнен на 7/8);
- пить умеренно и не спеша;

- утром, при пробуждении, прежде чем встать, сделать несколько глубоких вдохов;
- в любом деле составить себе план действий и строго его придерживаться;
- ежедневно выходить на пешую прогулку;
- всегда прислушиваться к голосу природы и не противоречить ей, стараться со всеми быть приветливым и никого не оставлять без внимания;
- забыть о своих годах;
- знать и помнить, что здоровье от Бога.

Глава 7

О жизни и смерти

*Рузе дорени — шеве хире
День отдаёт, а ночь приобретает*

Обыкновенная смерть входит в нашу жизнь плавно, по-простому, на бытовом уровне. У каждого по-разному. Сначала о ней мягко извещают нас родители. Например, уходит кто-то из рода, мама говорит: он на небе. Это облегчает тяжесть слова «смерть», думает она. Мама вообще не способна себе представить, как известие о чьей-то смерти может пройти где-то рядом с ее нежным, бесконечно любимым, беспомощным и бессмертным младенцем. Потом она начинает удивляться тому, как легко ребенок воспринимает вереницу сказочных смертей и литературных несчастий: от пожирания волком семерых козлят до пушкинских героев «Руслана и Людмилы», таинственных бесов, утопленников, потом читаешь у Толстого о смерти Андрея Болконского или Анны Карениной. И вот, всё чаще сталкиваясь с реальной, но еще непривычной и ужасающей смертью, которая уносит знакомых нам людей, однажды мы задумываемся: зачем мы живем и что с нами будет через несколько десятков лет, точнее, что от нас останется на Земле?

Но, пока человек молод и полон сил, никогда он не задумается о том, что смерть коснется и его. Я помню свои ощущения: какие там мысли о бренности земного существования человека, о вечном, когда только-только отзвенел последний звонок, выбрана профессия, столько силы и напора в груди, что способен открыть любые двери! И характер неунывающий, бескомпромиссный, стремящийся к высшей справедливости! Но разве мысли о служении людям — это не есть, в конечном счете, мысли о вечном?

И, наконец, проходят годы, ты многих проводил, многое испытал в жизни. И теперь ты думаешь не о том, как она быстротечна, эта человеческая жизнь, и как отвратительно лицо смерти, а о том, как ты прожил солидную часть жизни, что в твоём багаже, какую

пользу ты принес людям, что положил на алтарь человечества. И если твоя вера сильна в тебе, ты почувствуешь, в полную ли силу ты служил Всевышнему. Смерть не страшна. Но всегда непредсказуемо близка. Потому что нет сроков, которые бы показали нам справедливыми для прихода смерти. Если ты прожил шесть десятков лет, видел свою страну в разных исторических ликах, видел свой народ в радости и горе, в определенный момент тебе захочется подвести промежуточный итог. Пусть он называется промежуточным, чтобы не пугать никого, чтобы не ставить преждевременную точку.

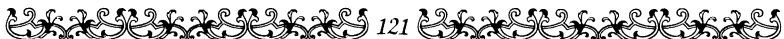
Библия учит нас, что жизнь человека в нашем, материальном мире не является конечной целью Творения. Это очень важно знать, и этот постулат помогает найти истинную дорогу в мире, чтобы тебе открылась дверь в Грядущий мир. В «поучениях отцов» сказано: «Этот мир похож на прихожую перед входом в мир Грядущий. надо подготовиться в прихожей, чтобы войти во дворец».

Это изречение выражает одну из основ библейского мировоззрения — веру в вечность, бессмертие души. Попросту говоря, если человек будет соблюдать заповеди, жить по нравственным законам внутри себя, относиться к людям с добром, — умирать ему будет легко. Зачем это нужно?

Когда человек умирает легко, скажет богослов, это значит Господь прибирает его в рай, отпуская ему малозначительные мелкие грехи, без которых немислима жизнь человеческая. Господь как бы награждает человека легкой смертью, когда человек не испытывает физических, а главное, душевных, нравственных страданий: даром или не даром он растратил эту свою жизнь, что он оставил людям? От праведника остается людям добро, от грешника — зло. Всё очень просто.

Но я не богослов и скажу так: главное даже не легкая смерть, а высокая жизнь, жизнь—служение, жизнь—подвиг. Вот тогда и не придет к тебе на смертном одре черная горечь от расставания с этим миром, который у тебя отбирают на долгое время. Человек, сделавший много хорошего в своей жизни, ни в чем не сможет себя упрекнуть. Его душа, отлетающая в мир иной, не сможет упрекнуть его в том, что он попусту растратил земные дни.

Согласно Библии, человек сочетает в себе два, казалось бы, противоречивых начала. Одной, плотской, частью своей природы, определяемой как «прах земной», он, несомненно, принадлежит к миру материи, субстанции конечной, преходящей и меняющейся. С другой стороны, человек создан по образу и подобию Всевышнего, т.е. Божественная душа делает его подобным Творцу.

Древние библейские тексты утверждали, что душа Человека живого хранится в его сердце, но душа каждого человека является также и частицей души самого Творца Мироздания.

Всевышний устроил это, чтобы у каждого была возможность индивидуального выбора между Вечным Абсолютным Добром, которое Творец стремится дать своим созданиям, и преходящими ценностями мира конечного. Человек должен, прислушиваясь к собственной Божественной душе, прийти путем сознательного выбора к вечным, духовным ценностям. Выбор этот возможен только в этом, материальном мире, но лишь в мире Грядущем человек в полной мере ощутит результаты своих деяний и устремлений в этой жизни.

Вот почему я затронул в своей книге такую, на первый взгляд, мрачную тему.

Да, я подвожу предварительный итог. И это необходимый мне в настоящее время шаг, чтобы я уже сейчас осознал для себя — как я прожил эту земную жизнь, не нужно ли что-то сделать еще, чтобы не обливаться слезами сожаления в самом конце.

Это — остановка в пути.

Мой завет или духовное завещание:
Всё лучшее — детям.

*Э хостениё дюль гуль вереморэ
В любящем сердце цветы растут*

Есть у моего соплеменника, поэта Амала Даниловича Кукулиева, замечательная сказка. Поскольку сказки и созданы, чтобы их передавать из уст в уста, я расскажу вам ее, дети мои, вкратце. Называется эта сказка «Старик и Азраил».

Жил в одном городе старик сапожник. Всю жизнь он усердно трудился. Случалось, что какой-нибудь бедняк был не в состоянии заплатить сапожнику за работу, и тот говорил: «Ничего, носи себе на радость!» И люди говорили доброму сапожнику: «Да прожить тебе сто двадцать лет!»

Может быть, поэтому сапожник и на самом деле дожил до глубокой старости. А может быть, так ему было на роду написано. К тому времени было у него сорок внуков и сорок внучек. Были у него и правнуки, и правнучки, а сколько их было всего — старик даже и не знал, знал только, что очень много. Все внуки старика выросли хорошими людьми.

...Однажды ночью к старику зашёл Азраил и предупредил его, что через два дня и две ночи он придёт забрать его душу.

«От меня уже землей пахнет, — с грустью подумал старик. — Пойду, проведу внуков и правнуков, а там уж можно со спокойной душой уйти на тот свет».

Отправился он к одному из своих внуков. Тот отложил работу, стал угощать старика. Потом старик стал играть с праправнуками, рассказывать им сказки, да и забыл, что к нему придёт Азраил забрать его душу. «Счастье молодых, — говорит рассказчик, — отрада для старых!» А вечером внук не отпустил деда, когда старик стал собираться уходить.

Что оставалось делать старику? Если младшие почитают старших — старшие должны принимать их уважение, ведь младшие у старших учатся. И остался дед у внука ночевать. Лёг он на мягкую постель, укрылся тёплым одеялом, да только сон к нему не идёт, лежит старик и думает о том, что скоро Азраил придёт, а он не успеет проведать всех своих родных. Долго тянулась эта ночь для старика. Но вот, наконец, настало утро. Дед попрощался с внуком и ушёл.

В этот день он отправился к сыну. Обрадовался сын, провел отца в дом, усадил с почетом. Жена сына быстро подала угощение. Посидели отец с сыном, пообедали, выпили вина, поговорили. Потом старик стал играть с внуками и правнуками, рассказывать им сказки, да и забыл, что скоро к нему придёт Азраил. Ведь счастье молодых — это радость для старых. Вечером сын постелил отцу постель, дал тёплое одеяло и говорит:

— Дай Бог тебе здоровья. Ложись, отдыхай!

— Нет, — отвечает отец. — Я должен идти...

— Уйдёшь — ногой не ступлю к тебе на порог! Разве мой дом — не твой?

Что оставалось делать старику? Если младшие почитают старших — старшие должны принимать их уважение. И остался столетний отец ночевать у сына. Лёг старик на мягкую постель, укрылся тёплым одеялом, да только уснуть не может: лежит, ждёт, когда же Азраил придёт.

«Эх, не успел я обойти всех своих родных», — думает дед.

Наступила полночь, а Азраил всё не идёт, время тянется, а Азраил не идёт.

Утром пошёл он ко второму внуку. И этот внук на радостях не отпустил старика на ночь глядя. Что оставалось делать старику? Если младшие почитают старших — старшие должны принимать их уважение. И остался дед ночевать у внука. Лег он на мягкую постель, укрылся тёплым одеялом, да только уснуть никак не может.

Всё ему кажется, что вот-вот должен прийти за ним Азраил. Услышит старик какой-нибудь шорох и думает: «Пришёл!» Лежит он выпрямившись, чтобы достойно умереть, глаза не закрывает, а сам всё думает: «Эх, жаль, не успел я обойти всех своих внуков и правнуков, посмотреть, как они живут!»

А Азраил, оказывается, уже приходил к старику домой. Пришёл, посмотрел на постель, где старик всегда спал, а его там нет. Пошарил он в комнате, а старика нет. «Ну ладно, — думает Азраил, — завтра ночью приду, никуда он от меня не денется». На другую ночь Азраил опять пришёл, посмотрел на постель, а старика снова нет. Пошарил в комнате — нигде нет. Узнал Азраил, что старик ушёл в гости к внуку, и решил пойти за ним туда.

А тем временем и рассвело. Старик встал, оделся. «Слава Богу, — думает, — Азраил завтра придёт, а я пока пойду проведу ещё одного внука».

Пришёл дед к ещё одному внуку, а у того в доме веселье: день рождения сына.

Увидел внук деда, обрадовался:

— Очень хорошо, что ты пришёл! Я как раз хотел за тобой идти.

Внук провёл деда в дом, усадил на почётное место и кричит:

— Играйте, музыканты! За здоровье нашего деда играйте!

Музыканты играют, гости танцуют, едят, пьют. Не выдержал столетний дед, вышел на середину комнаты и пошёл плясать! Все ему хлопают, а он ещё быстрее пляшет и даже на носках ходит.

Видит Азраил, что у столетнего деда так просто не возьмёшь душу, да и сам стал хлопать. Хлопает и приговаривает:

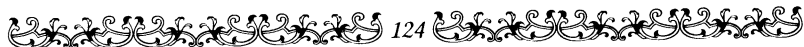
*Пляши, пляши, пляши, старик,
Никуда от меня ты не уйдёшь,
Если и сегодня забуду твою душу,
То завтра её возьму.*

Наплясался дед, устал, сел за стол, ест, пьёт, поёт песни. Азраил всё это видит и говорит себе: «Завтра приду и возьму его душу. Теперь-то я знаю, где он бывает».

И Азраил ушёл к другим людям забирать их души.

А столетний дед попировал как следует и лег спать. Утром проснулся, вспомнил, что за ним должен Азраил прийти, и заспешил к другим своим внукам.

Так он стал ходить то к одному внуку, то к другому, и везде ему были рады. Радовался и дед, да и забыл совсем о том, что должен умереть. Говорят, что он и сейчас жив и ходит уже в гости к прапра-

правнукам, и все они ему рады. А Азраил и по сей день никак не может забрать у него душу, потому что в душе у того старика живёт радость: он для себя спит, а для других сны видит.

А с радостью Азраил бороться не может. Недаром в народе говорят: «Да увидеть вам радость своих детей!»

Пожелаем же и мы друг другу увидеть радость своих детей и жить так же долго, как трудолюбивый сапожник, секрет долгой жизни которого заключался в том, что он всю свою жизнь, каждое утро, просыпаясь, начинал словами утренней молитвы, которой я хочу закончить своё письмо к детям, или Духовное завешание:

«Благодарю Тебя, Царь живой и вечносущий, за то, что по милости своей ты возвратил мне душу мою. Велика верность твоя».

Встав с постели, надо сразу омыть руки и произнести:

«Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, освятивший нас своими Заповедями и давший нам Повеление об омовении рук».

«Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, Который мудро создал человека, сотворив его тело с необходимыми отверстиями и внутренними полостями. Явно и ведомо тебе, что если откроется одна из полостей или закроется одно из отверстий, то человек и часа не сможет существовать и стоять перед Тобой. Благословен Ты, Господь, исцеляющий всё живое, дела которого чудесны...»

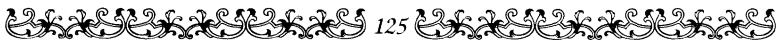
И далее:

«Бог мой! Душа, которую Ты даровал мне, чиста. Ты сотворил её, Ты сформировал её, Ты вдохнул её в меня и Ты сохраняешь её во мне и Ты в будущем заберёшь её у меня, а затем вернёшь её мне в мире Грядущем. Всё время пока душа в теле моём, благодарю я Тебя, Господь Бог мой и Бог отцов моих, Владыка всех творений, Властелин всех душ. Благословен Ты, Господь, возвращающий души в тела умерших».

Не установлено нормы для края поля, для приношения первых плодов нового урожая, для прихода в храм, для помощи ближнему и для изучения Слова Твоего».

Вот дела, плоды которых человек вкушает в этом мире, но главную награду он получит в Мире Грядущем.

Почитание и искренняя любовь к Всевышнему, почитание отца и матери и помощь ближнему, и ранний приход в Дом Учения (утром и вечером), и гостеприимство и забота о больных и помощь бедным невестам в устройстве свадьбы, и участие в похоронах, и со-

средоточенность при молитве, и примирение поссорившихся друзей и супругов. Но изучение Писания равноценно всем этим заповедям вместе взятым.

Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, одевающий нагих. Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, освобождающий узников.

Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, распрямляющий согбенных.

Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, возвышающий сушу над водами.

Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, давший нам всё необходимое.

Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, направляющий шаги человека.

Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, возвращающий силу уставшему.

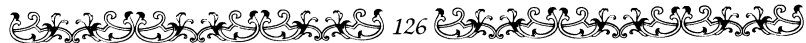
Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, прогоняющий сон с моих глаз и дремоту с моих век! И да будет угодно Тебе, Господь, Бог наш и Бог отцов наших, приучить нас к изучению Слова Твоего и приобщить нас к исполнению Твоих заповедей.

И не допускай, чтобы совершали мы грех, преступление и беззаконие, и не посылай нам испытание и позор. Да не возьмёт в нас верх злое начало.

И отдали нас от дурного человека и от плохого товарища, и сделай так, чтобы следовали мы доброму началу, заложенному в нас, и совершали добрые дела, и подчини Себе наши страсти. И да обретём мы сегодня и впредь милость, любовь и милосердие в глазах Твоём и в глазах всех, кто видит нас, и воздай нам добром...

Да будет угодно Тебе, Господь, Бог мой и Бог отцов моих, оберегать меня, мою жену, моих детей и внуков сегодня и впредь от дерзких людей и от дерзости в нас самих, от дурных людей и от злых устремлений, и от плохих товарищей и подруг, и от злых соседей и от катастроф, от дурных глаз, от злых языков и доносов, от лжесвидетельств, от людской ненависти, от подозрений, от насильственной смерти, от тяжёлых болезней, от несчастных случаев и от смертельных врагов, от тяжёлого суда и неуступчивого истца... и от преисподней.

Дорогие мои: любимая и верная жена Зинаида, сын мой Борис, дочери мои Гуля и Полина, Маргарита, внуки Леонард и Гриша, внучки Алина и Дорочка, а также все последующие продолжатели нашего древнего и славного рода!

Чтобы не растерять духовный опыт, накопленный предыдущими поколениями наших предков, чтобы души ваши не растерялись на «свалке» Вселенной, завершая слова завета моего о подлинной искренней любви к Богу, о цели земного существования, смысл которого в самосовершенствовании собственной души, говорю вам: при всех тяготах и прелестях земной жизни прямая дорога в Грядущий вечный мир завоевывается только личным опытом каждого из нас в земном воплощении и только одним способом — через стремление любым своим поступком и даже мыслями заслужить милость Всевышнего.

И поэтому в заключение я приведу для Вас слова из псалма праведного иудейского царя Давида:

«Ликуйте пред Господом по всей земле! Служите Господу в радости, приидите к Нему с песней. Знайте, что Господь Бог, Он создал нас, и мы принадлежим Ему, мы — Его народ, стадо, которое пасёт Он. Войдите в Его врата с благодарственной жертвой, в подворья Его с хвалебной песней. Благодарите Его, благословляйте Имя Его. Ибо добр Господь, вечна милость Его, и на все поколения верность Его».

Аминь!

Анкета

1. Фамилия, имя, отчество:

Мирзоев Гасан Борисович.

2. Год, число, месяц и место рождения:

11 декабря 1947 г., г. Баку Азербайджанской ССР.

3. Гражданство:

гражданин Российской Федерации, национальность — тат.

4. Образование:

высшее юридическое, высшее экономическое.

Азербайджанский государственный университет им. С. М. Кирова в 1976 г., специальность — правоведение, юрист. Диплом Б-І № 005705.

Московский институт управления им. С. Орджоникидзе в 1989 г., «Организатор управления научными исследованиями». Диплом ДВА № 086745.

5. Учёная степень:

Кандидат юридических наук, диплом КТ № 011986 от 27.06.1995 г.

Доктор юридических наук, диплом ДК № 011117 от 20.03.1998 г.

6. Учёные звания:

Профессор по кафедре адвокатуры и нотариата. Аттестат профессора ПР № 011578 выдан Министерством образования РФ 15.12.2004 г.

Академик Международной Академии информатизации, диплом от 20.07.1995 г.

Академик Российской Академии естественных наук, диплом 37-ОПМ от 25.03.1999 г.

Академик Российской Академии адвокатуры, диплом № 001 от 11.05.1999 г.

Почётный доктор, профессор Бриджпортского Университета (США), избран в 1998 г.

Звание «Почётный доктор философии» университета «Euro Swiss», — решение Национального совета университета «Euro Swiss» от 20 сентября 2007 г.

7. Трудовая деятельность:

1964 — 1966 Бакинский завод железобетонных шпал.

1966 — 1967 5 СВПУ Министерства охраны общественного порядка Азербайджанской ССР.

1967 — 1971 Очное отделение юридического факультета Азербайджанского государственного Университета им. С.М. Кирова.

1968 — 1971 Оперативный дежурный 3 отделения милиции Наримановского РОМ г. Баку.

1971 — 1973 Действительная военная служба в рядах Советской Армии, г. Калинин — областной.

1973 — 1974 И.о. военного следователя Баладжарского гарнизона Закавказского военного округа.

1975 — 1977 Старший юрисконсульт Министерства строительства и эксплуатации автомобильных дорог Азербайджанской ССР.

1977 — 1987 Адвокат, заведующий юридической консультацией № 13 г. Баку.

1987 — 1989 Государственный арбитр г. Москвы, член Коллегии Государственного арбитража г. Москвы, руководитель службы по предупреждению нарушений законности в хозяйственной деятельности.

1989 — 1991 Директор Московского государственного центра правовой помощи предприятиям по предупреждению правонарушений исполкома Моссовета.

1991 — 1993 Генеральный директор Московского Юридического Центра Правительства Москвы.

1993 — по н. в. Председатель Президиума Коллегии адвокатов «Московский юридический центр», г. Москва.

1994 — по н. в. Президент Гильдии российских адвокатов, г. Москва.

1997 — по н. в. Ректор, заведующий кафедрой адвокатуры и нотариата Российской Академии адвокатуры, г. Москва.

2000 — 2003 Депутат Государственной Думы Федерального Собрания российской Федерации 3-го созыва на постоянной основе, заместитель председателя комитета Государственной Думы по государственному строительству, депутат Парламентского Собрания Союза Белоруссия — Россия, член Комиссии по законодательству и регламенту.

2007 — по н. в. заместитель Президента Федеральной Палаты адвокатов РФ.

8. Государственные, ведомственные и иные награды:

1. Медаль «За отвагу на пожаре», Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 декабря 1972 г.
2. Медаль «Ветеран труда», Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1990 г.
3. Нагрудный знак СКВВ. Постановление Президиума советского Комитета ветеранов 9 мая 1990 г.
4. Нагрудный знак «За успехи в работе», приказ министра юстиции СССР от 20 ноября 1991 г.
5. Заслуженный юрист РФ, Указ Президента РФ от 13 июня 1994 г.
6. Медаль Жукова, Указ Президента РФ от 6 марта 1995 г.
7. Медаль им. А.Ф. Кони, постановление Коллегии Минюста РФ от 9 февраля 1996 г.
8. Благодарность Президента РФ, п. р. № 358 от 9 июля 1996 г.
9. Диплом за выдающийся вклад в укрепление единства российской адвокатуры с вручением бронзового бюста Ф. Н. Плевако, — постановление Комитета по награждению адвокатскими наградами им. Фёдора Никифоровича Плевако и знаком «Почётный адвокат России» № 63 от 6 февраля 1997 г.
10. Медаль «В память 850-летия Москвы», Указ Президента РФ от 23 февраля 1997 г.
11. Лауреат номинации «Бизнес-олимп личности» Золотой книги московского предпринимательства — юбилейного издания, посвящённого 850-летию основания Москвы — 15 июня 1997 г.
12. Лауреат премии «Фемида» Московского клуба юристов, 20 декабря 1997 г.
13. Медаль им. Ф. Н. Плевако, постановление Комитета по награждению Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако от 23 декабря 1998 г.
14. Памятный знак «120 лет уголовно-исполнительной системе России», решение ГУИН Минюста РФ от 12 марта 1999 г.
15. Орден «За заслуги в развитии науки и экономики» I степени, решение президиума РАЕН от 25 марта 1999 г.
16. Нагрудный знак «Почетный адвокат России», решение Комитета по награждению адвокатскими наградами «Почетный адвокат России» от 30 сентября 1999 г.
17. Серебряная медаль «За укрепление уголовно-исполнительной системы», приказ министра юстиции РФ от 2 июня 2000 г.

18. Почётное звание и знак «Рыцарь науки и искусств», решение президиума РАЕН от 14 февраля 2001 г.

19. Орден «За заслуги в развитии науки и экономики» I степени, решение президиума РАЕН от 9 декабря 2001 г.

20. Орден «За выдающиеся заслуги в информатологии», постановление президиума МАИ № 0412-5 от 12 апреля 2002 г.

21. Медаль «За трудовую доблесть», приказ министра обороны РФ от 17 апреля 2002 г.

22. Медаль «В память 200-летия Минюста России», приказ министра юстиции РФ от 23 сентября 2002 г.

23. Памятный знак Министерства юстиции РФ, приказ министра юстиции РФ № 1448-к от 1 октября 2002 г.

24. Международный «Орден Крылатого льва», решение Международного аттестационного совета при ЮНЕСКО, ОЛ № 0236 от 29 января 2003 г.

25. Диплом за победу во всероссийском конкурсе «Лидер 2003 года» в номинации «Лидер законотворческой деятельности в сфере адвокатуры», — 26 ноября 2003 г.

26. Золотая медаль им. А. Фадеева (литературная премия), постановление Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов № 2 от 20 февраля 2004 г.

27. Нагрудный знак «Почётный работник юстиции России», приказ № 114-К Минюста РФ от 10 сентября 2004 г.

28. Памятный знак «125 лет Уголовно-исполнительной системе России», приказ ГУИН Минюста РФ № 147-к от 13 сентября 2004 г.

29. Орден «За верность адвокатскому долгу», решение Совета Федеральной Палаты адвокатов РФ № 8 от 17 сентября 2004 г.

30. Международная премия по информатологии и медаль «Академик И. И. Юзвизин», постановление президиума МАИ № 53 от 4 октября 2004 г.

31. Орден Москвы, решение президиума Академии развития Москвы и Московского региона от 15 декабря 2004 г.

32. Золотой орден «Меценат», решение Совета фонда «Меценаты Столетия» № 30 от 16 декабря 2004 г.

33. Памятная медаль «60 лет Победы», Совет ветеранов ЦА МВД РФ от 9 мая 2005 г.

34. Гражданский орден Серебряная Звезда «Общественное признание» от 11 мая 2005 г.

35. Орден Петра Великого I степени, постановление президиума Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка № 158 от 20 мая 2005 г.

36. Памятный знак «100 лет генерал-майору Борису Александрову», ГУ Воспитательной работы ВС РФ, приказ министра обороны РФ № 425 от 6 октября 2005 г.

37. Медаль «Профессионал России», постановление Совета по общественным наградам России № 8 от 8 декабря 2005 г.

38. Юбилейный нагрудный знак «15 лет ТСО», приказ командира в/ч 4043 от 15 июня 2006 г.

39. Памятный знак «10 лет погранотряду МГБ ПМР». Приказ командира в/ч 4043 № 265 от 28 августа 2006 г.

40. Памятный знак «За верность адвокатскому долгу и традициям российской адвокатуры» от 20 сентября 2006 г.

41. Медаль «15 лет Приднестровской милиции», Указ Президента ПМР № 628 от 3 ноября 2006 г.

42. Медаль Международной Полицейской Ассоциации II степени № 071 от 11 декабря 2006 г.

43. Орден Почета Приднестровской Молдавской Республики, Указ Президента ПМР № 354 от 16 мая 2007 г.

44. Медаль Энциклопедии «Лучшие люди России» № 5455, решение главного редактора от 10 июля 2007 г.

45. Медаль «15 лет миротворческой миссии в Приднестровье». Указ Президента ПМР № 486 от 20 июля 2007 г.

46. Почётный знак «Генерал Плиев И.А.» за долголетнюю и добросовестную работу во славу Государства Российского, — решение наградного комитета Национальной ассоциации объединения запаса Вооружённых сил (МЕГАПИР) от 5 октября 2007 г.

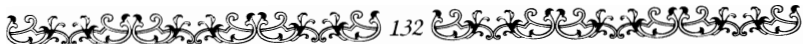
47. 50 лет массового жилищного строительства в Хорошево-Мневниках г. Москвы. Решение муниципального собрания Хорошево-Мневники 12.12.2006.

48. Диплом за выдающийся вклад в укрепление единства российской адвокатуры с вручением бронзового бюста Ф.Н. Плевако, — Постановление Комитета по награждению адвокатскими наградами Фёдора Никифоровича Плевако и знаком «Почётный адвокат России» № 63 от 6.02.2007.

49. Почётная грамота Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, — решение Государственной Думы ФС РФ от 15.11.2007.

50. Золотая медаль Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации — решение Председателя Государственной Думы ФС РФ от 15.11.2007.

51. Золотая медаль «Почётный адвокат» Адвокатской палаты Московской области, — 21.11.2007.

52. Орден III степени «Сдержанность и компетентность» Национального фонда «Во благо Отечества», — 21.11.2007.

53. Медаль I степени «За заслуги в защите прав и свобод граждан», — решение Совета Федеральной Палаты адвокатов Российской Федерации № 3 от 30.11.2007.

54. Орден св. Александра Невского «За труды и Отечество», — решение экспертно-редакционного Совета Высшей Российской Общественной награды ордена св. Александра Невского «За труды и отечество» № 41/РН—01 от 30.11.2007.

55. Знак «За содействие МВД», — приказ МВД России № 1156 от 4.12.2007.

56. Медаль «За веру и добро», постановление губернатора Кемеровской области № 61—пн от 4.12.2007.

57. Медаль «За честь и мужество», — постановление губернатора Кемеровской области от 4.12.2007.

58. Орден «Трудовая слава» Приднестровской Молдавской Республики, — Указ Президента ПМР № 800 от 6.12.2007.

59. Почётная грамота Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации № 1669, — 7.12.2007.

60. Медаль Международной Полицейской ассоциации I степени, — 10.12.2007.

61. Орден «Рыцарь знаний и справедливости» Российской Академии естественных наук, — 10.12.2007.

62. Международный орден «За заслуги в развитии информационного общества» общественной организации «Международная академия информатизации», — 11.12.2007.

63. Почётный знак «За заслуги в развитие физической культуры и спорта», — приказ руководителя Федерального агентства по физической культуре и спорту № 91 ПЗ от 11.12.2007.

64. Золотая медаль «За укрепление уголовно-исполнительной системы», — приказ Федеральной службы исполнения наказаний № 1097-л от 11.12.2007.

65. Орден Русской Православной Церкви Святого благословенного князя Даниила Московского III степени, — Указ Патриарха Московского и всея Руси Алексия II № 812 от 12.12.2007.

66. Орден «За службу России», — решение Международной Ассоциации «Слава России» от 18.12.2007.

67. Медаль «Миротворец», — решение Военно-державного союза от 11.02.2008.

9. Общественная деятельность:

Народный заседатель народного суда Насиминского района г. Баку (1975 — 1977 гг.).

Депутат Ахмедлинского поселкового и Шаумяновского районного Совета народных депутатов, г. Баку Азербайджанской ССР (1978 — 1986 гг.).

Сопредседатель избирательного объединения Ассоциация адвокатов России» (1993 — 1998 гг.).

Член Палаты по правам человека и Палаты по науке и культуре Политического консультативного совета при Президенте РФ (1993 — 2000 гг.).

Член национального комитета РФ по десятилетию международного права ООН (1994 — 1999 гг.).

Заместитель председателя Союза юристов г. Москвы (1994 г. — по н. в.).

Заместитель председателя Экспертного совета Комиссии по гражданству при Президенте РФ (1995 — 2000 гг.).

Сопредседатель избирательного объединения «Ассоциация адвокатов России» (1995 г.).

Председатель редакционных советов журналов «Адвокатские вести», «Вестник Гильдии российских адвокатов», «Российский адвокат» (1995 г. — по н. в.).

Член ассамблеи Международной и Европейской Ассоциации юристов (1995 г. — по н. в.).

Член экспертного консультативного совета МВД РФ (1996 — 2003 гг.).

Сопредседатель Комитета по награждению адвокатскими наградами им. Ф. Н. Плевако и знаком «Почетный адвокат России» (1996 г. — по н. в.).

Член президиума Центра правовой информатизации СНГ (1997 — 2000 гг.).

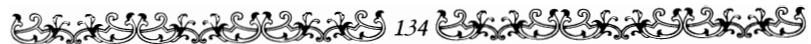
Член Политсовета избирательного объединения «СПС» и «Голос России» (1998 — 2002 гг.).

Председатель Координационного Совета Общероссийской общественной организации «Юристы за права и достойную жизнь человека» (1998 г. — по н. в.).

Член президиума Российской Академии бизнеса и предпринимательства (1998 г. — по н. в.).

Первый вице-президент Федерального Союза адвокатов России (1999 г. — по н. в.).

Действительный член (академик) Академии народов мира «Элита» (1999 г. — по н. в.).

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ третьего созыва, зам. Председателя Комитета Государственной Думы РФ по государственному строительству, член Мандатной комиссии, депутат Парламентского Собрания Союза Белоруссия — Россия, член Комиссии по законодательству и регламенту, член фракции «Единство» (2000 — 2003 гг.).

Заместитель Генерального секретаря Международной ассоциации адвокатов (ИВА) по России и странам СНГ (2000 — 2004 гг.).

Сопредседатель Центрального Совета адвокатских объединений России (2000 г. — по н. в.).

Член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия (2001 г. — по н. в.).

Член Союза писателей России (2002 г. — по н. в.).

Член политической партии «Единая Россия», член Координационного совета сторонников политической партии «Единая Россия» (2002 г. — по н. в.).

Действительный член (академик) Международной академии возникающих рынков (США) (2004 г. — по н. в.).

Член Общественной палаты РФ (2006 — 2008 гг.).

Главный редактор журнала «Ученые труды Российской академии адвокатуры» (2006 г. — н. в.).

Член экономического совета Федерального агентства по физической культуре и спорту РФ.

Член Экспертного Совета МВД РФ по вопросам нормотворческой работы, приказ министра обороны РФ № 860 от 3 октября 2007 г.

Заместитель Президента Федеральной Палаты адвокатов РФ (31.01.2007 г. — по н.в.).

10. Отношение к военной обязанности и воинские звания:

12.11.1971-26.11.1973 проходил действительную военную службу в ВВС СССР на должностях рядового и сержантского состава (Брестское Краснознаменное авиационное соединение, пос. Мигалово, Калинин-9, областной Московский военный округ).

20.11.1973-17.11.1974 И.о. военного следователя Баладжарского гарнизона Закавказского военного округа.

25.11.1975 приказом министра обороны № 252 присвоено воинское звание лейтенант.

18.09.1983 приказом КЗАКВО № 15 присвоено воинское звание старший лейтенант.

29.08.1988 приказом КЗАКВО № 31 присвоено воинское звание капитан юстиции.

22.02.2000 приказом министра обороны РФ № 127 присвоено воинское звание майор юстиции.

16.02.2002 приказом министра обороны РФ № 100 присвоено воинское звание подполковник юстиции.

13.09.2006 приказом министра внутренних дел Приднестровской Молдавской Республики № 108 присвоено специальное звание полковник милиции.

05.07.2008 приказом министра обороны РФ № 661 присвоено специальное звание полковник юстиции.

13.08.2007 Указом Президента Приднестровской Молдавской Республики № 527 присвоено специальное звание генерал-майор милиции.

*Прапрадед мамы Залман Ишмаилович,
станция Зеленчукская, 1875 г.*

Прадед Рафаэль Хасидович, 1895 г.

*Дедушка Натан Евдаевич
и бабушка Нэнэ Ишаевна, г. Баку, 1947 г.*

*Дедушка по материнской линии
Шавадьё Залманович Алхазов, унтер-офицер
царской армии, станция Грозненская, 1911 г.*

*Мама Дора Шавадьевна,
Гасан, Натик, Фрида, 1952 г.*

Наша семья, г. Георгиевск, 1956 г.

*Старшая сестра мамы –
Цива Шавадьевна, г. Грозный, 1949 г.*

*Будущая поэтесса Фрида Борисовна Юсуфова
с отцом на грядке во дворе нашего дома,
г. Георгиевск, 1955 г.*

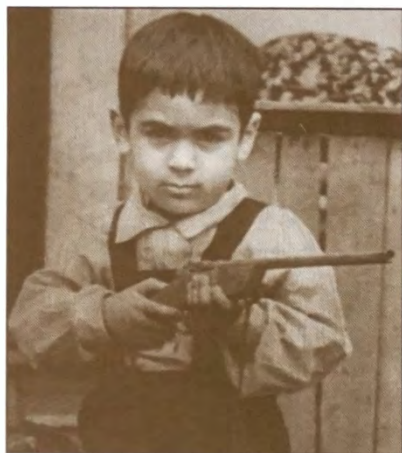
*Мои родители,
г. Баку, 1982 г.*

Мама Дора Шавадьевна, г. Москва, 1997 г.

Мать и сын, г. Москва, 1993 г.

Автору 5 лет, 1952 г.

*На работе у отца вместе
с его коллегами путейцами,
г. Георгиевск, 1963 г.*

Мой отец — Борис Натанович Евдаев

*С трибуны комсомольского собрания,
г. Калинин, ефрейтор Г. Мирзоев, 1971 г.*

*С дочкой Гулей
и женой Зинаидой,
г. Москва, 2003 г.*

*Последнее фото моего двоюродного брата
Игоря (Данила) Ильканаева,
погибшего 11 сентября 2001 г. во время
атаки террористов на Международный
торговый центр в Нью-Йорке*

*Моя мама
со своей первой
внучкой Гулей,
г. Москва, 1997 г.*

С мамой и братом

*На отдыхе с сыном Борисом,
Московская область, Снегири, 2002 г.*

С сыном Борисом

*Сын Борис с женой Евгенией,
г. Москва, 2002 г.*

Мои дочери – Гуля и Полина

*Адвокаты: сын — Борис Гасанович Мирзоев
и брат — Натан Борисович Мирзоев,
участники адвокатского праздника*

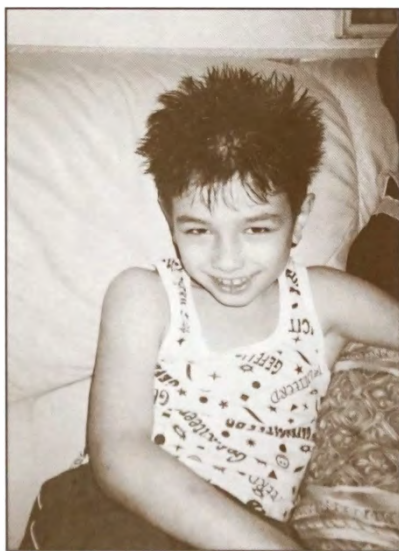

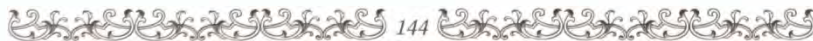
*С сестрой – поэтессой
Фридой Борисовной
Юсуфовой*

*Мои внуки — продолжатель рода
Григорий Борисович Мирзоев
с сестрой Дорочкой*

Внук Леонард (сын старшей дочери Гули)

*Продолжатель рода
Григорий Борисович Мирзоев*

Моя внучка Алина, 8 лет, г. Москва, 2005 г.

*С дочерью
Полиной в Париже*

*Дядя Илюша — Шамилев Илья Израилевич —
ветеран Войны, умер в 2007 г. в. г. Москва*

*С племянниками
Валерием
Юсуровым
и Зауром
Мирзоевым*

*С племянником
(сыном сестры)
Валерием
Юсуровым*

*Мой класс
школа №18,
г. Георгиевск, 1954г.*

*Встреча через 50 лет
с первой учительницей
Ниней Федоровной,
г. Георгиевск, 2004 г.*

*С другом юности
Алидом Мамедовым,
г. Баку, 1985 г.*

Встреча с Президентом РФ В.В. Путиным в Госдуме России, г. Москва, 2001 г.

С Папой Римским Иоанном Павлом II, Ватикан, 2000 г.

*С другом
и соратником
Львом Шамаевым,
г. Москва, 1993 г.*

*Посвящение
в академики,
г. Москва, 2003 г.*

*С адвокатами-
однокурсниками
Анатолием
Хорошевым
и Владимиром
Богомоловым*

*С другом и коллегой –
депутатом Госдумы
Александром Фокиным*

*С великим земляком
и другом
Мстиславом
Ростроповичем*

*Интервью для
российского телевидения.
Справа – друг и
соратник,
вице-президент ГРА
Леонид Федорович
Кедяев*

*С другом и депутатом
Госдумы РФ Валентином Чернявским*

*С другом и наставником
Валерием Михайловичем Савицким,
г. Сочи, 1996 г.*

*С давними друзьями
Леонидом Якубовичем
и Сергеем Цоем*

*С другом, певцом
Михаилом Звездинским
и коллегой по Госдуме
Владимиром Жириновским,
г. Москва, 1999 г.*

*Встреча давних друзей:
Иван Анатольевич Близнац
и Михаил Александрович Федотов,
Торгово-промышленная палата РФ
г. Москва, 2007 г.*

*С другом, коллегой и учителем — первым
заместителем Председателя
Арбитражного Суда г. Москвы,
Николаем Петровичем Логуновым, 1995 г.*

*На съезде сторонников первого
Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Москва, 1993 г.*

*С другом, заместителем
Прокурора
Азербайджанской ССР
Николаем Павловичем
Пустовит*

*С давними друзьями –
профессором
Тимофеем Радько
и певцом
Вилли Токаревым*

*С соратником и другом
Костановым Юрием
Артемовичем —
первым вице-
президентом
Гильдии российских
адвокатов*

*С народным артистом
СССР Владимиром
Этушем и другом —
депутатом
Мосгордумы
Валерием Шапкиным*

*С соратником
и другом первым
вице-президентом
Гильдии российских
адвокатов
Юрием Алексеевичем
Ильным*

*С другом, заместителем секретаря
Совета Безопасности РФ
Евгением Ивановичем Ноздратенко*

*С другом и
наставником
Исером Юльевичем
Сухаревым*

*С другом и коллегой
депутатом Госдумы
Гуровым Александром
Ивановичем*

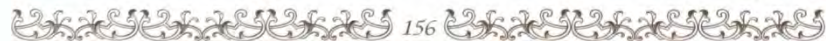
*После заседания
Общественной палаты
I созыва
с генералом
Николаем Резником
и академиком
Евгением Велиховым*

*С друзьями
и соратниками,
профессорами
Львом Семеновичем
Симкиным и
Израилем Борисовичем
Мартковичем*

*Друзья и коллеги:
Представитель
Гильдии российских
адвокатов в США
академик РАН
Владимир Львович
Квинт и руководитель
аппарата Госдумы
Александр Николаевич
Лоторев,
г. Москва, 2004 г.*

С художником-соотечественником и другом Беньямином Шалумовым

С коллегой по Общественной Палате Лео Бокерия, г. Москва, 2007 г.

На новогоднем вечере в Доме адвоката. «Пионеры» – адвокаты В.Я. Залманов и В.Б. Багдасарян

*На торжественной
Церемонии,
посвященной вручению
адвокатских наград
им. Ф.Н. Плевако,
Колонный зал Дома
Союзов, 2005 г.*

*III Всероссийский
съезд адвокатов,
г. Москва, 2006 г.*

*Идет заседание
Президиума коллегии
адвокатов «Московский
юридический центр»,
г. Москва, 2007 г.*

*Слева-направо:
Рагим Мансуров,
Махараджа Индии
ГопаЛ Кришна Госвами,
Санджит Кумар,
Валерий Дружинин*

*С Президентом
парижской коллегии
адвокатов Ивом Репике,
г. Париж, 2006 г.*

*В Президиуме
V съезда Гильдии
российских адвокатов*

*С Президентами
адвокатских палат
у входа в здание
Российской Академии
адвокатуры,
г. Москва, 2006 г.*

*С коллегами —
депутатами
Госдумы РФ
Николаем Рыжковым и
Виктором Геращенко*

*С представителем Гильдии российских
адвокатов в США, иностранным членом РАН,
действительным членом (академиком) Российской
Академии адвокатуры, профессором В.Л. Квинтом,
г. Москва, 2007 г.*

*Нью-Йорк.
Г. Б. Мирзоев
депутат от РФ
на 50-й конференции
международной
Ассоциации
адвокатов,
1997 г.*

*С другом
и коллегой
Генри Резником,
г. Санкт-Петербург,
1991 г.*

*Слева —
Исер Юльевич Сухарев
начальник отдела
адвокатуры
Минюста РФ.
Справа — депутат
Госдумы Григорий
Алексеевич Томчин,
1999 г.*

*С коллегой по
Общественной
Палате
Андреем Пржедомским,
2007 г.*

*Идет заседание
Государственной Думы
III созыва*

*С главным редактором
журнала,
вице-президентом
Гильдии российских
адвокатов
Роменом Звягельским
и телеведущим
Юрием Николаевым*

*Памятное фото с участниками
мироворческой миссии в Приднестровье,
г. Тирасполь, 2003 г.*

*Участник мироворческой миссии
в Приднестровье, г. Тирасполь, 2007 г.*

*Идет заседание
координационного
Совета
общероссийской
общественной
организации
«Юристы за права
и достойную жизнь
человека» с ученым
С.В. Карпенко*

*В центре –
Председатель
Президиума
Межреспубликанской
коллегии адвокатов
Николай Наумович
Клѐн,
г. Москва, 2003 г.*

*На съезде партии
«Единая Россия»
с Президентом Республики
Калмыкия
К.Н. Илюмжиновым,
г. Москва, 1 октября 2007 г.*

*Члены исполкома
штаба по выборам
Президента
Российской
Федерации
(в середине,
в первом ряду,
дочь первого
Президента РФ –
Татьяна Дьяченко)*

*Вручение
адвокатской
награды первому
вице-мэру Москвы
Владимиру Ресину,
Колонный зал,
Москва, 2007 г.*

*С Аркадием Вольским,
г. Москва, 1995 г.*

*На передаче
«Культурная революция»
с Михаилом Швыдким
и Татьяной Устиновой,
г. Москва, 2007 г.*

*С Президентом
Российской академии
бизнеса
и предпринимательства
Ириной Горбулиной*

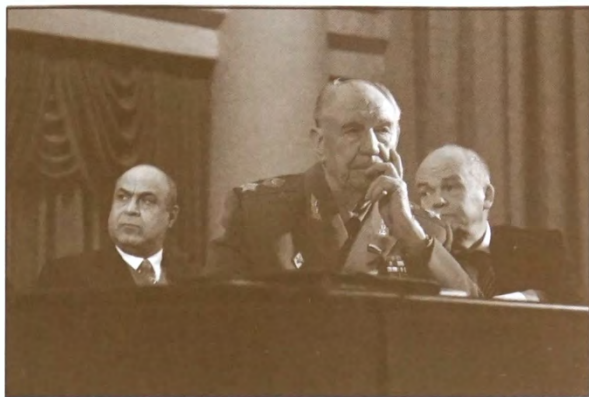
*С мэром Москвы
Юрием Лужковым*

*С депутатами
Госдумы
В.А. Васильевым
и В.Н. Плигиным,
г. Москва, 2007 г.*

*С Владимиром Игониным,
г. Москва, 2007 г.*

*С Дмитрием Язовым
и Евгением Велиховым*

*С Президентом
Приднестровской
Молдавской
Республики
И.Н. Смирновым,
г. Тирасполь, 2004 г.*

*С губернатором
Московской области
Б.В. Грозовым,
г. Москва, 2003 г.*

*С председателем
Московской городской
думы В.М. Платоновым,
г. Москва, 2007 г.*

*С давними друзьями:
вице-спикером
Государственной Думы
РФ А.Д. Чилингаровым
и губернатором
Калининградской области
Г.В. Боосом*

*С Мадлен Олбрайт –
гостьей Госдумы РФ,
г. Москва, 2003 г.*

*Партия в нарды с другом,
легендарным хоккеистом,
В.А. Фетисовым.
В центре судья –
Р.А. Звягельский,
г. Москва, 2004 г.*

*С примадонной российской эстрады
Аллой Борисовной Пугачевой*

*С певцом
и депутатом Госдумы
И.Д. Кобзоном,
г. Москва, 2002 г.*

*С певцом и артистом
Сергеем Крыловым*

*С Владимиром
Брынциаловым*

*С двумя Олегами –
Уткиным
и Мироновым
в гостях
у губернатора
Саратовской
области
Дмитрия Аяцкова*

*С маршалом Владимиром Михайловичем Михалкиным
и генерал-майором милиции Татьяной Москальковой.
Конференция по проблемам защиты прав военнослужащих, г. Москва, 2007 г.*

*С депутатом
Госдумы IV созыва
Александром Хинштейном*

*Слева –
Александр Воловик,
справа –
Николай Сличенко*

*С актрисой
Наташей
Гундаревой,
2001 г.*

*Кинорежиссер Владимир Меньшов
в кресле Президента Гильдии
российских адвокатов*

*С уполномоченным по правам
человека в РФ
Олегом Мироновым,
г. Москва, 1998 г.*

*С Евгением Семеняко
и Алексеем Галогановым*

*В центре —
Председатель
Госдумы III созыва
Геннадий Николаевич
Селезнев*

*С Александром
Алексеевичем
Котенковым,
г. Москва, 1993 г.*

*Справа –
губернатор
Самарской области
Константин
Алексеевич Титов,
г. Москва, 2003 г.*

*В День защитника
Отечества,
февраль 2007 г.*

*С ректором МГУ, академиком РАН
Виктором Антоновичем Садовничим,
октябрь 2007 г.*

*С мэром Нижнего Новгорода
Вадимом Булавиновым*

Содержание

Вступление	3
Часть первая. Я построил мир	7
Глава 1. Московский рейс	8
Глава 2. Как создавались «Мосюрцентр» и Гильдия русских адвокатов	42
Глава 3. Как принимался Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»	52
Глава 4. Ошибки товарищей, или лучшее — враг хорошего	63
Глава 5. Будущее адвокатуры	70
Часть вторая. Мой духовный путь.	73
Глава 1. Фамилия	74
Глава 2. Отец	77
Глава 3. Профессия	83
Глава 4. Об истоках.	95
Глава 5. О вере и путях спасения Души	102
Глава 6. Ребенок чист	113
Глава 7. О жизни и смерти.	120
Анкета	128

Мирзоев Гасан Борисович

МОЙ ЗАВЕТ

Компьютерная верстка *Т.В. Максимова*
Корректор *Ю.П. Баклакова*

Подписано в печать 25.02.2009. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 11. Тираж 2000 экз. Заказ № 124.

Издание подготовлено ООО «Информ-Право»
при участии ООО «Поматур»
Москва, 127018, Сушевский вал д. 49, стр. 2

МИРЗОЕВ ГАСАН БОРИСОВИЧ

Адвокат, член Союза писателей России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник юстиции, почетный адвокат России, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, президент Гильдии

российских адвокатов, первый вице-президент Федерального союза адвокатов РФ, заместитель президента Федеральной палаты адвокатов РФ, председатель Координационного совета общероссийской общественной организации «Юристы за права и достойную жизнь человека», ректор и председатель Ученого совета Российской академии адвокатуры и нотариата (РААН), действительный член (академик) РААН, председатель диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций, заведующий кафедрой адвокатуры РААН, председатель президиума коллегии адвокатов «Московский юридический центр», член Экспертного совета МВД РФ по законотворческой работе.

Автор 18 монографий, более 300 научных статей, публикаций и литературных произведений. Имеет ряд государственных, ведомственных и общественных наград.

